

Наталья Павлищева

НАТАЛЬЯ ГОНЦАРОВА

ЖИЗНЬ С ПУШКИНЫМ И БЕЗ

Annotation

Ее величали первой красавицей эпохи. Ее любил больше жизни, за нее погиб первый поэт России, которому она была не только женой, но и музой. Наталья Николаевна прожила с Пушкиным всего шесть лет, и, положа руку на сердце, эти годы не назовешь безоблачным раем. Брак с гением вообще не бывает простым и легким, вот и Александр Сергеевич в быту порой становился невыносим: тут и «африканская» ревность, и тяжелый характер, и денежные проблемы, долги, падение популярности (публика далеко не сразу приняла нового, «взрослого», по-настоящему великого Пушкина), а в завершение всего – страшные дни его предсмертной агонии... И грязные слухи, что поползли сразу после роковой дуэли: дескать, пушкинская ревность возникла не на пустом месте, мол, это «ветренная» жена погубила гениального поэта, а сколько бы он мог еще прожить, сколько написать... Наталья Николаевна наверняка знала об этих сплетнях, она жила с этим бременем четверть века, изо дня в день доказывая себе и другим: что бы там ни ввали завистники и клеветники, она была достойна своего великого мужа.

Эта книга – взгляд на личный мир гения глазами самого близкого ему человека, трогательный роман о коротком счастье с Пушкиным и долгой жизни после него, в которой были и семь лет вдовьего траура, и повторное замужество, и выросшие дети, и светлая память о «солнце русской словесности», закатившемся так рано.

-
- [Наталья Павлицева](#)

- [От автора](#)
 - [НАТАША ГОНЧАРОВА](#)
 - [НЕВЕСТА](#)
 - [НАТАЛЬЯ ПУШКИНА...](#)
 - [Я ЖЕНАТ - И СЧАСТЛИВ](#)
 - [РЕВНОСТЬ](#)
 - [СЕСТРЫ ГОНЧАРОВЫ](#)
 - [САМЫЙ ТЯЖЕЛЫЙ ГОД...](#)
 - [ИДАЛИЯ ПОЛЕТИКА](#)
 - [ВЫЗОВ](#)
 - [РОДСТВЕННИКИ. ДУЭЛЬ](#)
 - [ПОСЛЕ ПУШКИНА...](#)
 - [ПРИЮТ ТРУДОВ И ВДОХНОВЕНЬЯ...](#)
-

**Наталья Павлищева
Наталья Гончарова. Жизнь с
Пушкиным и без**

От автора

Самое известное ее изображение выполнено Брюлловым – юная светская красавица в бальном платье замерла, опершись на что-то. Кажется, еще миг, и она снова умчится, потому как следующий танец обещан...

Красива? Конечно. Пуста? Почти наверняка.

Эту акварель написал не Карл Брюллов, не тот, чьей кисти принадлежит знаменитый «Последний день Помпеи», а его старший брат Александр Брюллов!

Карл Брюллов Наталью Николаевну никогда не рисовал, даже Пушкин не смог уговорить строптивного живописца. Почему? Утверждают, что не любил. Но Пушкина-то он обожал и ценил, а от портрета тоже отказался...

Настроенных против и современников, и потомков у Натальи Николаевны хватало и без Карла Брюллова.

Почему ее так не любили многие гениальности, буквально ненавидели Анна Ахматова и Марина Цветаева? Не дав себе труда вдуматься или просто поверить Пушкину, наверное, лучше знавшему свою Мадонну, «чистейшей прелести чистейший образец», осудили, облили грязью, заклеямили глупой пустышкой. Не знали многих фактов и отзывов, известных сейчас? Возможно, но скорее не хотели знать.

Видели в ней светскую красавицу, обученную лишь танцам и флирту, к тому же напрочь отсекая ее последующую после Пушкина жизнь и образ. Зато те, кто хорошо знал Наталью Николаевну настоящую, а не придуманную ненавистниками, – Жуковский, Карамзины, Вяземский, Нащокин и другие – относились к ней прекрасно. Показательно знакомство Натальи Николаевны с Лермонтовым, сначала предубежденным

из-за ее красоты, а потом очарованным душой, душой, заметьте, а не внешностью...

Она не была ни глупой, ни фальшивой. Именно потому, а не за одну красоту лица полюбил ее ГЕНИЙ. Вспомните: «... а душу твою я люблю еще сильнее...» Значит, была душа?

И ум был, разве мог Пушкин дурочке написать: «... черт догадал меня родиться в России с душой и талантом!»? Или жаловаться в письме: «... очищать русскую литературу есть чистить нужники и зависеть от полиции...»? Или присылать светской пустышке пакет с материалами для «Современника» и заданием относительно цензурного комитета? А как же тогда с утверждением, что она-де пушкинских строк не читала?

Наталья Николаевна слыла лучшей в Петербурге... шахматисткой. И образование имела хотя и домашнее, но весьма разностороннее, многочисленным поклонникам – студентам Московского университета, сокурсникам ее брата Дмитрия – было интересно общаться с барышней Гончаровой. Студенты невеликие ценители бального флирта, умения танцевать и прелестных глазок, им умненьких подавай.

Сейчас известны детские учебные тетради Таши Гончаровой. Записи в них свидетельствуют о серьезных размышлениях и знаниях, которыми едва ли обладают современные барышни ее возраста. Не была Наталья Николаевна пустышкой. И бездушной красавицей тоже не была. А бед и горестей на ее долю выпало столько, сколько едва ли выносил кто другой, причем выпало, начиная с детства и до самых последних дней жизни.

Удивительная красота явилась едва ли не наказанием, хотя сама Наталья Николаевна считала ее подарком господя, всю жизнь стараясь соответствовать такому подарку внутренне.

Не верите? Почитайте... Только без предубеждения и отложив в сторону акварель Александра Брюллова.

Лучше вообще забудьте про него, Мадонна ПОЭТА была не такой, совсем не такой...

А еще здесь одна из версий причин, вернее, поводов последней дуэли поэта. Может, мы столько лет не там ищем и французы правы: «ищите женщину»? И не та женщина виновата в гибели Гения, которую обвинили и заклеили в веках?

И все же, почему Ахматова и Цветаева так ненавидели жену Пушкина?

Мне кажется, из-за понимания, что выбирай ПОЭТ между ними и ею, снова предпочел бы свою МАДОННУ, даже зная, что погибнет.

НАТАША ГОНЧАРОВА

- Таша, забудь его.

- Как можно? Как можно забыть Пушкина?

- Ташенька, он всю ухаживает за Ушаковой. Все вокруг говорят, что вот-вот женится.

Азя понимала, что это жестоко, но кто, как не сестра, скажет Таше правду?

У той на глазах выступили слезы, только по привычке сдержалась.

- Женится...

- Да, Катрин Ушакова уверена твердо, Пушкин, говорят, весь альбом им исписал, по три раза на дню на Средней Пресне в их доме бывает! Да я и сама видела вчера: он туда ехал как раз мимо наших окон.

- Откуда это видно?

- Из залы, я за фортепиано сидела, а он мимо окон ехал, повернулся, посмотрел, смеясь... Экий насмешник!

- Из залы? А в котором часу?

- Не смей! Это будет неприлично. - Сестра уже догадалась, почему спросила Таша. Тоже захотелось хоть глазком глянуть на Пушкина, когда ехать будет.

Но на следующий день вместо Александры в урочный час за роялем сидела Таша, пальцы бегали по клавишам, а голова повернута в сторону окна. У самого окна, прячась за занавеской, стояла верная Азя и подглядывала, чтобы дать знак.

Наконец раздался ее шепот:

- Едет!

Наташа живо отвернулась, щеки запылали, пальцы забегали по клавишам чуть резвее нужного темпа. По знаку сестры Александры: «Смотрит!» она повернула голову и действительно увидела Пушкина, приподнимающего шляпу в качестве приветствия. Не

удержавшись, девушка улыбнулась, сначала чуть-чуть, а потом от души, и тут же смущенно отвернулась. Хорошо, что маменька не видит, не то было бы им обеим на орехи, разве можно вот так глазеть на чужого мужчину и улыбаться ему?! Ну и что, что известный поэт, тем более нельзя. К тому же он почти жених Ушаковой.

Дверь открылась, и в комнату вошла старшая из сестер Екатерина. Азя почти отскочила от окна, а Таша сбилась.

- Ты чего частишь, нужно куда медленней. - Сестра недоуменно посмотрела на одну, потом на другую, на окно:

- Кого вы выглядывали? А... Пушкина... Он к Ушаковым снова поехал. Говорят, жениться надумал на Екатерине. Катиш всем уши прожужжала, что это Пушкин ее помолвку с князем Долгоруковым расстроил, мол, столь ревнив, что и помыслить ни о ком не дает. И верно, к чему было расстраивать, коли сам жениться не намерен? А к Лизе сватается его приятель Александр Лаптев да еще Сергей Киселев. Кажется, родители дадут согласие. Небось две свадьбы в один день и сыграют. - Екатерина щебетала, не обращая внимания на несчастный вид младшей сестры, но потом и она вздохнула: - Вот и Ушаковы замуж выйдут... а мы когда же?

Таша сбилась еще раз, снова начала пассаж и снова сбилась. С досады бросила играть, уронив руки на колени.

Сестры переглянулись. Бедняжка... так обмануться в своих чувствах! И Пушкин тоже хорош! А как красиво все начиналось...

Александра, которую дома называли Азей, вспоминала, как появился в тот год Пушкин в Москве и сколько надежд дал сестре.

Наталья Ивановна Гончарова только начала вывозить младшую из дочерей в свет. Это было очень трудно, семья почти бедствовала, денег не хватало на наряды для дочерей, а потому использовались почищенные старые перчатки и старые туфельки, иногда попросту заштопанные. С Ташей труднее всего, она самая рослая, ей сестринские платья негодились и туфли тоже, приходилось надевать много раз одни и те же, вот и стирались до дыр. Но младшей дочери уже шестнадцать, пора вывозить...

А по общему мнению, эта дочь удалась больше других, в бабку Ульрику, мать самой Натальи Ивановны. Самая красивая... удивительно красива... классическая красота... Чего только не слышала мать о своей подрастающей дочери!

У Иогеля начинала танцевать вся Москва, невозможно найти московскую барышню, которая не назвала бы первым балом именно бал знаменитого танцмейстера. Иогель отличался завидным долгожительством и памятью. Он по-прежнему был легок и изящен в каждом движении и прекрасно помнил всех своих учеников и учениц, особенно талантливых. Наталья Гончарова была таковой, она гибкая и стройная, хорошо чувствовала ритм и изящно двигалась.

В том году рождественский бал Иогель устраивал у Кологривовых на Тверском бульваре. Как всегда, кроме нынешних учеников и учениц было немало прежних, танцмейстера любили, как, собственно, и сами его балы, где не было чопорности, зато можно было всласть потанцевать. Наталья Ивановна повезла туда свою младшую – Наташу, которой исполнилось шестнадцать лет, две старшие уже выезжали на более серьезные.

Таша поехала к Иогелю в белом воздушном платье с золотым обручем на голове, что так шло к ее царственной красоте. Азя даже руками всплеснула:

- Ташенька... ты очаровательна! Любой, кто тебя увидит сегодня, непременно влюбится!

И без того смущенная Наталья покраснела:

- Очаровательных девушек и без меня немало...

Наталья Ивановна поморщилась: дочь скромна до болезненности, даже если кто и будет очарован, то красавица все умудрится испортить своей пресловутой конфузливостью. Красоте нужна еще и ловкость, и умение держать себя на людях! Это вон ее брату Дмитрию может нравиться такая конфузливость, а на тех же балах без бойкости над ней попросту смеяться начнут. Оставалось только надеяться, что это пройдет: вот поедит Таша на балы, попривыкнет к свету и перестанет дичиться, словно селянка или монашка.

Сама Наталья Ивановна никогда не дичилась, напротив, была весьма шустрой и в Петербурге известной, ее и замуж за Николая Афанасьевича спешно выдали, чтоб от императрицыного любовника подальше убрать. Самого любовника убили при выходе из театра, а Наталью Загряжскую, чтобы слухи не расползались, сосватали за Гончарова. Радости в семейной жизни не нашлось: ее свекор Афанасий Николаевич Гончаров с помощью любовницы-француженки мадам Бабетт успешно проматывал оставленное предками огромное состояние, сам Николай Афанасьевич после неудачного падения с лошади страдал помутнением рассудка и простыми запоями, жить было не на что, а три дочери требовали выездов в свет и приданого, которого тоже не было. На учебу троих сыновей тоже требовались деньги.

Дом Кологривовых на Тверском сверкал огнями, почти как на настоящем большом балу. Юные особы исподтишка придирчиво оглядывали друг дружку, строили гримаски, изображая свое «фи» по поводу чужих нарядов, и стреляли глазками в поисках будущих жертв.

И вдруг прошелестело: в Москве Пушкин, мало того, он обещал быть у Иогеля! Десятки девичьих сердечек забились быстрее, увидеть господина Пушкина и поговорить с ним – это казалось почти несбыточной мечтой.

Таша вернулась с бала сама не своя, сестры с изумлением смотрели на нее, не в силах добиться путного рассказа о вечере. Удалась только одна фраза:

– Там был поэт Пушкин.

Азя ахнула, прижав руки к груди:

– Пушкин?! Я слышала, что он в Москве. Он был у Иогеля?! Таша, скажи честно, ты видела его? Ты... танцевала с ним?!

Старшая Екатерина фыркнула:

– Пушкин не танцует.

– Что, Таша? Расскажи, как он.

Но младшая только растерянно улыбалась. Не выдержала мать:

– Он весь вечер не спускал с нее глаз и говорил комплименты.

– Ташенька?! А ты, ты что ему отвечала?

– Не помню... я не знаю...

– Вот то-то и оно, что мямлила, точно дикарка какая, и краснела наша скромница. Где уж тут Пушкина завоевать, не расплакаться бы у всех на виду.

– Да ты не влюбилась ли? – участливо заглянула в лицо Азя.

– Нет, но он такой необычный.

Пушкин пробыл в Москве совсем недолго – уже в начале января уехал, казалось, все на том и закончилось. Ну увидел красивую барышню на подростковом балу, ну наговорил кучу комплиментов, ему не привыкать, вон сколько разговоров про пушкинские амурные дела и влюбленности ходит – и

уехал в свой Петербург или еще куда-то. Для него Москва – провинция, не здесь барышень ловить.

Но и в семье Гончаровых Пушкина как возможного жениха не воспринимал никто, даже сама Таша. Она понимала, что просто попала на глаза знаменитому поэту, понравилась своей красотой, но это ничего не значит. Сердечко Наташи Гончаровой если и билось, то вовсе не от любви к Пушкину, а просто от воспоминания, что известнейший поэт и любитель женской красоты столь высоко оценил ее внешность.

Однако в марте Пушкин приехал в Москву снова, хотя раньше его сюда ничем не заманить. Был Великий пост, балов не давали, зато проходило множество концертов, в том числе благотворительных. Это было Наталье Ивановне по карману, билеты стоили недорого, к тому же на концерты можно отпускать девиц одних, не тратясь на платья для сопровождения.

На концерты в Благородном собрании Азя и Таша ездили вместе, там и увидели снова Пушкина. Он уверенно подошел, снова говорил, снова был восхищен младшей Гончаровой... И так едва ли не каждый день. В начале апреля Федор Иванович Толстой, прозванный Американцем, представил Пушкина Гончаровым официально, Наталья Ивановна пригласила поэта бывать у них дома. Пушкин приглашением воспользовался, бывал часто, но вел себя просто странно.

– Не понимаю, столько слышала о его вольностях и его предерзком с дамами обращении, но ничего такого не вижу... – пожимала плечами Наталья Ивановна.

Младший из сыновей Сергей с удовольствием рассмеялся, лукаво поблескивая на сестру глазами:

- А он в Ташу влюбился!
- Господь с тобой!
- Влюбился, влюбился! Свататься будет, я точно знаю.

Не успели спросить, откуда знает, как Сергей показал альманах «Северные цветы», выпущенный к Святкам:

- Вон, смотрите, все сватовство и описано!

В альманахе действительно была напечатана глава из «Арапа Петра Великого», как раз та, в которой царь лично приезжает сватать Наталью Ржевскую за своего крестника Ибрагима.

- Тьфу на тебя, глупый какой! - рассердилась мать.

А сама Таша едва не плакала от смущения.

- И она влюбилась, вон как краснеет.

- Ничего не влюбилась. Просто он же Пушкин.

Однако Пушкин вел себя странно не только у Гончаровых, он посещал два дома с невестами - на Никитской Гончаровых и на Средней Пресне Ушаковых. С Екатериной Ушаковой его связывала давняя дружба и влюбленность. Сестры Ушаковы, почувствовав угрозу потери поэта для своего дома, принялись активно распускать слухи о скорой его женитьбе на Екатерине, а еще, словно в отместку, изрисовывали свои альбомы карикатурами на Наталью Гончарову.

Потому и страдали Таша и Азя.

- Ташенька, а ты его любишь?

- Не знаю...

- Так не любят! - авторитетно заявила Екатерина. - Любовь - это всепоглощающее чувство, если любишь, то уж никак не скажешь «не зна-а-ю...». И он тебя тоже не любит; если любят одну, то другой амурь строить не будут. Забудь его!

Наташа печально вздохнула. Нет, она и правда не любила Пушкина той самой всепоглощающей любовью, о которой говорила старшая сестра, но забыть его глаза, его легкие, умные речи, его восхищение, наконец, не могла. Лучше бы не приезжал совсем!

И вдруг 30 апреля к Гончаровым явился Федор Иванович Толстой. Весь вид его говорил о необычности визита и особой важности. В комнату, где Наташа и Екатерина сидели с рукоделием, вбежала возбужденная Азя:

- Таша... там Толстой!

- И что?

- Таша, он сватать приехал, вот тебе крест сватать!

- Да ну тебя! - отмахнулась Екатерина. - Скажешь тоже: сватать!

Но Александра оказалась права: Федор Иванович Толстой и впрямь приехал просить руки Натальи Николаевны от имени Пушкина.

Наталья Ивановна Гончарова явно смутилась. Конечно, лестно, когда первый поэт России, столь известный Пушкин твердит о своей любви к ее дочери, о том, что она краше всех девиц на свете, однако что за спешка? Да и Таша совсем молода... Имелась еще одна причина раздумий - сестры Гончаровы были бесприданницами, и хотя об этом знала вся Москва, признаваться не очень-то хотелось.

Мать решила повременить: коли серьезные намерения поэта, так никуда не денется. Ответила уклончиво, мол, молода слишком та, чьей руки Александр Сергеевич просит, пусть несколько подрастет. Это не был отказ, но и не согласие тоже.

Наталья Ивановна воспринимала это как не согласие, а Пушкин как не отказ. Он написал благодарное письмо за то, что не отказали, оставив надежду, и... умчался невесть куда! Поговаривали, что на Кавказ. Судьбу испытывать? Или, не получив быстрого согласия, так же быстро передумал?

- Нашел кому поручать сватовство! - смеялась Екатерина. - Сам Толстой-то личность ненадежная, вот и женишка такого же привел!

Федор Иванович Толстой и впрямь был примечателен своим беспокойством и готовностью ввязаться в любую авантюру. Американцем его прозвали за то, что некогда за дерзость бароном Крузенштерном был попросту ссажен на одном из диких Алеутских островов, добро хоть не безлюдном. Подобрали его местные жители, приютили, граф принял помощь, взамен научив их играть в карты, сумел-таки по льду выбраться на берег и даже добраться до Петербурга. Вся жизнь графа Толстого, кажется, состояла из одних приключений. Он вечно с кем-то ссорился, стрелялся, бывал разжалован и снова обласкан за свои боевые заслуги...

Екатерина права: при всей доброте характера Федор Иванович Толстой не был для строгой маменьки солидным гарантом, скорее напротив. Именно потому, узнав, что несостоявшийся жених вдруг умчался, даже не попрощавшись, Наталья Ивановна перекрестилась, а дочери и думать запретила о непостоянном женихе.

Наташа старательно выкидывала Пушкина из головы все лето. Но осенью...

Шум в прихожей привлек внимание сидевших за чаем младших Гончаровых. Маменька не вставала так рано, а потому ее за столом не было. Не было и Таши, она не любила утренних чаев. Дмитрий начал подниматься, чтобы посмотреть, в чем дело, как в дверь... влетела калоша, видно с ноги пришедшего. Следом, едва сбросив одежду на руки прислуге, ворвался и сам хозяин калоши - Пушкин.

Первый вопрос после приветствия о Наталье. Но перепуганная Таша отказалась выходить, пока Пушкин не поговорит с маменькой. Пушкин в отчаянье: хозяйка дома еще в постели, пока встанет, пока приведет себя в порядок, нет, он не может столько ждать!

Азя, прижимая руки к щекам, испуганно повторяла:

- Таша, он украдет тебя! Украдет и увезет на свой Кавказ! Я это чувствую.

Сереза Гончаров с трудом сдерживал смех, ему очень понравилась влетевшая впереди хозяина калоша. Давненько в их доме не было столько шума!

Наталья Ивановна приняла неожиданного гостя прямо в спальне, не вставая с постели (сам напросился, нечего ни свет ни заря по гостям ходить!). Сам прием Пушкина совершенно обескуражил, он оказался холодным - в Москве уже прочитали кое-какие стишки из старых запасов, которые он сам хотел бы спрятать, а вот издатель совершенно не вовремя напечатал, стихи весьма фривольные, если не сказать больше. Для человека, надумавшего жениться на юной девице, публикация не слишком подходящая, оттого и холодность.

Казалось, вопрос исчерпан, от ворот поворот не дали, но понять, что ловеласа зятем видеть не жаждут, продемонстрировали.

Мало того, сам Пушкин начал снова посещать Ушаковых, причем так часто, как только позволяли приличия. А потом и вовсе уехал в Петербург. Наталья Ивановна надеялась, что дочь забудет своего непостоянного жениха, тем более появились другие поклонники. Таша была весьма успешна в свете, блистала в живых картинах, очаровывала, привлекала внимание.

Конечно, маменька предпочла бы князя Платона Мещерского - симпатичного, умного, образованного и, главное для Гончаровой, богатого. Были и помимо него поклонники, но этот - самый лучший. Это по мнению маменьки, а к ее мнению дочь привыкла прислушиваться.

Тем неожиданней для Натальи Ивановны стало упорство дочери:

- Нет! Только за Пушкина.

Недаром маменька говорила, что в тихом омуте... Тихая и застенчивая Наташа оказалась кремнем, она отстояла право самой выбирать, за кого идти замуж.

Но Пушкин своего предложения не подтверждал, мало того, вся Москва знала, что он влюблен в старшую из сестер Ушаковых - Екатерину и почти сделал предложение.

НЕВЕСТА

«Когда я увидел ее в первый раз, красоту ее едва начали замечать в свете. Я полюбил ее, голова у меня закружилась...» – писано Пушкиным Наталье Ивановне для объяснения своих мыслей и переживаний.

Чему же верить, слухам, что Пушкин сватается к Ушаковой, или его словам в письме, присланном будущей теще? Наталья Ивановна поморщилась: что за зять у нее будет, поухаживать, как другие, порядочно и степенно, и то не может, все с какими-то вывертами, все с непонятностями! Уж или снова посватался бы, или оставил Ташу в покое, а то у девушки глаза ввалились от переживаний и от множества слухов об Ушаковой.

Она прекрасно понимала, что ничего хорошего от этого замужества не будет, но судьба распорядилась так, что помешать уже не могла. Разве что увезти всех трех дочерей в Полотняный Завод или вообще в Кариан и там пока запереть? Так ведь разговоров потом не оберешься, вся Москва потешаться будет. А так не будет? Поездил Пушкин, поездил, поморочил голову, а женится вон на Ушаковой, и точно над Ташей посмеются. Тогда не то что за Мещерского, за кого угодно пойдет.

Как-то неправильно, что младшая, да еще и самая смиренная и застенчивая, вот так первой выходит замуж...

Наталья Ивановна Гончарова была недовольна всем: возможным зятем, дочерью, собственным мужем, свекром, безденежьем, обстоятельствами, самой жизнью...

Ее жизнь действительно сложилась странно и уж очень неровно. Отец Иван Александрович Загряжский сил на женщин не жалел и, помимо законных детей,

имел немало и незаконных. Ее мать – красавицу Ульрику – он у мужа выманил и попросту привез в собственное имение к жене под бок. Александра Степановна Загряжская не была тихоней и показала мужу, что такое настоящий женский гнев. Результат оказался весьма неожиданным: неверный супруг попросту бросил любовницу на шею жене и уехал вести холостяцкую жизнь в Москву. Трезво рассудив, что Ульрика, тем более ее крошечная дочь не виноваты, Александра Степановна пригрела несчастную любовь супруга и добилась, чтобы права маленькой Наташи были соблюдены. Ульрика вскоре умерла, а Наталью Ивановну признали законной дочерью Загряжского, и она росла вместе с сестрами Екатериной и Софьей.

Три сестры стали фрейлинами императрицы, были обласканы при дворе. Причем не только самой императорской четой, но и любовником императрицы Охотниковым, да так, что того жестоко убили при выходе из театра, а Наталью, чтобы не было ненужных разговоров и расследований, быстренько выдали замуж за Николая Афанасьевича Гончарова. Блиставшая на балах красавица Наталья Ивановна Загряжская вмиг стала помещицей Гончаровой.

Скандално? Наверное, но теперь она хорошо знала, что красивой внешностью надо еще распорядиться с умом. А у младшей ее дочери Таши внешность не просто хороша, она повторила свою бабушку Ульрику, о красоте которой ходили легенды и много лет после ее смерти.

Но у Натальи Ивановны с Николаем Афанасьевичем жизнь не сложилась. Гончаровы – род очень древний, как и Загряжские, и очень богатый. Полотняные заводы Гончаровых знали по всей Европе, под их парусами ходили не только корабли императора Петра Великого, но и английские суда. А были еще конные заводы, своя бумага, качественная и высоко ценившаяся, с водяными

знаками, было множество крепостных, хорошие пашни и леса...

И все это превратилось ни во что! Каждый из мужчин Гончаровых старался по-своему. Свекор Натальи Ивановны Афанасий Николаевич Гончаров привез в Полотняный Завод французенку мадемуазель Бабетт и с ее помощью быстро просаживал нажитое предками, видимо, рассуждая подобно французскому королю: после меня хоть потоп.

Растратить такие капиталы смог бы не каждый, но Афанасий Николаевич справился, после себя он оставил долгу полтора миллиона и совершенно расстроенное хозяйство.

Но это были не все неприятности. Супруг Натальи Ивановны Николай Афанасьевич Гончаров после неудачного падения с лошади страдал периодическими помутнениями рассудка, а после отказа отца в управлении делами полотняных заводов еще и запил. Жить с больным пьющим мужем и шестью детьми на подачки свекра было невыносимо трудно, ни о каком Петербурге речи не шло, но и пребывание в Москве становилось не по карману. Только необходимость учить сыновей и вывозить в свет повзрослевших дочерей заставляла Наталью Ивановну держать дом на Никитской. Дом был большим, но очень старым, жизнь в нем весьма скромной. Будучи наследниками огромных поместий, Гончаровы едва сводили концы с концами. Хотя было понятно, что ко времени их вступления в наследство от имений останутся одни долги.

Так и вышло, проценты по закладным старший сын Натальи Ивановны Дмитрий Николаевич выплачивал до тех самых пор, пока император в качестве подарка ко второму замужеству Натальи Николаевны с Ланским не распорядился очистить имение Гончаровых от долга. Но тогда до этого было еще очень и очень далеко...

С горя Наталья Ивановна тоже временами попивала, но в руках себя держала. И не только себя, прежде всего детей. Дмитрий, Екатерина, Иван, Александра, Наталья и Сергей очень боялись строгой матери. Особенно девочки. Младшей Наташе, которую дома все называли Ташей, повезло немного больше сестер. Она так полюбилась деду, что Афанасий Николаевич оставил внучку у себя в имении до шести лет, страшно ее балуя.

Все в Полотняном Заводе крутилось вокруг маленькой Таши - ей заказывались платьица и шляпки из Парижа, оттуда же привозили безумно дорогих и красивых кукол, мячики, книги и прочую прелесть. Три года до своих шести Таша купалась в обожании и роскоши, а потом наступило отрезвление, потому что мать решила, что баловать девочку ни к чему, и забрала ее в Москву. Но Гончаров не желал ничего давать нелюбимой снохе, и Таша стала жить как все.

Она была застенчива до болезненности, чем страшно злила мать, бойкая Наталья Ивановна терпеть не могла тихонь, хотя требовала, чтобы дочери подчинялись ей в самых мелочах. Но именно это же Ташино подчинение вызывало материнское раздражение. У Загряжских вообще были весьма тяжелые характеры, а у Натальи Ивановны особенно. На тяжелый нрав наложились жизненные обстоятельства, и маменька Гончаровых превратилась в очень неуживчивого человека.

И все же детей она любила и старалась дать им образование (на какое хватило денег) и вывести в свет. А строгости еще никому не помешали...

Особенно это касалось дочерей, они были воспитаны в строгих религиозных правилах и почитании семейных ценностей. Это тем удивительнее, что сама маменька в молодости скромностью не отличалась.

Наталья Ивановна опустила руку с листком и долго задумчиво смотрела просто в стену. Присланное Пушкиным письмо открывало его с неожиданной стороны. Неужели это действительно любовь, та самая, которая бывает раз в жизни, да и то не у всякого?

Ну не любила она этого петербургского ловеласа, не верила ему. Как можно поверить тому, кто столько написал в чужие альбомы слов о любви? Это Таша верит, она девчонка совсем, ей простительно... Но Наталья Ивановна вспоминала поведение Пушкина у них дома и дивилась: может, сын Сергей прав и поэт действительно влюблен? Везде до невозможности боек и речист, а у них молчит и смущается не меньше самой Таши, которая всем известная скромница. Вот тебе и Пушкин, расскажи кому, так и не поверят.

До сего дня она вовсе не о его любви думала, ненадежен поэт – вот что главное. Ни в отношении правительства, ни денежно. Что за доход от стихов? Как семью-то содержать станет? Влезть в долги и дать за Наташей приданое, чтоб зять его тут же за карточный долг отдал?

Шила в мешке не утаишь, знала Наталья Ивановна о недавнем проступке своего возможного зятя – проигрался он совсем недавно, да так, что 25 000 должен теперь. Это большущие деньги, целым домом полгода жить можно. А отдавать с чего? Не с жениного приданого ли? Может, в надежде на него так со свадьбой торопит? Только зря Александр Сергеевич на приданое надеется, нет его, совсем нет. Ни именьями, ни деньгами, ни полными сундуками за Ташей нечего дать. Полотняный Завод – имение майоратное, делить нельзя по закону, а на доходы с него рассчитывать смешно, скоро уж не доходы, а одни расходы на содержание останутся. Рассчитывать Пушкину не на что, но тут вдруг такое письмо...

«...Только привычка и длительная близость могли бы помочь мне заслужить расположение вашей дочери; я могу надеяться возбудить со временем ее привязанность, но ничем не могу ей понравиться; если она согласится отдать мне свою руку, я увижу в этом лишь доказательство спокойного безразличия ее сердца. Но будучи всегда окружена восхищением, поклонением, соблазнами, надолго ли сохранит она это спокойствие? Ей станут говорить, что лишь несчастная судьба помешала ей заключить другой, более равный, более блестящий, более достойный ее союз... Не возникнут ли у нее сожаления? Не будет ли она тогда смотреть на меня как на помеху, как на коварного похитителя? Не почувствует ли она ко мне отвращение?»

Хотелось крикнуть: если столько сомнений, к чему жениться?

Но он согласился на все: предоставил письмо от Бенкендорфа, что государь не имеет к нему претензий, не настаивал на приданом, хотя внезапно расщедрившийся дед Наташи Афанасий Николаевич объявил, что дает за внучками по трети одного из сел в Нижегородской губернии! Это был весьма щедрый подарок, но Наталья Ивановна хорошо знала то, чего не ведал Пушкин: дарить нечего, все заложено-перезаложено. Подарок так и остался на бумаге...

Но еще нелепей был другой подарок Афанасия Николаевича в виде... огромной бронзовой статуи Екатерины Великой! Сначала Пушкин и в толк взять не мог, что за приданое такое: «медная бабушка», отлитая в давние времена дедом Афанасия Николаевича в память о посещении Полотняного Завода императрицей. Статуя была тяжелой - в сотни пудов бронзы, стоила некогда дорого, но, когда предлагали, хозяин продавать отказывался, а вот теперь надумал, чтобы отдать внучке на свадьбу, но, только

почувствовав интерес хозяина, заводчики цену немислимо сбросили. Из-за 7000, которые за нее нынче давали, и возиться не стоило, дорожке встанет вытащить из подвала и очистить от зеленой патины.

Пушкину и на это оказалось наплевать, как посватался и получил согласие (как сейчас Наталья Ивановна себя за это согласие корила!), так и не отставал. Но Гончарова не теряла надежды помолвку все же расторгнуть, мало ли их расторгалось по Москве? Ташина матушка принялась кочевряжиться, – мол, не могу дочь отдать без приданого, шить которое не на что!

То, что сделал Пушкин в ответ, не укладывалось ни в какое понимание: он поинтересовался, сколько будущей теще нужно на спешное шитье приданого? Наталья Ивановна бодро загнула сумму, которая должна бы отвратить неугодного ей зятя:

– Одиннадцать тысяч.

Видно, тогда он и сел за карточный стол в надежде на везение. Только какое может быть везение у влюбленного поэта, играющего с профессиональными картежниками? В результате долг в 25 000 рублей на два года.

И все равно не отступил, заложил все, что можно, долг не погасил, но хоть на женитьбу наскреб. С одной стороны, настойчивость жениха матери невесты была приятна, с другой – надежду все же отвязаться от нежелательного зятя Наталья Ивановна не оставляла.

Екатерина Ивановна Загряжская, фрейлина императрицы, жила одна, а потому снимать дачу только себе было нелепо, в тот год она проводила лето на даче у княгини Полье. Дамы сидели, обсуждая вести из Москвы.

В Москве у Екатерины Ивановны младшая сводная сестра Наталья со своим семейством. Они уж не первый

год в ссоре, Наталье Ивановне не понравилось, как поделили отцовское, а потом и братово наследство, она разобиделась и больше с петербургской родней не зналась. Но в общем имении Загряжских Кариане жила с удовольствием. Еще у Гончаровых было имение Полотняный Завод, но там хозяйничал свекор Натальи Ивановны Афанасий Николаевич Гончаров, а со свекром она уживалась еще меньше, чем с сестрами.

Екатерина Ивановна была фрейлиной с многолетним стажем, жила зимой во дворце, потому что съемные квартиры не любила, а дом одной не нужен совершенно, а летом гостила у кого-нибудь на даче. Дамой она была веселой, общительной, симпатичной, но очень властной. Все сестры Загряжские явно удались в отца, который над поступками долго не размышлял, делал, как считал нужным.

Екатерина Ивановна не была стара, едва перевалило за пятьдесят, но танцевать на балах давно перестала, сама себя относил к старшему поколению и довольствовалась тем, что критиковала неугомонную молодежь, словно забыв, что сама не так уж давно вышла из их возраста. Очаровательная родинка над верхней губой справа приковывала к себе внимание и в молодости, видно, была предметом обожания ее кавалеров. Большие серо-голубые глаза искрились весельем и легкой насмешкой.

Новости, сообщенные в письме московской приятельницы, касались как раз сестры Екатерины Ивановны Натальи, вернее, ее младшей дочери - тоже Натальи. К Наташе, которую в семье звали Ташей, сватался первый в России поэт господин Пушкин. И сватовство это было серьезным, первую попытку он делал два года назад, тогда отговорились молодостью невесты. Она и правда молода, тогда было только шестнадцать. Так он выждал и вот теперь сватал снова...

Екатерина Ивановна, не раз выдавшая прежде поэта в свете, впрочем, мельком и в официальной обстановке, больше знала его по разным слухам и сплетням. И то и другое было не в пользу Пушкина как супруга. Он первый поэт России, в чем сомнений быть не могло, талантищем блистал как никто другой, только вот ветрен немислимо, стишки в альбомы писать да шампанским девок вон у Софьи Астафьевны в ее заведении обливаться, а на что еще годен? Все барышни в салонах – его, скольким в любви изъяснялся, и сам небось счесть не смог бы. К тому же картежник, причем из увлекающихся. Это худо.

И вдруг (легко на помине!):

– Господин Александр Сергеевич Пушкин принять просят...

– Ты смотри, как знал, что мы о нем говорим. Зови, посмотрим, что за птица...

Тетка не смутилась ничуть, для нее и первый поэт тоже мальчишка. Сколько ему там лет? Ан нет, не совсем мальчишка...

Росточком невелик, конечно, но внешность не юноши, скорее уж мужчины. Некрасив, откровенно некрасив, да с лица воды не пить. Тетка знала, что Таша удалась в бабку свою Ульрику, а потому красавица писаная. Вот ее красоты на двоих-то и хватит. Главное: каков в душе этот поэт?

Пушкин не смутился пристального внимания тетушки, как-то сразу оказалось, что они очень подходят друг дружке! Любили одинаковое варенье, не любили занудство, от души смеялись... Уже через полчаса казалось, что знакомы всю жизнь.

Он читал свои стихи, они то хвалили, то ругали, снова смеялись... Но вот зашел разговор о дамах и увлечении ими.

Неожиданно стало интересно:

- А вы, Александр Сергеевич, никогда не считали, которая у вас Наташа?

Он поднял свои неповторимые глаза, в которых всего поровну: боли, надежды, какого-то почти отчаянья...

- Сто тринадцатая...

- Что?! И ты в этом, сударь, мне, ее тетке, признаешься?

От возмущения даже на «ты» перешла. Он не обиделся ни тыканью, ни вопросу, продолжал смотреть прямо и открыто:

- Важно не то, что до нее было, а что теперь будет.

И как-то так это оказалось сказано, что Екатерина Ивановна враз и навсегда отдала свое сердце Пушкину. Помолчала, потом тихо спросила:

- Да ты хоть понимаешь, какое внимание к ней здесь будет? И от твоих приятельниц, и от двора тоже.

- В Москве жить станем, там всего меньше. Я все понимаю, я старше, она дитя совсем. Доверчивое дитя и чистое... Чувствую, от ее чистоты жизнь и переменится.

- Дай-то бог... Обереги ее, давно племянницу не видала, но все слышу, что красотой мать затмила, но скромница, не ветреница вовсе.

Пушкин кивнул:

- Красотой не только мать, всех в Москве, да и здесь тоже затмила. И красота особая - природная, царственная. И что скромница, тоже верно говорят, словно стесняется своей красоты.

- Трудно тебе будет, сударь... Да и ей, верно, не легче...

Наташа рыдала в подушку, казалось, свадьба расстроена из-за безобразной ссоры Натальи Ивановны с Пушкиным. Наталья Ивановна словно вознамерилась сделать все, чтобы поэт отказался от помолвки. Именины обеих Наталий были совершенно испорчены.

Такого не ожидал никто, и сам Пушкин тоже. На следующий день он уехал в Болдино, которое отец дарил ему к свадьбе.

- Наташа, тебе письмо от Пушкина...

Таша взяла из рук старшей сестры сложенное письмо, похоже, обиженная маменька даже не вскрыла его. Что-то там? Неужто отказ от женитьбы? Это не только обида из-за срыва помолвки, о которой шумела уже вся Москва, это и горе, потому что Наташа успела сердцем привязаться к некрасивому, но такому обаятельному Пушкину. Он ПОЭТ, ему можно быть некрасивым, в нем не то главное.

Не только Пушкин очарован, но и сама Таша тоже. Конечно, сказала слава первого поэта России, его известность, но ведь была еще и пушкинская душа, которая так видна в чуть странноватых, горячих его глазах.

«Я уезжаю в Нижний, не зная, что меня ждет в будущем. Если ваша матушка решила расторгнуть нашу помолвку, а вы решили повиноваться ей, - я подпишусь под всеми предложениями, какие ей угодно будет выставить, даже если они будут так же основательны, как сцена, устроенная мне вчера, и как оскорбления, которыми ей угодно меня осыпать.

Быть может, она права, а не прав был я, на мгновение поверив, что счастье создано для меня. Во всяком случае, вы совершенно свободны...»

- Что, Таша?

Сестрам было очень жаль бедную Ташу, глаза Пушкина так горели, он так влюблен, и младшая сестра тоже влюбилась, неужто все расстроится? Маменька говорила, что и дед Афанасий Николаевич тоже будет против этой свадьбы, мол, Пушкин слишком волен в поведении, о нем много недобрых сплетен ходит.

Наташа отдала лист сестре, а сама вдруг села за стол.

- Ты ему писать решила? Не отказывай, Таша, может, все пройдет, и свадьба будет? И маменька успокоится.

- Я дедушке писать стану. Маменька говорила, что он тоже недоволен слухами? Он должен знать, что Пушкин не таков, что о нем слишком много болтают...

«...Я с прискорбием узнала те худые мнения, которые вам о нем внушают, и умоляю вас по любви вашей ко мне не верить оным, потому что они суть не что иное, как низкая клевета...»

Таша стеной встала за своего жениха, это означало, что она не на шутку влюблена. Никто, тем более мать, не ожидал от тихой, скромной Наташи такой твердости. Она категорически отказалась обсуждать вопрос о замужестве с кем-либо другим: только Пушкин!

Будущей теще пришлось смириться. Но уж помогать зятю и строптивой дочери она не собиралась. Не помог и дед Афанасий Николаевич, раньше так любивший маленькую Ташу. Почему? Бог весть, но Гончаровы не дали за Натальей Николаевной никакого приданого! Конечно, семья была полуразорена, и дед продолжал тратить деньги совершенно бездумно, но незаложенные имения у них все же оставались. Однако никакая их часть так и не была выделена Наташе, мало того, доходы с общих имений Гончаровых всегда делились неравно: сестры, позже приехав в Петербург, получали от старшего брата Дмитрия, ставшего после смерти деда управляющим Полотняным Законом, по 4500 рублей в год содержания, брат Иван, служивший в Царском Селе, и вовсе 10 000 рублей, а Наталья Николаевна всего 1500.

И тогда Пушкин решился заложить часть Болдина, которую ему отец подарил к свадьбе. Объяснение с собственными родителями тоже было не из легких: не будучи состоятельным, брат за себя бесприданницу, да еще и ради свадьбы закладывать то небольшое, что ему

дают, конечно, было безумием. Но Пушкин решился на это безумие.

Он заложил свою часть Болдина за 38 000 рублей, из которых отдал теще (якобы в долг, который никогда не был возвращен) 11 000 рублей на изготовление приданого для Наташи. Был так влюблен или бездумен? Потерял голову? Но хлопоты со свадьбой тянулись почти год, почти все время поэт жил вдали от предмета своей страсти, можно было бы и прийти в себя. Неужели не размышлял о будущем? Неужели не понимал, что жизнь семейного человека в корне отличается от жизни холостого? Неужели не пугало будущее?

Боялся, и пугало, все понимал, об этом говорят письма к друзьям.

А еще отчаянные письма невесте:

«...Мой ангел, ваша любовь – единственная вещь на свете, которая мешает мне повеситься на воротах моего печального замка».

«Моя дорогая, моя милая Наталья Николаевна, я у ваших ног, чтобы поблагодарить вас и просить прощения за причиненное вам беспокойство... еще раз простите меня и верьте, что я счастлив, только будучи с вами вместе...»

Наталья Ивановна вошла в комнату, где обычно занимались дочери, ведь никакое сватовство не сняло с Таши обязанности продолжать занятия. Мать считала, что до свадьбы ответственна за дочь, а потом пусть муж сам ее образовывает, потому Таша и скрипела пером, выводя упражнения по немецкой грамматике.

– Письмо жениху написала ли?

Таша покраснела:

– Да, маменька.

– Покажи. Ну вот, как я и ожидала, всякий вздор! Что он о тебе подумает? Тебе должно писать кроткие,

но напутственные письма, чтобы он сразу понял, что ты от него ждешь только добропорядочного поведения.

- Но как я могу диктовать жениху? К тому же он старше и опытнее меня в жизни.

- Вот то-то и оно, что опытнее! В амурах он опытней. А ты должна сразу дать понять, что вольностей не потерпишь и что, несмотря на молодость, будешь строго следить за его поведением. А потому советуй ему молиться почаще да посты строго блюсти. И чтобы никаких амуров!

Наташа едва не заплакала: если писать такое, то Пушкин примет за напыщенную дуру или ханжу, но как с маменькой поспоришь? Каждое послание жениху почти под диктовку.

Наталья Ивановна, довольная собой, вышла, зато в комнату проскользнула Азя:

- Таша, напиши Пушкину письмо сама, как знаешь напиши, без маменькиной подсказки. Я знаю, как отправить.

- Опасно...

- Пиши сейчас прямо, вот тебе лист. Маменька уж больше не зайдет, она в монастырь собралась, долго там пробудет, а Лиза на почту снесет, я договорилась. Пиши быстренько, пока маменьки нет.

Наташа схватила перо, но тут же оказалось, что ни единого слова от волнения на ум не идет. Все понимающая Азя снова выскользнула прочь, чтобы не мешать.

А что позволительно писать невесте? Наташа не знала, но положила на свои чувства...

Пушкин от такого послания без рецензий был в восторге:

«И в необдуманном письме
Любовь невинной девы дышит...»

Он не глуп и прекрасно понимал, что до сих пор читал послания не самой Наташи Гончаровой, а ее

рукою писанные слова маменьки.

Не сохранилось ни единого письма Натальи Николаевны ни жениху Пушкину, ни мужу. Очень жаль, сейчас мы можем лишь в его письмах к ней видеть отражение ее посланий. Зато Наталья Николаевна сохранила все до единого письма Пушкина. Больше поэт написал только Вяземскому, но с Вяземским Пушкин переписывался более двадцати лет, а с Натальей Николаевной всего восемь, да и то большей частью был в это время рядом.

Пушкин уехал в Болдино, имение требовалось заложить, чтобы достать денег на свадьбу. Он делал все, чтобы эта свадьба состоялась, а ведь она могла сорваться десяток раз.

Пушкин далеко, любвеобильность его всем известна, Наташа ревновала. Это было совершенно незнакомое и такое неприятное чувство! Москва всю болтала о предстоящей свадьбе, едва не пари заключали, что она развалится, потому как Пушкин либо снова в кого-то влюбится, либо вернется к своей прежней любви – Екатерине Ушаковой. Сама Ушакова верила во вторую сплетню до самой пушкинской свадьбы. Верила и ждала. Имея множество поклонников и претендентов на ее руку, Екатерина вышла замуж только после смерти (!) Пушкина, к тому же очень неудачно. Муж всю жизнь ревновал ее к памяти поэта и даже заставил уничтожить любые напоминания о Пушкине, в том числе его письма. Остался только альбом, который сестры Ушаковы изрисовывали карикатурами на Наташу Гончарову, называя ее Карсом, как и сам Пушкин, – неприступной крепостью.

Но Наташа ревновала не только к Ушаковой. Пушкин оправдывался перед невестой:

«Как могли вы подумать, что я застрял в Нижнем из-за этой проклятой княгини Голицыной? Знаете ли вы

эту Голицыну? Она одна толста так, как все ваше семейство вместе взятое, включая и меня».

Гончаровы смеялись, читая пушкинское послание, с сестрами Наташа делилась сама, а матушка прочитывала письма прежде дочери. Но если Екатерина и Азя радовались вместе с младшей сестрой верности и шуткам ее жениха, то маменька все больше ярилась. Она словно задалась целью поссориться с зятем настолько, чтобы тот принял расторжение помолвки. Не удавалось, Пушкин, который при любом намеке на неуважение к себе или пренебрежение вспыхивал, как порох, и навсегда рвал отношения даже с друзьями, теперь проявлял чудеса сговорчивости. Поссориться с ним не удалось даже Наталье Ивановне.

И все равно судьба словно делала все, чтобы этот брак не состоялся.

Умер дядя Василий Львович. Наташа с ужасом слышала, что Пушкин говорит: мол, ни один дядя еще не умирал так не вовремя. Ссоры с Натальей Ивановной, та словно опомнилась, корила себя за данное согласие и делала все, чтобы свадьбу расстроить. Пушкин терпел, принимал на себя все обвинения, со всем соглашался... Но была еще одна огромнейшая проблема. Которая останется на всю жизнь и в конце концов погубит поэта – безденежье.

А летом вдруг: холера! Карантин, повсюду кордоны, запрещающие проезд. И Пушкин оказался заперт в Болдине на весь остаток лета и, главное, осень – его любимую пору, когда писалось хорошо, легко...

Даже если бы не состоялась сама свадьба, уже за одну Болдинскую осень можно было бы благодарить Провидение за Наташу Гончарову.

«Бесы», «Элегия», «Гробовщик», «Сказка о попе и работнике его Балде», «Станционный смотритель», «Барышня-крестьянка»... Завершены «Маленькие

трагедии», «Повести Белкина», «Домик в Коломне», закончен «Евгений Онегин»...

Он отрезан от мира, он в карантине, жил, как на острове, но стояло любимое время года – осень, в Москве ждала красавица невеста, он любил и был любим, и Болдинская осень стала лучшим поэтическим временем в его жизни. Позже у Пушкина будет еще одна осень в Болдине, хотя и не столь продуктивная...

А тогда его ждало счастье, и он был совершенно уверен, что сумеет обеспечить свою семью литературными трудами.

Возможно, живи они в Болдине или даже в Михайловском, и сумел бы, но Пушкиных ждал суетный блестящий Петербург, который требовал иных средств, иных трат и иного способа зарабатывания денег. Поэт Пушкин великий и первейший, а вот дельцом оказался никудышным. Александр Сергеевич умел писать, но не делать деньги. Его вина? Нет, беда. Та самая, которая и привела в конце концов к страшной развязке... А Дантес скорее стал поводом для нее...

Но это еще очень не скоро, а тогда в Москве в большом старом доме на Никитской ждала возвращения своего жениха очаровательная красавица невеста Наташа Гончарова....

Он все стерпел, все преодолел, свадьба состоялась, хотя без конца откладывалась и могла сорваться даже в последний день. Наталья Ивановна уже не заботилась о чувствах дочери, о том, что та могла стать просто посмешищем всей Москвы. В день свадьбы она прислала сказать, что на венчание приехать невозможно, потому как... нет денег на карету. Пушкин отправил теще тысячу рублей...

НАТАЛЬЯ ПУШКИНА...

18 февраля 1831 года в недавно построенную (даже и не завершили до конца) церковь Вознесения Господня на Царицынской улице народ не пускали – венчание. А любопытных было тьма, потому как свадьба у двух очень примечательных людей. Первый поэт России Пушкин венчался с первой красавицей Москвы Гончаровой.

«Господи Боже наш, во спасительном твоём смотре нынче рабы твоя, Александр и Наталья, якоже благословил еси сочетатися друг другу, в мире и единомыслии сохрани; честный их брак покажи; нескверное их ложе соблюди; непорочное их сожителство пребывати благоволи, и сподоби их старости маститей достигнути чистым сердцем делающа заповеди твоя...»

Красавица невеста повыше жениха будет, нежная, словно лебедь белая, свеча в руке чуть дрожит... Навсегда ведь, в радости и горе, пока смерть не разлучит... А каково будет жить с Пушкиным?

Жених задел за аналой, с которого упали крест и Евангелие. Потом свеча у него погасла, а потом и шафер, державший над его головой венец, почувствовал, как рука онемела, и попросил замены, кабы хуже не вышло.

Все не по правилам, все худые предзнаменования. Может, потому жених бледен и столь некрасив?

Но невеста ничего не замечала, она двигалась как во сне... Была Наташа Гончарова, стала Наталья Николаевна Пушкина...

Из церкви – в снятый Пушкиным дом на Арбате, где встретили Нащокин и Вяземский, благословили... И

снова дурное предзнаменование: один из поднесенных бокалов поехал по накренившемуся подносу, упал и разбился. Нащокин попытался шутить:

- На счастье! Смотри, Пушкин, у тебя даже посуда сама бьется, счастлив, брат, будешь.

Застольем распорядился Лев Сергеевич Пушкин. Нащокин снова смеялся:

- Наш Лева Пушкин очень рад,
Что своему он брату брат!

- А как мне вас называть?

Вопрос, заданный тихим голосом, поверг Пушкина в какое-то непонятное состояние. Самая красивая женщина Москвы, да что там, России, стала его женой, принадлежала ему, как мужчине, а он смущался, словно мальчишка. Он, всегда сам смущавший дам, едва не краснел (спасал только смуглый оттенок кожи) и трепетал перед этой девочкой.

Пожал, почти дернул плечами, стараясь скрыть это свое смущение за насмешливостью:

- Пушкиным...

- Хорошо.

Она все шесть лет и потом до конца жизни будет называть прилюдно его именно так: «Пушкиным», а вот наедине и при самых близких все же Сашей, и то не сразу. Он благоговел перед ней, она перед ним.

Какая бы это могла быть пара! И все же они были такие разные...

Измученная беспокойством предыдущих месяцев и дней, когда казалось, свадьба вот-вот сорвется, и еще более страстностью мужа, Таша спала, а он, проснувшись рано, лежал, не шевелясь, и разглядывал свою Мадонну.

Она была совершенством во всем: не только лицо, но и шея, плечи, грудь, ноги... вся фигура, стройная и

гибкая. Он, столь любивший и ценивший женскую красоту, получил в супруги совершеннейший ее вариант.

Но у этого варианта оказался один... плюс или минус, Пушкин никак не мог этого понять, – она не была горяча и страстна как любовница. Целомудренная девочка, никому не позволившая залезть к себе в постель, она ничего не знала о страсти, ничего не смыслила в любовных утехах. Это хорошо или плохо?

Хорошо! Замечательно! Обучить и развить ничего не стоит, он-то на что?

Эта женщина не разбужена, следовательно, не испорчена. Разбудить, воспитать себе отменную любовницу, но притом верную и преданную, – вот и весь сказ! Тогда и никаких амуров не нужно, женки достанет.

Пушкин был просто в восторге от такой перспективы. Но насладиться мыслями не успел, со стороны прихожей послышался шум. Наталья чуть заворочалась, он укрыл жену одеялом, а сам вскочил и, накинув халат прямо на голое тело, приоткрыл дверь. Так и есть: друзья явились пораньше с утра поприветствовать молодоженов.

Пушкин замахал на них руками, чтобы не шумели, знаками показал, что сейчас выйдет. Тихонько поцеловал сладко спящую жену в висок, быстро и почти как попало оделся, накинул халат и выскользнул из спальни.

Наташа проснулась несколько позже. Мужа рядом не было, зато из гостиной слышались мужские голоса. Неужели у них гости?! Ой как нехорошо, она, хозяйка дома, спит... Поискала глазами платье и поняла, что попала в неловкое положение – кроме свадебного, надеть и нечего. Разве вон халат, но в нем не выйдешь к приятелям мужа.

И все же она надела на сорочку халат, убрала постель и села ждать, когда зайдет служанка или сам муж.

Замужем... она больше не Гончарова, а Пушкина.... Госпожа Пушкина... супруга первого поэта России.... Было от чего кружиться голове. Он небогат, но Наташа и не привыкла к богатству, вернее, отвыкла от того, чтобы выполнялись любые капризы и пожелания, как бывало когда-то у деда. Нет, мать воспитала их строго, а потому не о богатстве думала новоиспеченная Пушкина, а о том, как бы не опозориться перед приятелями мужа.

Шли минута за минутой, но никто не заходил, мало того, из-за двери слышались взрывы смеха, видно, обсуждали что-то веселое. Наташа просто не знала, как нужно себя вести в таком случае, а потому, послушав у двери, вернулась на стул к окну...

- А твоя женка любительница спать!

- Или ты ее так измотал за ночь, что и в себя не прийти?

Пушкин, смеясь, глянул на часы и обомлел. Было без четверти три! Он просидел с друзьями за разговорами почти до обеда, а Наташа там в спальне и выйти явно не может, потому как тут веселая компания!

Приятели, видно, все поняли по его смущению, стали поспешно прощаться. Нащокин на прощанье в прихожей посмеялся:

- Вот тебе, брат, первая разница между женатым и холостым. Прежде сколько хотел и с кем хотел сидел, хоть в халате, хоть даже без, а нынче о супруге думать должен. Передай наши поздравления и поцелуй за нас.

- Я сам за себя поцелую...

Она постаралась сделать вид, что все хорошо, но слезы скрыть не удалось.

- Что же ты не вышла к нам?
И зачем спросил, ясно же почему.

- Как?

- Прости, душа моя, заговорился...

Наташа уже поняла, что жизнь рядом с поэтом, привыкшим к вольности, простой не будет.

Но немного погодя они давали бал. Это был настоящий бал, хотя и не блестящий и не на всю Москву! Было безумно весело, Пушкины хорошо угощали, и танцевали после до трех утра. Наташа в качестве хозяйки немыслимо хороша, приятели завидовали, подружки тоже... Сестры вздыхали: глаза госпожи Пушкиной светились счастьем, замужество было явно удачным. Сам Александр Сергеевич тоже сиял, словно новенький начищенный самовар.

Граф Толстой довольно фыркнул:

- Смотри, не лопни от удовольствия.

Это тем смешней, что сам Толстой в два раза толще Пушкина...

Теперь у нее был свой дом, целый штат прислуги: дворецкий Александр Григорьев, экономка Мария Ивановна, повар, горничная, остался слуга Пушкина Никита Козлов...

Супруг вывозил ее в свет, на балы, на маскарад, на санные катания... весело, красиво, почти беспечно... Все вокруг восхищались молодой Пушкиной, всем она нравилась, сам поэт не просто не спускал с жены влюбленных глаз, он ухаживал за ней так, как не имел возможности ухаживать, будучи женихом.

Все вокруг вспоминали каламбур, сочиненный Левушкой Пушкиным:

- Он влюблен,

Он очарован,

Он совсем огончарован...

Но Пушкин был счастлив, и этому очень радовались друзья. У Пушкина, жившего трактирной жизнью,

теперь бывали обеды и ужины, имелись семейные обязанности. Он не кутил ночами, хотя очень много времени, к досаде молодой жены, по-прежнему проводил с приятелями. Но все равно, Пушкин был женат!

Пушкин рассказывал жене:

- Бабушка твоя двоюродная, Наталья Кирилловна Загряжская, прелесть такая, что и выразить невозможно! Нанес я ей визит, встретила меня за туалетом, словно хорошенькая женщина, а не старуха. Строго поинтересовалась, что, мол, я женюсь на ее внучатой племяннице? Подтверждаю. Строго качает головой: «А я ничего не знала, мне не сообщили. Мне Наташа не писала».

- Это не я должна писать, это маменька. Она у нас с Натальей Кирилловной переписывается. Редко, правда.

- Будем в Петербурге, всенепременно поклонимся, бабушка проживет еще долго, успеет и правнуков посмотреть. Знаешь ли ее историю с императором Павлом?

- Нет, хотя говорили, у нее историй много...

- Почему ж вам не рассказывали?

- А кто, маменька?

Пушкин подумал, что его теща и впрямь не станет ничего такого рассказывать дочерям.

А история заключалась в том, что Наталья Кирилловна Загряжская жила согласно своему строптивому нраву, не обращая внимания даже на императорское неудовольствие. Она могла себе позволить любую партию, потому что была дочерью Кирилла Григорьевича Разумовского и Натальи Нарышкиной, но вышла замуж за скромного офицера Измайловского полка Николая Загряжского. Родителям пришлось примириться с волей дочери, она всегда заставляла с собой считаться.

К тому же у Натальи Кирилловны был очень острый язычок, которого просто побаивались при дворе. А еще она не меняла своих пристрастий и не бросала друзей, даже если это грозило опалой. Так она пережила опалу со стороны императрицы Екатерины, потому что была дружна с цесаревичем Павлом, а потом так же была удалена от его двора, когда устроила одну выходку на балу. Именно это и имел в виду Пушкин.

Строптивница не желала здороваться со статс-дамой Лопухиной. Когда император Павел выказал ей свое недовольство по этому поводу, Наталья Кирилловна на первом же балу подошла к Лопухиной и громко объявила: «По именному его величества приказанию, мною сегодня полученному, честь имею поклониться вашей светлости».

Гнев императора вылился в приказание немедленно покинуть Петербург. Наталья Кирилловна долго упрашивать себя не заставила, она покинула и Россию заодно, отправившись в Дрезден. Обрато вернулась только при воцарении императора Александра I. Но и при нем, и при Николае I вела себя весьма независимо, например, не пустила на порог министра Чернышова, узнав, что тот предал своего брата-декабриста.

Пушкин восхищался двоюродной бабушкой своей невесты, а потом жены и очень с ней подружился. Многие привычки и даже черты внешности ее переданы в «Пиковой даме».

Наталья Николаевна только головой качала, она так не сумела бы.

– А слышал я, что и ты, моя душа, строптивость проявила при выборе жениха?

Глаза Пушкина смотрели внимательно, словно поощряя ее к честному ответу.

– Я?

– Отвечай, строил тебе амуры князь Мещерский?

Таша вспыхнула:

- Да что там...

- А теща моя его желала бы своим зятем видеть, так? И деду твоему Афанасию Николаевичу обо мне не слишком добро отзывалась... а ты заступалась... Было такое?

- К чему же дедушке рассказывать!

Наталья даже досадливо поморщилась, у Пушкина с Натальей Ивановной и без того не слишком теплые отношения, а тут еще Афанасий Николаевич добавляет. Ну и что из того, что она дедушке писала про своего жениха, защищая от дурных слухов?

Пушкину больше не нужно подтверждений, он читал письмо Наташи к деду, где она действительно заступалась, объясняя Афанасию Николаевичу, что о женихе зря распускают сплетни, он хороший.

Александр притянул жену к себе, поцеловал в ровный пробор, попутно вдохнув запах блестящих словно шелк волос. Она все пахла чистотой и свежестью, была неиспорченной и незамутненной, как вода в чистейшем роднике.... Чтобы отвлечь, принялся говорить о другой родственнице:

- И тетушку твою Екатерину Ивановну я обожаю.

Наташа улыбнулась:

- Тетушка мне писала, что весьма вами довольна...

- Кем?

- Тобой...

- Вот то-то же! Я тебе, женка, муж и не выкай мне впредь!

Муж... жена... это звучало так необычно! И счастливо!

Смутившись своих собственных мыслей, он снова стал говорить о ее петербургских родственниках, которых Наташа никогда не видела, потому что ее мать, оставшись после раздела имущества умершего отца, а потом брата без желаемого надела, с сестрами поссорилась и в Петербург не ездила. Сама Наталья

Ивановна часто бывала в Кариане – имении Загряжских, которым владела в долях с родственниками, но дочерей не возила. После рождения Наташа там и не бывала.

– А знаешь ли, что твой дядя Ксавье де Местр, супруг Софьи Ивановны, хорошо знаком с моими родителями и даже рисовал мою матушку Надежду Осиповну и брата Льва?

– Неужели?

– И я многим ему обязан. Умнейший человек, он ведь перевел басни Крылова на французский язык...

– Я и не знала!

– Многого ты, душа моя, не знаешь, образовывать тебя и образовывать. Он еще и книги по физике и химии написал...

– Это я слышала, отец как-то говорил, что у тетушки Софьи Ивановны муж учебники пишет. А вы... ты учился по его учебникам?

Чуть улыбнувшись ее оговорке, Пушкин помотал головой:

– Я в таких предметах не силен. А вот басни ему удалось, их я читал. И еще у него есть по-французски «Путешествие вокруг моей комнаты». Занятно.

Наташа рассмеялась, подняв лицо к мужу. Она сидела у его ног на ковре, сложив руки на его коленях и положив голову, а Пушкин с удовольствием перебирал ее нежные как шелк волосы. Это была их любимая поза, до самой трагической развязки их судьбы Пушкины будут вот так сживать.

Однако московское счастье продлилось недолго....

Как и предвидела Екатерина Ивановна, ужиться с тещей поэт не смог, привыкшая к полному подчинению своих детей, Наталья Ивановна ожидала того же и от зятя. Но не тут-то было, он не только сам подчиняться тещиным замашкам не захотел, и Наталью свою живо от родительского дома отвадил.

А Гончарова-старшая ярилась сильнее и сильнее. Зять не столь богат, чтобы содержать всю семью, муж все чаще страдал помутнением рассудка, превращаясь в настоящую обузу, свекор продолжал загонять имение в долги, денег не было, а проблемы все росли. И помощи ждать было просто неоткуда. Афанасий Николаевич не допускал к управлению имением никого, а временами даже поговаривал о намерении его продать. Оставить семью вообще без Полотняного Завода было преступлением, но долги росли как снежный ком.

Теща злилась и вымещала злость на зяте.

Пушкина хватило на три месяца, вернее, еще раньше он начал заводить разговор о том, чтобы вернуться в Петербург. Приближалось лето, и провести его и осень можно на даче с превеликим удовольствием.

- Я покажу тебе Царское Село, наш Лицей... покажу столь прекрасные места... Там все поэзией дышит, сердце радуется. А уж осенью Царское Село и вовсе сказка...

Наташа смотрела на мужа блестящими счастливыми глазами, она готова ехать с ним куда угодно, в блестящий Петербург тем более.

Я ЖЕНАТ - И СЧАСТЛИВ

Переехали в мае, некоторое время тихо прожили в Петербурге, в гостинице Демута, вполне привычной для Пушкина, но необычной для Наташи. Но для нее за пределами родительского дома все необычно. Пушкин не спешил показывать свою красавицу сразу всем, познакомил только с Карамзиными и их кругом. Наташа очень понравилась, но куда больше друзей поразило поведение поэта. Таким Пушкина не видел никто и никогда.

Тот, от кого женщины знали только напор и желание подчинить немедленно, кто с легкостью писал амурные стихи в альбомы, вдруг стал серьезен и внимателен. Пушкин оберегал свою жену, как прекрасный цветок, нежный и хрупкий, он был заботлив до удивления, счастлив и строг одновременно. Глаза светились этим счастьем при одном взгляде на свою красавицу.

Друзья радовались и беспокоились одновременно, невозможно, чтобы поэт был счастлив долго, чем все закончится? И главный вопрос: на что Пушкин будет содержать семью?

Он думал об этом, но пока деньги от залога Болдина – 40 000 рублей – еще не закончились, и можно бы пожить в свое удовольствие и к своей радости.

В доме Китаевой в Царском Селе семь комнат с отдельным входом на лето арендовал поэт Пушкин с молодой супругой.

Жили тихо и скромно, выезда не имели, лишь гуляли по парку да по вечерам сидели узким кругом с ближайшими приятелями.

Хозяйка решила спросить, не надо ли чего, и поутру зашла на половину постояльцев. Вдове личного камердинера покойного императора Александра Якова Китаева Анне очень нравились нынешние постояльцы, а ведь ее немало пугали слухами о беспутной жизни поэтов. Ничего подобного, уже который день живут с молодой женой и никакого шума или попоек. А уж жена у Пушкина и вовсе прелесть – молоденькая и к тому же красавица и тихоня. Он вокруг супруги точно клуша вокруг цыпленка: и этак угодить старается, и этак...

Навстречу Анне с кресла, где сидела с рукоделием, поднялась Наталья Пушкина, приложила палец к губам, призывая к тишине.

– Что так? Болен Александр Сергеевич или спит еще?

Долгонько что-то спит-то, уж двенадцатый час, полдень скоро. Наталья Николаевна покачала головкой:

– Нет, он по утрам работает. Просил не шуметь.

– А...

Столь серьезное отношение к занятиям мужа со стороны жены внушило и Анне Китаевой уважение. В двери, ведущей в мезонин, где был кабинет, показался сам Пушкин:

– Здравствуйте, Анна Николаевна! А я думаю, кто к нам пришел, не резвая ли Россет?

– Мы же тихонько, Саша... Пушкин, – смутилась жена.

– Да я закончил на сегодня. Не желаете ли послушать, что сочинил?

Анна Китаева запомнила: «...царь Салтан, с женой простяся, на резва коня садясь...» Как ловко пишет, строчки словно сами в память лезут! Недаром твердят, что лучше Пушкина поэта в России нет.

Глаза Натали Пушкиной тоже блестели, сказка у Пушкина получалась светлая и радостная...

- Не мог он ямба от хорея, как мы ни бились, отличить... А ты можешь?

Глаза Пушкина смотрели насмешливо, она задорно улыбнулась:

- Могу.

- А ну-ка...

Наталья живо вспомнила свои детские уроки словесности, касающиеся написания русских стихов:

- Ямб состоит из двух слогов, из которых первый короткий, а последний долгий. Пример: живу. Хорей, состоя подобно ямбу из двух же слогов, имеет первый слог долгий, а второй короткий. Пример: время.

Ее глаза смотрели чуть лукаво: что, мол, съел? Он восхищенно ахнул и присел поближе:

- А дактиль тоже знаешь?

Наташа кивнула с довольным видом:

- И анапест тоже. У них по три слога, только у дактиля первый долгий, а у анапеста последний: мужество, человек.

Пушкин внимательно взгляделся в лицо жены:

- Сознайся, и стихи писала?

На щеках выступил заметный румянец:

- Писала. Прочешь?

Сначала он кивнул, но тут же вскочил, почти забегал по комнате:

- Нет! Нет, не нужно! На нашу семью одного рифмоплета достаточно!

Жена почти испуганно смотрела на Пушкина. Конечно, ее стихи не в пример слабее, но почему же нельзя прочесть? В душе шевельнулась обида, однако Таша постаралась погасить. Он ПОЭТ, он имел право не читать чужих слабых стихов.

Пушкин действительно не читал стихов жены, даже тогда, когда она присылала в письме, сжигал эти листки. Почему? Боялся разочароваться в своей

избраннице даже в малом? Понимал, что это не приносит душе покоя? Или все же читал?

Сохранилось только одно детское стихотворение девятилетней Таши Гончаровой, написанное по-французски брату Ивану в альбом:

Пусть пройдет без невзгод твой жизненный
путь.

Светом дружбы украсятся дни.

О сердечности нашей, мой друг, не забудь,

Навсегда ее сохрани.

(Перевод В. Кострова).

Неплохо для девяти лет-то...

- А что ты еще хорошо умеешь делать? Что знаешь?

- Что? Не знаю... Как все - танцевать, играть на фортепиано, рукодельничать... нет, вот еще: могу в шахматы играть!

Глядя на свою любимую девочку, очень довольную, что нашла необычное для девиц умение, Пушкин привычно ее подначил:

- Умеешь слона от ферзя отличить?

- Нет-нет! Я и правда хорошо играю!

Ему быстро пришлось в этом убедиться, она играла не просто хорошо, а для барышни великолепно. По приезде в Петербург выяснилось, что с дамами Наталье Николаевне играть неинтересно, она все время выигрывала, оставалось брать в партнеры мужчин. Вот когда Пушкину пришлось с досадой покусывать ногти: его скромница ловко проводила серьезные партии! Ай да Таша!

Он временами злился, она оправдывалась:

- Но не играть же мне все самой с собой? Я свои хитрости по обе стороны доски знаю, как тут обыгрывать? Вот и приходится партнеров искать...

- Но чтоб только по шахматам и не больше!

Он попытался свести к шутке, она приняла всерьез, почти испугалась:

- И танцевать нельзя? Ты же не танцуешь.

Пушкин хохотал долго и с удовольствием. Вот в этом вся она - такая не петербургская, провинциальная и доверчивая.

- В танцах тоже можно, но с условием: не кокетничать.

Это было удивительно счастливое время взаимного обожания, единодушия, заботы...

С утра его ждали привычное купание, чай и работа над «Царем Салтаном», после обеда прогулки с Наташей в парке вокруг озера, вечером немногочисленные друзья, душевные беседы, правда, с оглядкой на присутствие молодой жены. Но Пушкина не обременяло это присутствие, все друзья и родные отмечали, что он невообразимо переменялся. Ему очень нравились домашние обеды с простой пищей - щи или зеленый суп, большие рубленые котлеты со шпинатом, варенье из крыжовника на десерт...

И вдруг: холера! Снова та же напасть, что и год назад, только теперь вокруг Петербурга. Императорская семья и двор перебрались из столицы в Царское Село, спокойствие нарушено.

«Коли ты двора не ищешь, так он сам тебя найдет!» - ворчал Пушкин. Он не желал выводить жену в свет до самой Масленицы, когда все много проще, но теперь, видно, придется. Хотя во всем есть положительная сторона: Наташа могла наблюдать жизнь двора, поначалу не окунаясь в нее, словно чуть со стороны. И друзей в Царском объявилось куда больше, с наследником приехал и Жуковский, встречи с которым стали ежедневными.

Василий Андреевич от Наташи пришел в восторг, он писал Тургеневу:

«А женка Пушкина очень милое создание. C'est le mot (лучше не скажешь)! И он с нею мне весьма нравится. Я более и более за него радуюсь тому, что он женат. И душа, и жизнь, и поэзия в выигрыше».

Лучше не сказать...

У Пушкиных в доме Китаевой привычная утренняя посетительница – Александра Осиповна Россет, фрейлина, красавица. Наталья знала, что Пушкин был ею серьезно увлечен раньше, даже, кажется, пытался сватать... Знала, но не ревновала, потому что одними из первых слов, которыми приветствовала жену поэта очаровательная умница Россет, были слова восхищения.

Вот и сейчас в глазах приязнь и восхищение:

– Ах, Натали, ты все хорошеешь. Право, уж и некуда более. И где только Пушкин такую красоту выискал?

Наташа смутилась:

– Полноте вам, Александра Осиповна...

– Александра Осиповна! – передразнила ее Россет. – А ты и Пушкина на «вы» и Александром Сергеевичем зовешь?

Скрыть улыбку не удалось:

– Нет...

– Я спрошу...

Они уже поднимались вверх в кабинет самого Пушкина. Так было заведено – если Россет не дежурила при императрице, то спешила в дом Китаевой к одиннадцати часам, чтобы послушать новые поэтические строки, сочиненные ее давним приятелем. Пушкин писал своего «Салтана», сказка получалась очень певучая, добрая, светлая, немыслимо обаятельная...

Расцеловавшись с приятельницей в обе щеки, Пушкин принялся читать им очередные строфы,

написанные с утра.

- Эк ты, Пушкин, Бабариху-то обругал!

- А в чем, мать моя?

Россет очень хотелось спросить, что, не с тещи ли писал, но, покосившись на Наташу, не стала, чтобы не обидеть. Но нашла чем уколоть:

- Чего же окна не откроешь, жара у тебя.

Она твердой ручкой толкнула створки окна. Не тут-то было, Пушкин любил жару, а потому окно оказалось не просто закрыто, а закрыто.

- Ну-ка, открой! И к моему приходу чтобы всякий раз свежий воздух был! Не то ты нас с Натали уморишь духотой.

За обедом, как всегда простым и без затей, Александра Осиповна принялась говорить:

- Императрица поинтересовалась, куда это я почти каждый день исчезаю, как и Жуковский по вечерам. Пришлось сказать, мол, к Пушкиным. Подивились немало: как так, у Пушкина здесь супруга, а нам не представил!

Пушкин ревниво покосился на покрасневшую Наташу, фыркнул:

- Вот еще! Я не придворный.

- А куда ты денешься?

- Ну, не сейчас же! Пусть уж попозже, зимой, а то и вовсе хотел на Масленой. Сама же знаешь, каково у нас тем, кто первый раз при дворе да к тому же «замужем за Пушкиным»!

Россет рассмеялась, Пушкин прав, внимание к Наталье Николаевне будет такое, что не ко всякому царю проявляют.

- Да не бойся, жена твоя так красива, что любую неловкость не заметят. Однако императрица поинтересовалась, в каком часу госпожа Пушкина прогуливаться по парку изволит.

- Зачем? - ахнула Наташа.

- Думаю, встретить хотела бы. Интересно же глянуть на первую красавицу Москвы и к тому же жену поэта Пушкина. - Ручка Александры Осиповны легла на рукав Наташи: - Не бойся, ты действительно красива, и это не грех...

Теперь они гуляли как можно дальше от центральных аллей, редко выходя к центру.

И все-таки на одной из прогулок вокруг озера чета Пушкиных встретила императорскую чету. Раскланяться бы да пройти мимо, но императрица, которая очень любила молодых красивых людей, просто пройти мимо Натальи Николаевны не смогла. Остановились, побеседовали, особенно оказалась внимательна императрица к госпоже Пушкиной, настаивала, чтобы с началом сезона Наталья Николаевна непременно бывала на балах, выходила в свет:

- Грешно вам, господин Пушкин, такую красу от нас прятать.

Император тоже был весьма учтив и ласков. Другому бы радоваться, а у Пушкина, словно от дурного предчувствия, зашло сердце. Почему - и сам не смог бы объяснить.

Наташа была восхищена красотой императорской четы, их ласковым обращением, приветливостью, тем, что пригласили бывать на балах... Что еще нужно молодой женщине, если у нее обожаемый и обожающий ее супруг, красота, приветливость со всех сторон? Наташа была счастлива вполне, замужество удалось.

Особенно когда стало понятно, что она беременна. Когда ее впервые стошнило утром, он встал на колени, невзирая на смущение, обхватил руками и прижался к животу щекой. Ничего объяснять не нужно, Пушкин был счастлив вот этой зародившейся от него жизнью...

Наташа вообще дивилась: Пушкин был совсем разным в обществе и наедине с ней или среди друзей. Стоило ему попасть в светский круг, как начинало

казаться, что он грустит, оказался не на своем месте... либо, напротив, был едким до неприятности. А вот среди друзей становился веселым, остроумным, смешливым. С ней вел себя и вовсе то как мальчишка, то как строгий отец, готовый опекать каждую минуту. Россет говаривала, что дозволю, так Пушкин супругу всюду не просто под руку, а за руку бы водил, и на минуту одну не оставляя. Так и было, Наташа никуда без мужа не выходила, одевалась, как он желал, причесывалась по его мнению... Опека была еще строже материнской, однако вовсе не давила, напротив - создавала ощущение защищенности.

- Душа моя, ты не в сем свете выросла и болтовни салонной до сих пор не слышала. Московская с петербургской в сравнение не идет. Знаю, что ты и так молчалива. Но все ж заклинаю: где можно, лучше смолчи. Пусть скажут, что молчалива, чем разнесут какую-то ошибку по всем гостиным.

Наташа понимала, что муж заботится о ней, о ее успехе, но в глубине души было немного обидно, отчего ж он так ей не доверяет, что боится, чтобы рта лишней раз не раскрыла?

Но, впервые попав на прием с полутора сотней гостей, быстро поняла, что муж прав, лучше промолчать. Это ей было совсем нетрудно, по природе не больно разговорчива, а вот быть приветливой молодая Пушкина умела.

Зато сам Пушкин был ловок и говорлив, он словно рыба, вернувшаяся в свою стихию, а она, напротив, как из воды вытащенная. Наташа не умела вот легко и умно болтать, как делали многие красавицы вокруг нее, и уже хорошо понимала, что Пушкину явно не хватает вот этого умения. Она не могла свободно обсуждать прочитанное, имея свое мнение, возможно, и более глубокое. Многие понимая душой, а не умом, Наташа не

умела и не смела выражать свои мысли вслух. Мужнино: «лучше помолчи, умней казаться будешь» – навсегда сковало ее и без того робкий язык.

Как она завидовала его приятельницам, которые общались легко и непринужденно, как ревновала! Еще в Царском, видя, что муж легко и подолгу болтает с Александрой Россет, страдала. Россет это доставляло удовольствие, она смеялась:

– Не ревнуй его ко мне, что ты ревнуешь? Ни я в него не влюблена, ни он в меня.

– Досадно, что с тобой болтает, с тобой весело, а со мной зевает.

Александра заблестела глазами:

– Чтоб весело было, нужно и самой быть веселой. А чтоб болтал, знать много нужно, его стихи в первую очередь. Пушкин любит, когда его стихи знают.

– Я знаю, только я не могу вот так легко, как ты...

– Тогда терпи, твой Пушкин любит с дамами легко болтать. Терпи и учись.

Она терпела и училась, но Наташа просто была иной, не такой, как Софья Карамзина, не такой, как Соллогуб, как Долли Фикельмон, как Полетика... Возможно, она была женой для дома, а Пушкин решил продемонстрировать свою красавицу большому свету. Красавице понравилось, свету тоже, все оценили ее внешность, некоторым искренность, очень немногие душевность и никто – ум, который просто не подходил для света.

Толкнув воспитанную в провинции почти девочку в объятия большого петербургского света, Пушкин ждал от нее ловкости прожженных красавиц и одновременно сохранения душевности. Он считал свою Мадонну идеалом и страстно желал, чтобы это признали все, чтобы она слыла не только первой красавицей, но и умницей, не только лучшей танцовкой, но и интереснейшей женщиной. Может, слишком многого

ожидал? Или требовал полета от птицы, которой сам же подрезал крылья?

Наташа и без того не слишком в себе уверена, а тут столько ловких красавиц вокруг, и муж напропалую ухаживает за другими, а ей и рот раскрывать лишний раз (ну прямо как маменька в Москве!) запретил.

И все равно она была счастлива – блистала в свете, встречалась с императорской четой и была ими благосклонно отмечена... Но долго плясать просто не вышло, Наташа была беременна и носила тяжело. Особенно трудными были последние месяцы – сильно отекали ноги, первая красавица старалась не появляться в обществе, потому что таскать большущий живот и едва ковылять на опухших ногах не слишком приятно.

Пушкину с ней стало скучно, просто скучно. Да и что за веселье сидеть рядом с беременной женой или гулять с ней под ручку, стараясь не ускорить шаг или не сделать неловкого движения. Наташа обижалась, но вслух ничего сказать не могла, Пушкин был весел, и влезать в его веселость своими нотациями не хотелось.

Она мало выходила из дома, до одури читала или вышивала, но разговаривать, кроме как со слугами, было не с кем. Иногда казалось, что, пока родится ребенок, она забудет звук собственного голоса... А муж где-то на очередном вечере, снова за кем-то ухаживает...

Странно, сам ухаживает, весело беседует (Наташа помнила его заливи́стый смех в ответ на остроты Александры Россет), возвращается совсем поздно, не интересуется ее делами и состоянием, а ей запрещает принимать кого бы то ни было в его отсутствие. Но когда сам Пушкин дома, он чаще всего сидит в кабинете и работает, тогда и вовсе запрещено шуметь,

громко разговаривать и всем велено отвечать, что хозяйева не принимают.

Воспитанная строгой матерью в беспрекословном подчинении, Наташа и мужу подчинялась так же. Пока была в состоянии ходить и тем более выезжать, она ни дня не сидела дома, часто встречалась с сестрой мужа Ольгой Сергеевной, ездила гулять, по вечерам бывала в свете... Но стоило отяжелеть, как самой не выехать, а муж умчался...

Пушкин вдруг объявил, что у него в Москве дела с Нащокиным, и уехал, оставив ее одну! Умчался, словно от обузы какой. Что за заботы в Москве? Он не рассказывал ей о серьезных делах, считал дурочкой, беседовал как с маленькой. А все потому, что не умничает, как другие барышни, как та же Россет или Карамзина. Не умеет так ловко и уверенно вести беседу, как Долли Фикельмон. Но ведь Пушкин об этом знал, когда ее сватал. Московское общество не петербургское, да она почти не выходила в свет до замужества, а если и выходила, то только потанцевать. Наташа никогда не проводила вечера в салонах, как приятельницы мужа, никогда не вела умных бесед и не слышала их, где ей было? Вернее, вела с приятелями брата Дмитрия, студентами университета, но то были беседы скорее философские, чем светские, легкостью мысли не отличались, это скорее рассуждения, чем искрометный юмор и изящный обмен мнениями, как в салонах.

Когда переехали из Царского Села в Петербург, муж принялся вывозить ее в свет, вел себя весьма заботливо и очень следил за тем, какое она производит впечатление. Успехи жены на балах и приемах Пушкина очень радовали, Наташа видела это. Хвалил за ловкость в танцах, за то, что хорошо движется, хорошо улыбается, приветлива, мила, что всем нравится. Хвалили все: тетка Екатерина Ивановна, сестра мужа

Ольга Сергеевна, даже Александра Россет... Пушкин очень гордился красотой жены, тем, что ее не просто заметили, но и откровенно восхищались, что императорская семья Наташе благоволит...

Но прошло совсем немного времени, и все переменялось. Нет, она не стала дурнушкой и не поглупела, она просто перестала выезжать, а муж продолжал вести легкий образ жизни, общаясь с друзьями, вечно у кого-то обедая или ужиная, кого-то посещая... Возвращался поздно, веселый и такой далекий... Теперь Наташа чувствовала себя одинокой и ненужной.

Она старалась как можно больше читать, а еще играла в шахматы сама с собой, больше не с кем.

В их новую квартиру на Фурштатской в доме Алымова приехала Идалия Полетика – кузина Наташи, незаконная дочь графа Строганова, а потому родственница Гончаровым. Глядя на Идалию, Наташа тихонько вздыхала: ей никогда не бывать вот такой – красивой, уверенной в себе, умеющей не показывать виду, даже если ей плохо, всегда веселой. У Полетики во время холеры разорилось имение, конечно, граф Строганов содержал свою дочь, но это же зависимость...

Голубоглазая красавица весело чмокнула Наташу в щечку, словно птичка пролетела по квартире:

- Сколько у вас комнат?
- Четырнадцать.
- К чему такая большая? Или ты собираешься разродиться тройней?
- Пушкин выбирал, я уже почти не хожу, мне совсем скоро...
- Боишься?
- Да.

- Чем это ты занимаешься? В шахматы играешь? - в голосе веселой гостьи почти презрение. - А Пушкин где, говорили, в Москву умчался?

- Да, уехал по делам.

- Ну да, по делам, небось снова волочитя за кем-нибудь. Или в карты играет.

- Нет, нет, все говорят, что теперь он ведет себя примерно...

- Кто это все, в число всех входит только он сам!

- Полноте.

- Сколько раз за неделю он выходит без тебя? Пять или все семь? То обедает у друзей, то на приеме или балу, куда тебе с твоим пузом уж никак, да?

- Но как же иначе?

- Для Пушкина? Конечно, никак. А вот это слышала:

... ей нет соперниц, нет подруг;
Красавиц наших бледный круг
В ее сиянье исчезает...

О ком это, не знаешь?

- О ком?

- Не о тебе, о графине Елене Завадовской. Волочитя, как и прежде. Куда ты смотришь?

- А что я могу?

Идалия внимательно присмотрелась к Наташе, чуть подумала и махнула рукой:

- Ладно, родишь, я тебя кое-чему обучу. И думай ты больше о себе, а не о нем. Пушкин хорош, но никогда верностью не отличался и тебе тоже верен не будет, не надейся.

И Полетика защебетала о новой модной прическе, которая непременно пойдет к лицу Наташи. Та отвечала почти рассеянно, из головы не выходили строчки, прочитанные Италией. Не удержалась, попросила

повторить. Полетика поняла, что зерно упало в подготовленную почву. Ей было досадно, что некрасивый Пушкин так относится к своей красавице жене. Повторила, поговорили еще о чем-то, но Наташа была слишком занята своими мыслями, чтобы поддерживать нормальную беседу, Полетика еще посмеялась и уехала, снова расцеловав подругу в обе щеки.

Она сидела в карете и под легкое покачивание вспоминала родственницу. Нет, никогда Наташе не блистать так, как блещут другие, нрав иной. А ведь дала же природа такую красоту, что одним взглядом можно к своим ногам всех уложить. Пушкин внушил жене, что она должна быть во всем послушна, да говорят, строгая мать так же держала. Девочка совсем молодая, не резвушка, кроме подчинения, ни о чем и не мыслит.

Полетика слышала разговоры, что у Пушкина супруга красива, но не слишком умна, молчит и молчит. Тиха, нерешительна... Но ведь это поправимо. Саму Идалию с удовольствием принимали в самых разных гостиных и салонах, все же дочь Строганова, пусть и незаконная (смешно, родители меж собой давно женаты, мать Юлия – графиня Строганова, а дочь все равно внебрачная, потому как родилась раньше их венчания, правда, намного раньше). Болтовню очаровательной красавицы слушали, а все равно чувствовалось, что она в списке гостей последняя, что все равно на шаг позади фрейлин.

А рядом с Наташей Пушкиной Полетика чувствовала себя на шаг (и не один) впереди, она знала свет, умела быть приятной, хотя и слыла обладательницей весьма острого и даже злого язычка. Нет, Полетика не обладала обширными знаниями и не слишком увлекалась поэзией или умными беседами, потому ей было скучно в салонах вроде Карамзиных, но вот на

светских раутах и балах, где разговоры шли ни о чем, она блистала. И потому откровенно считала, что женщине ни к чему умничать наравне с мужчинами, у нее свой ум и свои интересы. Но допускать увлечения мужа на стороне и тем более откровенную измену могут только дурочки.

Жена Пушкина, несомненно, глупенькая, но обучить ее кое-чему можно.

Полетика была права: Пушкин, затосковав, вдруг сорвался в Москву вовсе не по поэтическим делам, а действительно по картежным. Они весело провели время с Нащокиным, при этом Пушкин, как обычно, проигрался в пух. Впрочем, случаи, когда поэт выигрывал, вообще были крайне редки. Чаще всего он вставал из-за стола с очередным долгом, ладно, если небольшим.

Так и в этот раз. Очень хотелось отыграть деньги, чтобы вернуть прежние долги и сделать запас для жизни на некоторое время, потому что денег от закладной Болдина уже не осталось. Пушкин совершенно не умел эти деньги считать. Если появлялись какие-то свободные суммы, то им немедленно находилось не лучшее применение, то есть деньги просто утекали меж пальцев. Совсем юная жена не была помощницей ни в экономии (это позже жизнь приучит Наташу к экономии), ни в заработке. Писать категорически не получалось, требовалось уехать в деревню на осень, но стоило об этом заикнуться, как Наташа расплакалась. Она была беременна и совсем не желала оказаться осенью или зимой в глуши:

– Вот еще! Слушать вой волков и завыванье вьюги?

Пушкин только руками развел, мол, что с нее возьмешь, не понимая, как это жестоко: окунуть юную красавицу в блеск светской жизни, дать почувствовать

ее прелесть, осознать свой успех и тут же предложить уехать в глушь...

Быстро растратив полученные от заклада Болдина деньги, Пушкин встал перед вопросом: где брать на жизнь? Ответ пришел в виде приглашения Нащокина приехать в Москву. Но Москва деньгами не снабдила, напротив, ввергла в новые долги.

Он занял 25 000 рублей на два года.

РЕВНОСТЬ

Наталья Николаевна родила Машу 19 мая 1832 года. Рожала очень тяжело и долго болела после. Смущенный Пушкин объяснял:

– Моя Мадонна имела неловкость разрешиться моей копией...

Маша действительно очень похожа на отца, но и на мать тоже, она оказалась, как и младшая ее сестра Наталья, красавицей. Младшенькая Наташа, рожденная в 1836-м, самом трудном для Пушкина году, более всего повторила его внешне, но «арапские» черты отца смягчились материнскими, и получилась на редкость красивая внешность.

Наталья Николаевна всех детей носила и рожала очень тяжело, долго болела потом. Особенно ее мучили отеки второй половины беременности и грудница после родов. Кроме четверых детей, у Натальи Николаевны был еще выкидыш... Болели дети, болела сама, болел Пушкин...

Какие уж тут балы и светские развлечения? Разве что урывками... Зато когда оказывалась на балу да еще и без отеков ног... вот тогда и пококетничать не грех!

Хотя кокетничать тоже начала не сразу.

У Натальи Николаевны в свете быстро появилось прозвище: Поэтша. Нет, она не протестовала, понимая, что ее воспринимают в первую очередь как супругу Пушкина, в то же время поражаясь ее собственной красоте. Среди огромного количества отзывов у самых разных людей, любивших Пушкина, презиравших и даже ненавидевших его, первые слова о его супруге всегда одни – редкая красавица. А уж дальше каждый видел свое, кто-то писал о приветливости и влюбленности в мужа, а кто-то о небольшом уме.

Толстенюкую крикливую Машу любили все, сравнивали с ангелочком, возились с ней, как с живой игрушкой. В том числе и Наташин дед Афанасий Николаевич.

Гончаров приехал в Петербург не ради правнучки, просто так совпало. Ему были нужны деньги – либо получить ссуду на восстановление имения, либо разрешение продать его. Ссуду не получил, продать Полотняный Завод не позволил старший внук Дмитрий. Имение было майоратным, то есть обязанным неделимым переходить к старшему из сыновей, а поскольку Николай Афанасьевич, Наташин отец, был душевно болен, то внуку. Вот внук Дмитрий Николаевич и воспротивился продаже имения, прекрасно понимая, что деньги дед так же быстро спустит на своих фавориток, как спустил и все предыдущие, и останется семья ни с чем.

Внук продавать не разрешил, дед очень расстроился. В Петербурге он крестил правнучку, подарил ей на зубок 500 рублей, но долго после этого не прожил, уже осенью того же года Афанасия Николаевича не стало... Наследникам осталось полтора миллиона (совершенно сумасшедшая сумма!) долга. Эти долги Дмитрий Николаевич выплачивал всю жизнь.

– Я на два дня в Кронштадт.

Пушкин весел и чем-то доволен.

– Зачем, Саша?

– Наденьку Соллогуб провожу до корабля, прощусь. Уезжает на лето за границу.

У Натальи Николаевны даже дыхание перехватило, она вспомнила:

Нет, нет, не должен я, не смею, не могу
Волнениям любви безумно предаваться;

Спокойствие мое я строго берегу
И сердцу не даю пылать и забываться...

Какое уж тут спокойствие? Надежда Соллогуб совсем юная девушка, безусловно, хороша, умна и Пушкину нравилась, несмотря на разницу в шестнадцать лет. Значит, права Идалия Полетика, когда твердит, что Пушкин всю жизнь волочит за Соллогуб, что старается бывать там, где бывает она, следит глазами, вздыхает?

- Пушкин, почему ты? Разве больше некому проводить, кроме как женатому мужчине?

Он почти взвился:

- Ревнуешь? Ты свои провинциальные московские ужимки брось!

Он уехал провожать Соллогуб, Наташа осталась. Она ненавидела всех тех, за кем волочился ее муж. Неужели он не понимает, как это унижительно - наблюдать за его ухаживаниями? Конечно, оберегая себя от семейных скандалов, Пушкин старался не водить жену туда, где могли оказаться его новые пассии, но свет хоть и велик, а тесен, все равно встречались. Замечая, как притягивает взгляд супруга очередная красавица, Наташа сжималась внутри, заставляла себя веселиться, чтобы не устроить скандал где-нибудь прямо на балу, смеяться, чтобы не расплакаться, больше танцевать, чтобы не видеть своего мужа, шепчущего комплименты кому-то другому.

В свете к увлечениям поэта относились спокойно, его волокитство было привычным, а мысль о том, чтобы наставить рога первой красавице Петербурга, какой уже называлась Наталья Николаевна, и вовсе увлекала женские сердца. Пусть Пушкин твердит, что его жена Мадонна, самая красивая, самая лучшая, но жарко в ушко дышит-то он другой.

Не выдержав, она дома стала устраивать ревнивые скандалы. Пушкин смеялся в ответ:

- Я поэт и увлечения имею платонические, ты должна с этим считаться.

Она пыталась считаться, но захлестывала обида. И Пушкину от его собственных увлечений и ее укоров становилось худо, он чувствовал себя виноватым, вполне сознавал, что вот так увлекаться другими, подставляя жену под насмешки острых язычков, подло по отношению к жене, но ничего не мог поделать. Такова была пушкинская натура - пройти мимо женской красоты не мог, а заметив, обязательно должен был эту красоту завоевать.

Наташа тихо плакала, Пушкин сочинял покаянные строчки, но ничего не менялось: едва заметив в салоне или на балу очередную красавицу, поэт снова стремился к ней. Дома он твердил, что это лишь дань женской прелести и жена ревнует некрасиво и глупо.

Вообще, у него заметно изменилось отношение к супруге, Пушкин по-прежнему твердил всем, что его женка - Мадонна, что она самая красивая, но вот ум никогда не признавал. А теперь стал тускнеть и созданный им образ тоже.

Красива? Безусловно, причем классической, царственной красотой, от которой теряют голову все. И то, что эта красота недоступная, тоже нравилось. Наташа была очаровательна, великолепна, но даже с императором держала себя строго. Вот когда Пушкин мысленно благодарил строгое воспитание тещи; будь Наташа воспитана хоть чуть свободней, быть бы ему рогату, как оленю.

Словом, идеал, а не женка. Одно плохо - умишка маловато, красоты и порядочности много, а вот разум вялый. Ей бы помещицей быть, за самоваром сидеть, на балы в дворянское собрание выезжать, чтобы там с кумушками о глупостях болтать, детей воспитывать,

рукоделием заниматься... но для света иное нужно, нужно уметь, как та же Надин Соллогуб, сверкать умом в беседе, уметь вести себя в свете. Этому невозможно обучить, с этим надо родиться.

Наташа не родилась таковой. Что толку от ее умения играть в шахматы? Или от того, что прочла почти всю огромную дедову библиотеку? Прочитать мало, надо уметь поговорить о прочитанном, уметь показать свою начитанность. Этого в супруге не было вовсе. Если разговор, то такой, что провинцией за версту тянет, она это понимает, а потому молчит. Одни считают, что глупа, другие – что заносчива. И то и другое не на пользу и кроме как к флирту не располагает. Кто за ней на балах увивается? Только те, кто плясать горазд, а поговорить не стремятся.

И все же Пушкин любил жену, очень любил. Причем именно не испорченную светом Наташу Гончарову, «чистейшей прелести чистейший образец». Тем тяжелее было от каждой измены, мысленной ли или даже физической. Он перестал таскаться в заведение Софьи Астафьевны к ее барышням, но увлекаться барышнями в свете не перестал. А когда человек чувствует свою вину перед другим, совершенно невольно возникает желание себе в оправдание найти и у него недостатки. Но, находя, снова понимает, что это нечестно, снова приходится перед собой оправдываться, образуется замкнутый круг...

Легко любить чистейший образец, но как же трудно с таким жить! Особенно если сам образцом поведения не являешься.

Не легче было и Наталье Николаевне. Пушкин – гений, это ей внушали ежедневно со всех сторон. Она любила стихи мужа, но только не те, которыми восхищался свет, Наташе больше нравились его сказки, нравилась поэтическая певучесть «Царя Салтана», «Руслана и Людмилы»... Может, совершенно интуитивно

она тянулась именно к той пушкинской поэзии, которой он привлек когда-то, которая писалась, когда они были так счастливы?

А он уже стал писать иначе, работал над «Историей Пугачевского бунта», писал прозу, да и стихи стали иными, совсем иными...

Ему бы почитать свои произведения ей наедине, глядя в глаза, чтоб только для нее, но Пушкин с самого начала это делал перед другими. Сначала читал Россет, потом в салонах, а если и при ней, то все равно не ей. Наташу это обижало, даже раздражало.

Однажды, когда принялся читать при ней, но снова не ей, словно жены и не было рядом, даже огрызнулась:

– Надоел ты, Пушкин, со своими стихами!

Он смутился, развел руками:

– Моя женка моих стихов не любит и не читает.

С тех пор пошло: Поэтша стихов Пушкина не знает совершенно! Что с нее взять, пустышка и провинциалка.

Жизнь в Петербурге веселая, Пушкины очень часто выезжали, в театре своя ложа, бесконечные балы, рауты, маскарады, музыкальные вечера, Пушкин стал членом Английского клуба и частенько пропадал там... Весело, шумно, приезжали поздно, ложились тем более, вставали тоже к полудню... К этому добавлялись семейные праздники: то чей-то день рожденья, то именины...

Как бы поздно ни приехали, Наталья Николаевна бежала в детскую – посмотреть на своего ангелочка. Машу не будили, но, только поцеловав дочь в пухлую, вкусно пахнущую щечку, Наталья Николаевна могла отправиться спать.

Пушкин еще уходил в кабинет, вроде поработать. Сидел, о чем-то размышлял, пытался писать, но мысли о только что прошедшем веселом вечере, особенно если побывали в хорошей компании у Карамзиных или

Виельгорских или вернулись с шумного бала, легко уносились обратно, и серьезной работы категорически не получалось.

Он просто не мог писать, ежедневно выезжая в свет. Но не выезжать тоже не мог: приглашали, хотелось показать свою красавицу жену, снова и снова убедиться, что краше ее никого, что все восхищены, что она имеет неременный успех...

А Наташа снова в тяжести, теперь роды ожидалась в середине лета. Едва успели прорезаться зубки у маленькой Маши, как снова нужно готовить пеленки и вышивать распашонки... Но она счастлива, как же можно не радоваться детям, тяжело только, если болят. Пока у Машки резались зубы, Пушкин тоже извелся, он бестолково суетился, не зная, как успокоить, чем помочь малышке. Это был редкий момент, когда Наташа оказывалась словно старше, мудрее, опытнее мужа. Александр дивился:

- Откуда ты знаешь, как ее в руки брать? Страшно же.

- Не знаю, беру и все. И напеваю тоже, как получается.

Пока жена рожала, Пушкин маялся не меньше ее, слушать, как страдает любимая женщина, было невыносимо, он даже поклялся, что в следующий раз попросту удерет заранее.

Но не удрал, мало того, даже запланировав после родов отправить Наташу с детьми в Полотняный Завод, а самому уехать в Нижний, ничего этого не сделал. Она снова тяжело ходила и трудно рожала, он снова маялся, а потом едва не кричал от восторга: сын! И назвали Сашкой! «Рыжий Сашка», как звал его отец, был любимцем Пушкина.

Двое детей и красавица жена, что еще нужно для счастья?

Поэту – творчество.

Они снимали дачу на Черной речке, дорогую, совершенно им не по карману, но Пушкин был настолько уверен в своих будущих успехах, что денег не считал. Скоро, очень скоро наступит время, когда они будут ломать голову, где эти самые деньги взять, но тогда не думали. А писать все равно надо...

Его родители Сергей Львович и Надежда Осиповна, едва дождавшись родов и полюбовавшись на внука, уехали в Михайловское.

Пушкин пришел к жене, сидевшей с рукоделием на террасе:

– Наташа, я все же решил ехать... Надобно собирать материал для «Истории Пугачева». Справишься ли одна с детьми?

Конечно, она испугалась. Одна с малышами.... Ни его родителей, ни ее родных рядом. Тетка на даче в Царском Селе... А Машке второй год, и Сашка совсем кроха. Глянула испуганно и тут же кивнула:

– Справлюсь. Езжай.

– Храбрая моя женка... А ревновать будешь?

– Буду.

– Не ревнуй, я только тебя люблю. Как вспомню тебя с малышами, так и не стану ни за кем волочиться.

Говорил, словно самого себя убеждал.

Он снова провел часть осени в дорогом сердцу Болдине, снова много и счастливо писал. Конечно, эта Болдинская осень той первой не чета, но все равно Пушкин отдыхал душой от светской суеты и скучал по жене и детям.

В письмах летели бесконечные вопросы: как сама, как дети, здоровы ли, как зубки у Машки, что Сашка?

Она выросла и умнела, а он этого не замечал, смотрел на нее, как на маленькую девочку, и других приучал к такому же взгляду.

Письма писал из поездки, словно ребенку, она досадовала, но глотала обиду молча. Он Пушкин, ему все можно.

Но душа твердила, что не все, не допускала мысли, что и измена возможна. Становилось больно от понимания, что его интересуют другие, что она не умеет так же легко вести беседу или рассуждать о его стихах, потому неинтересна мужу... Что, пока дома возится с детьми, он обнимает другую... что при всем его восторге от ее красоты, при любовании на балах, когда ее нет рядом в салонах, гостиных и даже на балу, он волочится за кем-то...

И понимание, что он Пушкин и ему все можно, уже не спасало. Сердце не желало признавать такого разрешения, выдавать такую индульгенцию.

Ответить тем же, как не раз советовала Идалия Полетика? Нет, она не умела так, любила мужа, детей и просто не представляла себе измены... Может, просто пока спало сердце?

А оно действительно спало. Пушкина любила ровной любовью, больше похожей на восхищение и преклонение перед Гением, остальных мужчин замечала только как партнеров по танцам. Пушкин не танцевал, потому делать это приходилось с другими. Но Мадонна всегда помнила наставление мужа о неприступности и скромности. Этого у нее было хоть отбавляй, потому и поклонники, как ни восхищались, а допустимых пределов переступать и не мыслили.

Это позже на ее пути встретится тот, кто не посчитается ни с чем и ни с кем, кто в угоду своим желаниям разрушит и ее, и свою жизнь, но главное – жизнь Пушкина.

В том году, как раз когда Пушкин осенью собирал материалы для своего «Пугачева», а Наталья Николаевна в одиночку переезжала на новую квартиру

с дачи, в Петербурге с корабля «Николай I» на берег сошел ловец удачи, красавец француз Жорж Дантес. Рослый, прекрасно сложенный, с красивой внешностью, он весьма подходил для службы в любимом детище императрицы – Кавалергардском полку. К тому же у молодого человека были два важных обстоятельства: он привез рекомендательное письмо брата императрицы Елизаветы Федоровны Вильгельма Прусского, и его поддерживал, причем весьма щедро, голландский посланник барон Луи Борхард де Геккерн.

Императрица отнеслась к красавцу благосклонно, он тут же был зачислен в полк и существенно поощрен деньгами.

Началась блестящая карьера Дантеса в России, которая прервется после выстрела в Пушкина в 1837 году.

Но Наталье Николаевне до нового кавалергарда дела не было, у нее двое детей, муж в разъездах и проклятая ревность...

Пушкин далеко, а ей пора перебираться с дачи в город. И тут молодую хозяйку поджидала первая проблема. Муж оставил денег на жизнь довольно, ей бы хватило, а вот об оплате квартиры почему-то не подумал. Снимал ведь сам, знал, что нужно платить за три месяца вперед, а о том, как это будет делать она, не задумался.

Квартиру она сняла очень удачно – в двух шагах от столь любимого Пушкиным Летнего сада, напротив храма во имя Святого Пантелеймона. Квартира большая, удобная, со множеством подсобных помещений, людскими, конюшней, каретным сараем и самыми разными хозяйственными помещениями. Стоила она тоже немало – 4800 рублей в год. И заплатить Наталье Николаевне предстояло авансом за

проживание, как делалось обычно, 1600 рублей. Она заплатила.

Впервые осталась одна с детьми и вдруг без копейки денег. К брату Дмитрию полетело отчаянное письмо с мольбой о помощи:

«Мой муж мне оставил достаточно денег, но я была вынуждена отдать их все хозяину квартиры... вот почему я теперь без копейки в кармане...».

Потом следовали тысячи извинений и уверений, что если бы знала адрес мужа, то брата бы не утруждала, но Пушкин пока и сам до места не добрался... И только потом робкая просьба выслать несколько сотен из полагающихся ей от доходов Полотняного Завода. То, что имела право требовать, она просила, объясняя, что делать это заставляет только крайняя необходимость.

Так просить Наталья Николаевна будет у брата всегда. Ей не дали приданого, а содержание назначили много меньше, чем тому же брату Ивану, у которого не было ни детей, ни семьи. Но ни Пушкин, ни она сама никогда не потребуют положенного, даже тогда, когда безденежье не оставит другого выхода, она будет только просить...

Пушкин вернулся только в ноябре, снова начались выезды, и Наташа сразу почувствовала, что разлука не пошла на пользу. Показалось, что Александр снова вернулся к своим прежним увлечениям, то есть к волокитству...

- Пушкин, право, неисправим. Ему хоть гарем дома заведи, а не одну супругу, все равно будет амуры разводить...

- Бедная Поэтша...

- Не нужно самой быть столь глупенькой. Знала, за кого шла...

- Кто же ей мешает амуры заводить? Хороша ведь, поклонников много.

Кровь бросилась Наталье Николаевне в лицо. Пушкин... нет, он не мог! Он же все время твердит, она его идеал и что лучше никого нет!

Но посмотрела направо и замерла. Пушкин действительно не просто крутился подле баронессы Амалии Крюденер, не просто шутливо балагурил, как делал это обычно. Он ухаживал совершенно откровенно. Глаза блестели, взор то и дело неприлично задерживался на ее груди, обнаженных полных плечах, так и ел глазами. Для окружающих это было, видно, привычно, только посмеивались.

Понимая, что сейчас сотворит что-то некрасивое, Наталья Николаевна скользнула прочь, забыв и об обещанных кому-то танцах, и о том, что не мешало бы подойти к Долли Фикельмон и попрощаться.

Домой ехала, едва сдерживая слезы. Душили горечь, обида, что семейное счастье оказалось таким коротким. Она много слышала о поведении Пушкина, что оно недолго оставалось примерным: как жена забеременела и перестала выезжать, так муж снова и принялся увиваться чуть не за каждой юбкой.

А она действительно, едва справившись с болезнями после первых родов, забеременела снова, и снова тяжело носила и трудно рожала, вернее, болела после. Муж в это время развлекался... Идалия Полетика с удовольствием сообщала подруге о его увлечениях и намеками - об изменах. Наталья не верила, считала завистливыми наговорами острой и неприятной на язык Полетики. Теперь убедилась...

Не снимая бального платья, села в кресло, но сказала еще домашняя привычка не лить слез, от маменьки всегда попадало за слезливость. Наталья Николаевна сидела, борясь со спазмами в горле и желанием броситься ничком на кровать и зарыдать в

голос. Быть то и дело беременной, считать копейки, выкраивая на самое необходимое, постоянно кланяться тетушке за каждый наряд или украшение, ходить на цыпочках по дому, соблюдая правила, установленные мужем... и при этом раз за разом слышать, а теперь даже видеть, как он увлекается другими женщинами... Бывшие приятельницы, бывшие любви, новые увлечения... Она рождает, нянчится с детьми, а он вечно на обедах, вечерах, ужинах, где множество очаровательных дам, привыкших к его поклонению и его вольностям. А теперь вот стал открыто увиваться за другой даже у нее на глазах. Пушкин просто забыл о существовании жены! Как забыл в их первый совместный день. Она нужна только как хранительница дома.

Да любит ли он ее, как говорит? Разве можно любить одну и волочиться за другой? Неужели он не понимает, насколько это унижительно - видеть его блестящие глаза, зовущий взор, видеть, как мысленно держит в объятьях эту другую?

А она сама любит? Наталья честно признавалась, что нет, просто относится ровно и спокойно. Но ведь она никогда не говорила, что любит, и не изменяет даже мысленно. Она верна, верна всегда, несмотря на поклонников, потому что и мысли не допускает об измене. И снова честно признавалась, что это потому, что ее сердце спит.

Однако ревность - чувство унижительное и жестокое, оно способно разесть душу, особенно если его постоянно подпитывать, как это делает Пушкин. И выхода нет. Может, тетушка Екатерина Ивановна и права, что не пошла ни за кого, так-то лучше, чтобы сердце не болело, чтобы забот было поменьше. Да, она бесприданница, но ведь Пушкин знал об этом, когда брал за себя! Что же теперь ей, всю жизнь сносить его амуры и ухаживания за другими?

Наталья Николаевна давно попеременно с восхищенными взглядами мужчин ловила насмешливые женские. У каждой бывшей пассии мужа словно было намерение доказать, что ее, Поэтшу, подвинуть, сделать рогоносицей можно запросто. Они и делали, Наташа не сомневалась.

Сколько сидела так, глядя в пустоту, в полутьме, потому как яркого света не хотелось, не знала. Наверное, все же не слишком долго, вскоре в прихожей раздался шум – заметив отсутствие супруги, Пушкин тоже поспешил домой.

Он почти ворвался в комнату, возбужденный, стараясь скрыть чувство вины, с порога почти закричал:

– Что с тобой?! Уехала, никому ничего не сказав...

Хотел добавить еще что-то, но замер, наткнувшись на ее взгляд. Наталья Николаевна поднялась из кресла, оказавшись совсем рядом с мужем, и вдруг... Все накопленное за последние месяцы выплеснулось разом, она не произнесла ни звука, но от сильнейшей пощечины он едва не отлетел в угол!

– Наташа... Наташа... что ты себе там придумала? Ничего же не было!

– Тогда в чем ты оправдываешься?

Схватившись за левую щеку, Пушкин с изумлением наблюдал, как жена спокойно удалилась в спальню и захлопнула за собой дверь.

Пушкин рухнул на диван. Она права и, несомненно, все видела своими глазами. Но так вести себя нельзя, так не ведут себя приличные люди в свете! Ну, устроила бы скандал дома, ну, надавала вот таких пощечин, но только не позорила перед всеми. О том, что супруга уехала, ему с насмешкой не преминули сообщить несколько человек.

Она непустила его в спальню, спал на диване в кабинете, но утром не сказала ни слова. Пришлось говорить первому:

- Ну, и что за сцену ты вчера устроила? Опозорила нас обоих перед всеми. Негоже так, женка, своими московскими привычками щеголять.

Ждал, что возмутится, что станет укорять, тогда можно будет найти тысячу слов, чтобы обвинить ее же. Нет, она, совсем еще девочка, оказалась куда сильнее в этом несостоявшемся споре, просто подняла на него свои большие глаза и спокойно завершила:

- Я буду вести себя так же.

И протянула руки к няньке, принесшей маленькую Машу.

- То есть как?!

Наталья Николаевна дождалась, пока нянька выйдет из комнаты, и тихонько объяснила:

- Ты можешь волочиться за каждой красавицей, следовательно, я могу принимать ухаживания и кокетничать.

Он взвился так, словно коснулся чего-то очень горячего:

- За измену убью!

- Я не изменю тебе, это было бы преступлением перед богом. Но кокетничать теперь буду.

Он просто не знал, что возразить. Оставалось надеяться, что все как-то успокоится само собой.

Немного погодя Наталья Николаевна собралась куда-то уезжать.

- Куда?!

- К тетушке, вернуть серьги, которые брала для вчерашнего бала.

И это как вторая пощечина. Конечно, она должна вернуть серьги, как делала со многими украшениями, взятыми у тетушки Екатерины Ивановны Загряжской, потому как своих нет. Наташа брала и возвращала на следующий день, к этому привыкли. Но только теперь Пушкин вдруг осознал, насколько это унижительно - наряды получать от Екатерины Ивановны, они модные и

красивые, но не по своему вкусу сшиты, а по тетушкиному, украшения брать у нее же... Ничего своего, как и раньше, как и до замужества.

Первая красавица Петербурга вынуждена жить почти на милость своей тетки. Хорошо, что Екатерина Ивановна столь щедра и тактична.

Пушкин слушал, как застучали колеса кареты, увозя супругу в Аничков дворец. Она права, она кругом права. Не ее вина, что обещанное приданое так и осталось невыплаченным, что родня ничем не может помочь, что ее красоту замечают все и все же требуют бывать в свете... Наташа ничего не требовала, не просила, но он-то видел, как загораются глаза жены, когда приходило приглашение на бал или от тетки привозили новое платье... Она молода и красива, несмотря на двоих детей. Век красавиц недолог, еще несколько лет, и пройдет молодость, перестанут говорить комплименты, вовсе не потому, что подурнеет, а потому, что тридцатилетней даме, если она не дает к тому повода, амуры не строят.

В глубине души он понимал, что все только начинается. Наташа не представлена ко двору, в Аничков дворец ездила только к тетке по делам во флигель, или если отвозил кто-то из придворных дам, но это дело времени. А для придворных балов и расходы будут куда большие.

Однажды Наташу в Аничков дворец отвезла супруга министра Нессельроде. Увезла из лучших побуждений, заехала за ними, а Пушкина не оказалось дома. Он привычно был у кого-то в гостях. Графиня, недолго думая, приказала Пушкиной одеваться и ехать с ней.

- Но как же Пушкин?

- Их величества очень хотели видеть вас на вечере, потому прошу поторопиться. Полноте вам сиднем сидеть, коли муж не вывозит. В другое место не повезла

бы, а против Аничкова дворца и Пушкин возразить не посмеет. Приказ императрицы.

Графиня Мария Дмитриевна Нессельроде ошиблась: Пушкин не просто посмел возразить, он был в бешенстве! Разозлился и на Наташу, посмевавшую выехать куда-то дальше модной лавки без его разрешения и сопровождения, и на графиню, подказавшую его жене такую мысль, и, главное, на то, что Наташу увезли в Аничков дворец, куда ему самому хода не было, зато ходили такие сплетни о дамах, которых привечал император...

Злость Пушкина вылилась в совершенно безобразный скандал с Нессельроде. Забыв, что перед ним супруга министра и, главное, женщина, он почти кричал, что его жена не будет выезжать туда, где не бывает он сам! Мария Дмитриевна сумела сдержаться, но мужу, конечно, все пересказала. Тот пожаловался Бенкендорфу.

Александр Христофорович только вздохнул. Пушкин снова и снова позволял себе невесть что, оскорбить графиню Нессельроде значило нажать врага в лице ее мужа. Но государь благоволил к госпоже Пушкиной, да и императрица тоже... Бенкендорф вдруг улыбнулся:

- Карл Васильевич, да ведь он просто ревнивец. Пусть Мария Федоровна простит нашего Отелло, Пушкин не мыслит, что его красавица может где-то бывать без его присмотра. Я сам принесу извинения за глупца графине, потому как боюсь, что, начав извиняться, он наделает еще хуже. А как сделать, чтоб и муж получил доступ в Аничков дворец, подумаем. Не хочется лишать вечеров такой красоты, как у Натальи Николаевны...

Нессельроде тоже не желал скандала, и ему нравилась госпожа Пушкина, приятно любоваться столь совершенным лицом и фигурой. Вот ведь досталась такому баламуту! Удивительно, но ведь и влюблена в

этого баламута тоже, смотрит ему в рот, слушает все, что скажет... Но провинциальный налет у госпожи Пушкиной есть, никуда не денешь, даже не московский, а совсем провинциальный, только и мастерица плясать, а вот беседу изящную вести не умеет, все больше молчит. Может, потому поэт и боится отпустить одну? Или опасается внимания государя к своей супруге? Тоже может быть...

Глава III отделения Александр Христофорович Бенкендорф вовсе не жалел Пушкина, беспокойный поэт порядком ему надоел, но государю нравилась Наталья Николаевна, а потому действительно нужно что-то придумать, чтобы Пушкин имел право посещать придворные балы. То, что поэт якобы служил у того же Нессельроде в Коллегии иностранных дел, появляясь лишь изредка, не давало ему права бывать в Аничковом дворце.

Скандал с графиней удалось замять, не нашумев сильно. А с Пушкиным поступили просто: 30 декабря государь подписал бумаги, и Александр Сергеевич Пушкин стал камер-юнкером двора.

При дворе изначально было 12 камергеров и столько же камер-юнкеров. Император Николай I увеличил число камер-юнкеров до 36, но становились таковыми в куда более молодом возрасте, практически в юности. Камергером же стать сложно, да ведь и камер-юнкер соответствовал тайному советнику. Какой из Пушкина тайный советник, если он ушел в отставку в 1824 году с пометкой бывшего императора Александра I, что недостоин наград и званий. А с чего быть достойным, коли службу нести не желал, все больше стишки пописывал, за которые званий и наград не дают.

Камергерский ключ (отличительный знак камергера – ключ на голубой ленте) Бенкендорф однажды Пушкину предлагал. Вернее, не то чтобы предлагал, а давал понять в беседе, что может выхлопотать, но

после определенных обязательств. Поэт, сообразив, какого рода будут эти обязательства, сделал вид, что предложения не понял. Бенкендорф настаивать не стал.

И вот теперь требовалось дать Пушкину какое-то звание (они перестали быть чинами, как в прошлом веке), но сделать его сразу камергером было уж слишком. При разговоре на эту тему император поморщился:

- Довольно и того, что по пять тысяч в год ни за что получает. Пусть заслужит сначала. Коли заслужит, как вон Карамзин или тот же Вяземский, дам и камергера и поболее...

Сам осчастливленный поэт узнал о своем звании на балу у графа Орлова.

Жуковский увидел, как белеет лицо друга, и осторожно поинтересовался у Виельгорского:

- Что это он?

- Узнал, что пожалован в камер-юнкеры вместе с Ремером, который семью годами моложе...

Пушкин не просто скрипел зубами, у него побелели скулы, это означало, что сейчас что-то произойдет. Переглянувшись, приятели потащили упиравшегося Пушкина в кабинет хозяина. Никакие уговоры не помогали, Пушкин был вне себя, рвался во дворец наговорить грубостей самому царю.

- Да чего ты так злишься? Ну пусть себе Ремер камер-юнкером ходит, тебе-то что с того?

Перевести все в шуточный тон Жуковскому не удалось, а вот пригрозить, что выльет взбесившемуся поэту стакан воды на голову, пришлось. Успокоили не скоро и большим трудом. Убедить, что никто над ним не насмехается и унижать не собирался, Жуковскому тоже удалось не сразу.

- Ты пойми, государь просто хотел тебя отличить, и ничего более. Теперь ты можешь появляться на

придворных балах, а с тобой и женка твоя.

- Вот зачем царю мое камер-юнкерство надобно: чтоб моя женка на балах с ним плясала!

- Ты говори, да не заговаривайся! Давно ли сам буянил, когда графиня Нессельроде Наташу во дворец увезла, мол, моя жена не будет ездить туда, где я не бываю? Вот и бывай, теперь тебе ничто не мешает.

Попробовал Жуковский внушить и другое:

- Александр, ты подумай, ну может ли государь тебе камергера сразу дать, ежели ты всего-навсего титулярный советник? Не может. Побудешь немного камер-юнкером, и сделают тебя камергером.

Убедили. Передавая чуть успокоившегося мужа Наталье Николаевне, Жуковский объяснял:

- Держите его до самого дома крепко, чтобы не побежал вместо благодарности государю гадости говорить. Он может...

- Почему?

- А его камер-юнкером пожаловали. Теперь при дворе бывать сможет.

Жена была в восторге, что тоже привело Пушкина в негодование. Но супругу он простил, считая, что та просто ничего не смыслит, для нее главное, что из-за пожалования мужа можно ездить на придворные балы не по особому приглашению или вместе с кем-то, как было с графиней Нессельроде, а всякий раз.

Что взбесило Пушкина в таком звании, не все поняли. Было немало добивавшихся такой милости, мечтавших о ней. Конечно, Пушкину тридцать четыре, а в камер-юнкеры обычно жалуют в молодом возрасте, главе семьи с двумя детьми не пристало ходить в полосатом камер-юнкерском мундире. Это было особенно тяжело самолюбивому Пушкину, стремившемуся во всем быть первым.

- Не стану я шить полосатый мундир!

Наташа широко раскрыла глаза:

- А как же ты представляться государю станешь?
- Ты за меня представишься.
- Все шутишь? Меж тем представление скоро. Катерина Ивановна говорила, что я должна представляться 14 января.

Тетка и правда прислала роскошное платье. Для нее было большой радостью, за неимением собственных детей, заботиться о Наташе.

Черное с белым платье великолепно, жена в нем ослепительная красавица, а муж чем-то озабочен.

- Что, Саша, что не так?

- Слушай меня внимательно. Уже говорил и еще повторю. Кокетничать я тебе не мешаю, но требую от тебя холодности, благопристойности и важности. Сама ты не такова, я помню, но маску надень, словно на маскараде, и, пока домой не вернешься, не снимай. Слышишь ли меня?

- Да.

Так легче и для самой Наташи, пусть у нее двое детей, пусть привыкла к свету, в душе она все равно девочка, для которой правила, внушенные в детстве, - закон. Пушкин это понял, а потому пока за супругу не боялся. Бояться он начнет позже, когда его Мадонна повзрослеет окончательно.

Как ни ярился Пушкин, представляться пришлось и ему тоже. Конечно, был недоволен, свой фрак шить так и не стал, отправился в чужом. Злило, что рядом с ним одни мальчишки, звание камер-юнкера не для взрослых мужчин.

Ему казалось: все смеются, а в действительности вовсе не смеялись. И при представлении приняли тоже хорошо, и потом его многочисленные пропуски обязательных мероприятий без уважительных причин прощали.

Императрица, которую Пушкин, по собственному уверению, ужасно любил, даже руками всплеснула:

- Боже мой! Нет, это беспримерно! Я ломала себе голову, что это за Пушкин будет мне представлен. Оказывается, это вы!.. Почему вас не представили раньше?

Пушкин в ответ пробормотал нечто непонятное. Как его могли представить, если нет придворного звания? Но, видно, это и удивило государыню.

- Как поживает ваша жена? Ее тетка горит нетерпением увидеть ее в добром здравии - дочь ее сердца, ее приемную дочь...

- Жена, слава богу, здорова, благодарю за заботу о моей супруге, Ваше величество.

- Она очаровательна, просто красавица. Я очень рада, что ваша супруга теперь будет танцевать при дворе. Госпожа Пушкина украсит собой наши балы. К тому же Натали прекрасно танцует. - Чуть лукаво улыбнувшись, добавила: - Вам придется поревновать... Нет, я шучу, ваша жена ведет себя прекрасно, она скромна так же, как красива.

Столько лестных слов, столько восторга! Пушкин был счастлив, его тщеславие польщено. Наташа признана не только красавицей, но и скромницей. При дворе это дорогого стоило...

Но бесконечные танцы до добра не довели. На одном из балов Наталье Николаевне стало плохо, Пушкину пришлось срочно увозить свою красавицу домой. В результате выкидыш. Третьего ребенка она родила через год...

А из Полотняного Завода приходили тревожные письма. Окончательно потерял рассудок отец, временами он вел себя даже буйно... Уехала в имение Загряжских и там запила мать. Наталья Ивановна

оправдывалась тем, что вовсе не пьет запоями, а лишь потребляет настойки по лечебнику.

Брат Дмитрий метался между Москвой, где в старом доме жил отец, и Зааводом, пытаясь управляться со всем, но ничего не успевал, и нужного дохода имение не приносило...

Тосковали в Полотняном Зааводе ставшие вдруг никому не нужными сестры Екатерина и Александра.

Видя, что жена рвется к родным всей душой, Пушкин объявил, что нечего ей в Петербурге до выкидышей прыгать, надо ехать в деревню, как только дороги позволят.

Дороги позволили уже в апреле, и Наталья Николаевна в середине месяца отправилась с детьми сначала в Кариан, в Ярополец, а потом в Полотняный Заавод проведать родню.

СЕСТРЫ ГОНЧАРОВЫ

К ее приезду не просто готовились. Наташа впервые приезжала в качестве замужней дамы, причем дамы петербургской, привыкшей к придворным балам, к блеску света, не раз танцевавшей с императором...

Сестры извели Дмитрия Николаевича просьбами сшить им новые амазонки для верховой езды и хотя бы по одному ситцевому платью. Нельзя же позориться перед столичной красавицей, а слухи о красоте сестры и ее светских успехах докатывались даже в провинцию, не говоря уже о Москве.

Столичная красавица оказалась все той же Наташей Гончаровой, простой, ласковой, скромной... Она безумно похорошела, хотя, казалось, куда уж, но Наташа из тех женщин, которым рождение детей идет. Сестрам искренне обрадовалась, расцеловала и даже всплакнула. Детями своими гордилась и была счастлива, что они понравились.

Сначала смущались все, даже Дмитрий Николаевич, не зная, как держать себя с петербургской красавицей, но быстро поняли, что сестренка если и изменилась, то просто стала мудрее и заботливее. Это радовало, все барьеры рухнули, Наташа словно вернулась в счастливое детство.

Она бегала по утрам на пруд купаться, скакала с высокого крыльца на спор или наперегонки с мальчишками, ездила верхом, гуляла – в общем, вела себя вовсе не как светская львица, а как Наташа Гончарова без материнского присмотра. Сестры радовались, брат делал вид, что хмурится, потому что взрослая женщина словно ребенок, а старшие сестры ей потакают.

Маленькую Машку избаловали, рыжего Сашку тем более. Сестры, у которых своих детей не предвиделось, были рады повозиться хоть с племянниками.

Но бывали и вечера, когда Наташа все же рассказывала о светской жизни Петербурга, о балах, раутах, маскарадах, о театрах, музыкальных вечерах... И снова хмурился Дмитрий:

- А когда же делом заниматься, если вы все время по балам? Неудивительно, что у Пушкина вечно денег не хватает. Писать небось некогда.

Это была правда, и Наташа краснела, уверяя, что муж и пишет тоже... по ночам. К поэтам всегда вдохновение по ночам приходит.

Это тоже было правдой, Пушкин любил работать ночью, а днем потом спать. Но правдой было и то, что не хватало денег. Литературными трудами прокормить семью можно, а вот вести светскую жизнь нет. Чтобы иметь квартиру в престижном районе, нужны деньги. Чтобы иметь выезд, тоже. И на бальные платья нужны. И на маскарадные костюмы, и на слуг, и на Английский клуб, и на няnek, на кормилицу, на перчатки, на веера, на лорнеты, на всякую мелочь тоже нужны.

Наташа ловила слегка недовольный взгляд брата, говоривший о бестолковой трате средств, и восхищенно-завистливые взгляды сестер, мол, какие веера и лорнеты, нам бы платья ситцевые...

- А мы и забыли, как в театре ложи выглядят. Все развлечения в том, что маменька в Кариан вдруг свозит. Но там приживалок полно, только и слышно молитвы да поклоны...

- Скучно, Таша, хоть волком вой. Никому мы не нужны, даже вон Дмитрию.

Дмитрий отмахивался:

- Не до вас.

- Вот так всегда, всем не до нас. А нам-то что делать? Уже в старых девах, а изменений не

предвидится.

Это была тема, не раз обсуждаемая в письмах. Тетка Екатерина Ивановна предложила взять одну из сестер, понятно, что старшую Екатерину, к себе и постараться представить ее ко двору, чтобы императрица сделала фрейлиной. Самой Екатерине о таком было страшно даже думать. Попасть из Полотняного Завода прямо ко двору....

Но для этого требовалось, прежде всего, решить два вопроса: во-первых, ехать в Петербург без денег, рассчитывая только на тетку, никак нельзя. Пушкин был прав, когда возражал, кошелек у Екатерины Ивановны не бездонный, всех содержать не может.

Во-вторых, Наталья Николаевна понимала, что, забирая в Петербург Екатерину, Александру оставлять одну здесь нельзя, это будет уж совсем нечестно. Загряжская предложила взять во дворец старшую, а младшей поселиться у Пушкиных, мол, Азя будет помогать Таше воспитывать детей.

Прочитав о таком предложении впервые, Азя разрыдалась. Неужели у нее судьба настоящей старой девы – жить приживалкой и воспитывать племянников? Было действительно горько. Сестры по сравнению с Наташей некрасивы, но что же им, пропасть в глуши, где женихов днем с огнем не сыщешь?

Наталья Николаевна попыталась успокоить:

– Азя, никто тебя возиться с моими детьми не заставит, я и сама справлюсь. А вот в свет вывезти смогу. Не всюду, для этого часто приглашения нужны, но смогу.

Видя, как заблестели глаза сестры, обрадовалась:

– Ты согласна?

Станный вопрос, как могла быть не согласна с таким предложением девушка, потерявшая уже всякую надежду когда-нибудь вырваться из глуши?

Но решение вопроса зависело не от Наташи и даже не от тетки Загряжской, согласие могли дать или не дать двое мужчин: Дмитрий Николаевич Гончаров и Пушкин. Дмитрий Николаевич – потому, что ему предстояло отправлять деньги на содержание сестер, как он уже посылал брату Ивану, поступившему на службу в императорскую гвардию.

А Пушкин потому, что жить сестрам предстояло в его доме. Пушкин и слышать не желал, чтобы его свояченица поселилась во дворце, слишком хорошо зная придворные нравы.

Пушкин оставил решение вопроса на усмотрение жены: «Хочешь забирать обеих сестер, забирай». И словно чувствуя что-то, добавлял, что в доме должна жить одна семья: муж, жена и дети или родители, если престарелые.

Знать бы, к чему приведет все это, может, и правда, Наталья Николаевна не настаивала бы на переезде сестер в Петербург? Но человек не знает будущего, а Таше очень хотелось помочь сестрам выбраться из тихого омута деревенской жизни...

Решение отложили до приезда Пушкина, тот обещал к концу лета выбраться в Полотняный Завод сам, чтобы и немного развеяться, и семью забрать.

Наталья Николаевна не знала, что творилось в это время в Петербурге.

«Милостивый государь Александр Сергеевич.

Письмо ваше ко мне 25-го июня было мною представлено государю императору в подлиннике, и его императорское величество, не желая никого удерживать против воли, повелел сообщить г-ну вице-канцлеру об удовлетворении вашей просьбы, что и будет мною исполнено.

Затем на просьбу вашу о предоставлении вам и в отставке права посещать государственные архивы для извлечения справок государь император не изъявил своего соизволения, так как право сие может принадлежать единственно людям, пользующимся особенно доверенностью начальства.

Граф А. Х. Бенкендорф.

30 июня 1834 г.».

Пушкин вдруг решил все бросить и уехать в деревню. Попробуй он получить разрешение на это путем долгих переговоров с царем, может, и получилось бы, но столь резкая выходка едва не привела к печальным последствиям.

На счастье строптивного поэта, император поинтересовался у Жуковского, какая муха Пушкина укусила. Василий Андреевич пришел в ужас, но, не зная, чем вызвано такое решение приятеля, попросил сначала возможности с ним поговорить и поинтересовался, можно ли все исправить. Царь посоветовал просто забрать письмо с просьбой об отставке.

Пушкин по настоятельному совету (даже требованию) Жуковского письмо отозвал, но написал только Бенкендорфу, потому что писать самому царю было стыдно.

«Ты человек глупый, теперь я в этом совершенно уверен. Не только глупый, но и поведения непристойного: как ты мог, приступая к тому, что ты так искусно состряпал, не сказать мне о том ни слова, ни мне, ни Вяземскому – не понимаю!

Глупость досадная, эгоистическая, неизглаголанная глупость!..

Напиши немедленно государю письмо и отдай графу Бенкендорфу...

Если не воспользуешься этой возможностью, то будешь то щетинистое животное, которое питается желудями и своим хрюканьем оскорбляет слух всякого благовоспитанного человека;

без галиматьи, поступишь дурно и глупо, повредишь себе на целую жизнь и заслужишь свое и друзей неодобрение, по крайней мере, мое.

В. А. Жуковский.

3 июля 1834 г.».

Когда первый порыв прошел, Пушкин сообразил, что только что натворил. Если бы не помощь Жуковского, он действительно мог испортить себе и своей семье жизнь.

Уход в отставку означал не только потерю верных 5000 рублей в год, это была невозможность больше работать в архивах (кто же допустит к государственным бумагам частное лицо?), нужно было вернуть долг казне, в счет которого вносилась зарплата. К тому же обиженный государь больше не желал ни видеть, ни слышать поэта, а это означало невозможность печататься...

Государь с Бенкендорфом, обсудив нелепую выходку поэта, решили, что уж лучше оставить его на службе, чем предоставить самому себе... Ну, и дать отпуск на три месяца, чтобы съездил в деревню отдохнуть и повидаться с семьей.

Пушкин помчался в Полотняный Завод, но прежде сумел еще поссориться с владельцем квартиры, которую в предыдущий год нанимала Наталья Николаевна, потому что избил дворника, запиравшего по распоряжению хозяина ворота слишком рано. Пришлось съезжать.

Недолго думая, Пушкин взял дорогую квартиру, в которой до того жили Вяземские. Квартира для Пушкина слишком шикарна – 6000 рублей в год, деньги куда бо€льшие его заработка, которого он, впрочем, не

видел, потому что его вычитали сразу в счет взятых в долг денег из казны.

Немного позже они переехали на третий этаж, но элитный дом не сменили, на Дворцовой набережной понравилось.

Получив нагоняй от Жуковского, квартиру от Вяземского и отпуск от Бенкендорфа, Пушкин немедленно отправился в Москву и следом в Полотняный Завод.

Это были такие счастливые дни! Они прожили вместе полмесяца, много гуляли, дурачились, весело чаевничали по вечерам, играли в разные игры, Пушкин читал стихи. Давние, те, что написал еще до их женитьбы, а она просила прочесть свои любимые сказки. Вдруг оказалось, что Азя знает все, абсолютно все стихотворения и даже поэмы Пушкина! Когда такое обнаружилось, Наташа впервые увидела своего мужа смущенным.

Пушкин с Азей мгновенно стали друзьями, она глядела на зятя восхищенными глазами, а он с удовольствием декламировал свои произведения. Только и Азя не понимала его прозы, ей больше нравились стихи.

Екатерина, которую дети потом стали звать Кока, недобро фыркнула:

- Начинают со стихов, чем кончат?

- Катя, ты что?!

- Да так... я бы на твоём месте не брала с собой Азю, мало ли что...

Наталья Николаевна возмутилась от души:

- Не говори глупостей!

На обратном пути в Москве они разъехались: сестры отправились в Петербург, а Пушкин снова поехал в свое

Болдино – работать. Никто не мешал, и у него снова рождались шедевры...

Петербург восхитил и подавил одновременно, имперский город показал себя во всей красе. Сестры даже не сразу смогли привыкнуть к новому ритму жизни, к роскоши несколько другого порядка, чем в милой, патриархальной Москве.

Тетка Екатерина Ивановна слово сдержала, ей удалось представить Екатерину ко двору, и она была пожалована во фрейлины, хотя скорее сыграло роль родство с первой красавицей Пушкиной.

Но все оказалось не так-то просто. Пушкин настоял, чтобы Екатерина жила дома, а не во дворце, потому что там слишком вольные нравы. Тетушка, в порыве великодушия сначала пригласившая племянницу к себе, быстро опомнилась и с удовольствием с таким решением согласилась. Все же жить одной или иметь под боком племянницу, которой нужны пригляд и забота, не одно и то же.

Азя с Екатериной поселились вместе с Пушкиными. Быстро оказалось, что «сумасшедшие» для Полотняного Завода деньги в 4500 рублей в год каждой в Петербурге не так уж велики. Екатерина Ивановна подарила племяннице придворное платье за 2000 рублей, но большего сделать не могла, ведь племянниц теперь три, а доходы тетушки не выросли.

Из Петербурга к брату полетели бесконечные письма с просьбами не задерживать выплаты, прислать денег, прислать лошадей, снова денег, денег, денег... А Дмитрию не всегда удавалось выслать положенное в срок, девушкам приходилось туго. И взять не у кого, они быстро поняли, что Пушкины сами живут в долг.

Однако самым неприятным было не это.

Во-первых, фрейлины не желали признавать своей «какую-то» Гончарову. Доходило даже до скандалов.

Во-вторых, многое Екатерина просто не могла себе позволить, и это тоже сильно мешало. Скромно выглядеть можно в повседневной жизни, а на балах это возбраняется.

Но главное: то, за чем они приехали в Петербург, – замужество – оказалось здесь еще менее реальным, чем дома. Если сосед-помещик еще мог взять замуж бесприданницу, то аристократ в блестящем Петербурге никогда! Оказалось, что грациозности, умения прекрасно держаться в седле, чем славились сестры, тонкой талии и еще много каких качеств совершенно недостаточно, если у тебя нет приданого. Можно быть привлекательной, но, если ты бедна, никакой шарм не спасет, твоим уделом все равно будет вдовец или чиновник среднего класса.

Это куда лучше жены понимал Пушкин. Он-то признавал, что никто сестер замуж не возьмет. Александре скоро 24 года, а Екатерине так и вовсе 27-й. К тому же обе девушки вовсе не так хороши, как их сестра. Если у Натальи Николаевны едва заметная косина придавала взгляду дополнительное очарование, то у Екатерины глаза косили уже откровенно. А у Ази все портил желтоватый цвет кожи. Оказываясь рядом со своей красивой сестрой, они и вовсе проигрывали.

Умненькой Азе демонстрировать свои способности было просто некому. Однако девушки не сдавались, Екатерина просто стала реже бывать во дворце, императрица не настаивала, потому что видеть косую фрейлину тоже не слишком приятно, зато они много ходили в театры, много танцевали всюду, где только возможно, катались, гуляли, стараясь не упустить ни один погожий денек.

Первое время сам Пушкин с удовольствием показывал свояченицам город, вывозил их вместе с женой, Наталья Николаевна даже смеялась:

- Я становлюсь пожилой дамой, вывожу в свет молодых девиц!

Но она снова была беременна, и поэтому довольно скоро их поездки и выходы в свет сократились. И все равно зиму провели весело, во всяком случае, так казалось неизбалованным сестрам.

В мае Наталья Николаевна родила еще одного сына. Она хотела назвать мальчика Николаем, но Пушкин почему-то заупрямился, стал малыш Григорием.

- А Николаем будет следующий...

Пушкины очень хотели бы уехать в деревню хотя бы на полгода, это могло помочь чуть сэкономить, но как быть с сестрами Натальи Николаевны? При одной мысли о возвращении в Полотняный Завод им становилось дурно, девушки прекрасно понимали, что обратно уже никогда не вернуться, еще раз их брат непустит. Пришлось учитывать и интересы своячениц. Сестер надо было пристраивать, ради этого сняли дачу на Черной речке. Дорого, Пушкиным снова не по карману, зато неподалеку, в Новой Деревне, стоял в летних лагерях Кавалергардский полк. Сами кавалергарды приезжали на многочисленные концерты, балы, маскарады...

Именно там впервые кавалергард Дантес заметил красавицу Пушкину, а его самого - Екатерина Гончарова.

Пушкину нужно было работать, он не мог развлекаться за компанию со свояченицами, некогда. Приближалась осень - его любимое время года, когда работалось много легче, чем даже весной. Видя состояние мужа и понимая, как он мучается от бесконечных увеселений, Наталья Николаевна решила вернуться в Петербург раньше обычного, уже в первых числах сентября, чтобы Пушкин мог уехать хотя бы в Михайловское и свободно там писать...

Получалось, что интересы у сестер несколько разные – у Натальи Николаевны трое детей и большой дом со множеством слуг и забот, а Екатерине и Азе хотелось веселиться. Хотела того Наталья Николаевна или нет, но заниматься домашними хлопотами приходилось. Детьми тем более, почти погоды: едва закончили вылезать зубы у одного, полезли у второго, заболела золотухой одна – заразила остальных. То няня недостаточно расторопна, то кормилица неаккуратна, то Машка не желает разговаривать, когда давно пора... Болят животики, плохо спится, просто капризы...

Но Наталью Николаевну такое не смущало, это же дети. Детский визг, крики, даже рев она воспринимала с удовольствием, не надоедало возиться с малышами.

А еще куча счетов большого дома, когда надо обо всем помнить и знать....

Однако она с удовольствием вывозила сестер в свет, частенько мешая им своей внешностью.

Принесли почту, в ней письмо от Пушкина. Наталья Николаевна улыбнулась – небось снова ежедневно ходит в Тригорское увиваться за местными барышнями. Или запоем пишет, как писал в Болдине?

У Пушкина странный вкус, хорошая погода для творчества – наказание, он любил, чтобы дождь, лучше с ветром, прохладно, тогда, мол, легче усидеть дома и не тратить время на пустяки. Осень в том году была препротивная, Пушкин небось пишет, не отрываясь от листа и забывая поесть...

Наталья Николаевна честно признавалась себе, что, не будь рядом сестер, она уехала бы вместе с детьми в Михайловское и прожила там до самых холодов. Но даже намекнуть о таком сестрам она не решилась бы. Может, замуж выйдут, сезон предстоял бурный...

Пушкина ошибалась: ее супругу не писалось даже в Михайловском.

Такой бесплодной осени он не помнил, почти ничего не писал, а что начинал – не заканчивал и продолжать не хотелось. А ведь друзья настойчиво пытались вернуть его к теме «Евгения Онегина», даже Наталья Николаевна и та осторожно интересовалась, не будет ли писать продолжение...

Ты мне советуешь, Плетнев любезный,
Оставленный роман наш продолжать
И строгий век, расчета век железный,
Рассказами пустыми угощать...

Ты говоришь: пока Онегин жив,
Дотоль роман не кончен – нет причины
Его прервать... к тому же план счастлив...

Но не продолжалось, хоть тресни! Даже такие вот обращения не получались до конца.

А в первой половине октября пришло сообщение, что тяжело больна мать – Надежда Осиповна, Пушкин вернулся в Петербург, не привезя ничего. Надежды на «золотую осень» рухнули. Надо было братья за что-то другое, не порхать же по балам в ожидании следующей осени?

Вторую свою зиму сестры Гончаровы провели уже много веселее первой. Они знали многих, и их тоже многие знали. Если замужество и не брезжило на горизонте, то влюбляться им никто помешать не мог.

Екатерина зачастила к Карамзиным. Она твердила, что там приятные беседы, там интересно. И даже сама себе сначала не сознавалась, что бывает там скорее из-

за молодого красавца француза Жоржа Дантеса, с которым познакомилась еще на даче...

Без Дантеса, кажется, не обходился ни один бал или танцевальный вечер, вообще ни один вечер в Петербурге. Никто лучше его не танцевал полонез или мазурку, никто не умел так кружить в вальсе, никто не умел так говорить комплименты... Правда, его комплименты бывали весьма грубоваты и отдавали казармой, но красивому молодому человеку с таким выразительным взором прощалось многое. Он был хорош, безусловно, имел успех у женщин и умел этим пользоваться.

Однако Дантес был осторожен, решив сделать карьеру, а потому не рисковал. Он не участвовал в попойках или каких-то выходках кавалергардов, предпочитая заниматься поисками выгодной невесты. Помощь Геккерна была, конечно, весьма кстати и существенна, но приданое тоже не помешает.

Барон Геккерн к этому времени уже оформил документы на усыновление Жоржа, тот стал тоже Геккерном, но его по привычке так и называли Дантесом.

В блестящего Жоржа Геккерна (Дантеса) и была тайно влюблена Екатерина Гончарова. Девушка ни в малейшей степени Дантесу не подходила и его не интересовала. Старше самого кавалергарда на целых четыре года, она была некрасива и, главное, бедна. У Екатерины не было шансов, но когда это сердце про шансы спрашивало, оно любило, и все.

Неглупая Екатерина не замечала казарменных шуток своего избранника, его пустоты, его наглости. Позже это далеко не сразу разглядит и Наталья Николаевна. К сожалению.

САМЫЙ ТЯЖЕЛЫЙ ГОД...

- Саша, к чему было на Уварова нападать? Ужели нельзя без этого стиха?

Он обернулся, как от удара, смотрел с отчаяньем, почти зло, вскочил, метнулся по комнате, резко бросил:

- Не рассуждай о том, в чем не понимаешь! Твое ли это дело? Твое дело вон... детей рожать!

Наталья Николаевна замерла от обиды и ужаса. Губы задрожали, даже голос прервался:

- Я и рожаяю...

Тоже встала, уже у двери из гостиной в детскую тихо добавила:

- Да только их еще и кормить надобно.

Пушкин схватился за голову, выбежал в кабинет.

Все, все против него! Печатая в «Московском наблюдателе» свое «На выздоровление Лукулла», разве он мог ожидать такой реакции от тех же друзей? Министра просвещения Уварова в стихотворении узнали все, Пушкин был точен, но вместо предполагаемого им восхищения и насмешек в сторону Уварова общество разразилось руганью на поэта. Сам Уваров вполне естественно вспылал ненавистью, царь был недоволен и, видно, уже пожалел, что дал разрешение на выпуск «Современника». Друзья тоже не поняли выходки Пушкина, осудили. Не столь уж плох Уваров, чтоб его вот так жестоко, да еще и по такому поводу. Но хуже всего, что именно Уваров попечитель цензурного комитета, через который будет выходить «Современник».

А теперь и жена корит. Справедливо корит, стихотворение ничего не решало, а вот неприятностей с цензурой отныне не избежать. Это означало проблемы с

изданием «Современника», но на него только и расчет, больше жить не на что...

Было от чего схватиться за голову: хотел издаваться, должен быть осторожен.

И женку обидел зря. Конечно, она мало что понимает в литературной деятельности, но ни к чему так-то...

А все безденежье замучило. Имена заложены, с них дохода чуть, чтобы доход давали, заниматься нужно. Вот Дмитрий Николаевич Гончаров и забыл, какво оно отдыхать, старается Полотняный Завод из пропасти, в которую Афанасий Николаевич вверх, вытащить. Дед внуку оставил полтора миллиона долгу, это и впрямь прорва...

Может, так и надо бы – уехать в деревню, то ли в Болдино, то ли в Михайловское, то ли в тот же Полотняный Завод, и стать помещиком, но Пушкин другое задумал – решил стать издателем, заработать журналистикой. Расчет был на «Современник». Неужто у него не получится?

Но чтобы издать, надо сначала вложить, а денег не было и на жизнь, не только на такие траты. Доход от своего камер-юнкерства вынужден полностью отдавать на погашение долга казне, и конца этому не предвидится, потому как взял 45 000 рублей, а оплата всего 5000 в год. Не выплачен московский долг, без конца нужны деньги, чтобы платить по закладным, у друзей уже занято столько, что и занимать не у кого. Издание «Истории Пугачевского бунта» денег не принесло, потому как не раскупалось, читатели не желали принимать Пушкина как серьезного писателя, все ждали легких стихов или сказок.

Куда ни кинь, всюду клин... И выхода не видно. Чтобы издать хотя бы первый номер, нужны деньги.

Больна мать, по всему видно, ей недолго жить осталось... Отец уж промотал половину имения, то, что

осталось, заложено и в долгах... Деньги, деньги, деньги... Они нужны на каждом шагу.

Дверь в кабинет открылась тихонько и без стука, Пушкин затравленно оглянулся. Наталья Николаевна вошла и плотно прикрыла дверь за собой, положила на стол несколько коробочек - все свое небольшое богатство, украшений у первой красавицы Петербурга было негусто, все больше пользовалась теткинскими. Повесила на стул две турецкие шали - дорогие, подаренные Пушкиным жене еще в начале их семейной жизни.

- Попробуй заложить, может, примут? Сколько могут дать? Хватит ли тебе на издание первого журнала?

Пушкин был в ужасе, дойти до заклада ценностей - это почти крах. Но другого выхода не оставалось, издавать журнал не на что.

Они действительно заложили - сначала свои ценности и шали Натальи Николаевны, потом столовое серебро Соболевского, которое тот оставил именно для заклада, потом ценности Александры Николаевны... все... заложить оставалось только душу...

- Саша, давай на лето уедем в деревню? Не хочешь в Полотняный Завод, поедем в Михайловское...

Сама только что не на сносях, куда ей в деревню! И сестры в ужасе будут, прекрасно понимая, что обратно могут не вернуться, братец Дмитрий Николаевич и так скрепя сердце им на содержание присылает, у самого денег нет.

Но главное не в том.... Пушкин и сам очень хотел бы уехать, хоть в Болдино, хоть в Михайловское. Да ведь не бросишь журнал на все лето, его выпустить надо, а значит, не только в Петербурге быть, но и в Москву ездить, с книготорговцами договариваться. Не умел этого Александр Сергеевич, совсем не умел, но

безденежье прижмет, всему научишься. Да и отпуск ему на все лето никто не даст, в Коллегии делать нечего, службы никакой, никому не нужен, но являться изволь. В прошлый раз отпросился, думал, просто позволят над «Историей...» поработать, а что вышло? Отпустили, да только и денег за эти месяцы не выплатили. Для него 5000 в год – большая сумма. Пусть ее не видно, сразу в зачет долга забирают, но ведь без нее и вовсе самому долг казне возвращать придется.

Вздыхнул, обняв жену за плечи и притянув к себе:

– Нельзя, женка. Никак нельзя, я в Петербурге быть должен.

– А может, не только на лето, а на год? А сестры пусть у тетушки поживут?

Он даже рассмеялся, вспомнив ее прошлые возражения:

– С волками выть?

Наташа смутилась, видно, тоже вспомнила:

– Я не так говорила. А хочешь, мы на Полотняный Завод одни уедем? Только как ты тут без нас будешь?

– Нет уж, женка, разрешение на журнал получено, первый выпуск уж готов, как только цензуру пройдет, так и печатать станем. А напечатаем, и потекут деньги рекой... Придумывай, куда девать станешь.

– Долги отдать.

– Тьфу ты, долги! Про них и вспоминать тошно. Ты помечтай.

Ах, как хотелось бы. Долги отдать, а тогда и помечтать можно. Но муж был оживлен, речист, он верил в успех, в то, что и впрямь удастся зарабатывать на жизнь издательством своего «Современника». Кому, как не ему, Пушкину, выпускать лучший в России литературный журнал? Конечно, успех обеспечен. И свои произведения печатать станет, и друзей, и еще много кого привлечет, кто же откажется присылать стихи или статьи для Пушкина?

Наташа слушала, затаив дыхание, ей очень хотелось верить, и она верила. В то, что кончилась черная полоса у мужа, что его начинание ждет успех, что Пушкин сумеет сделать лучший в России журнал, который поможет и им выбраться из бесконечных долгов.

- А потом, когда встанет журнал на ноги, когда будут им зачитываться, тогда можно будет в деревню ехать, садиться и самому писать, а другими только командовать, чтоб работали... Ох, и заживем мы с тобой, женка!

Она счастливо смеялась, осторожно придерживая большущий живот.

Пушкин с опаской покосился на жену:

- Что?

- Шевелится...

- Скажи ему, что рано еще.

- Шевелиться? Шевелиться совсем не рано.

Пушкин очень боялся жениных родов, старался куда-нибудь уехать на это время. Не все понимали почему, а она знала: видеть или даже просто слышать, как страдает его жена, Александр Сергеевич не мог. Небось и на сей раз сбежит.

Сама она тоже боялась родов, они все проходили трудно, но любая боль была не сравнима со счастьем потом видеть пусть сморщенное, но такое родное личико рожденного сына или дочери.

- Кого ты хочешь, Саша?

- Теперь дочку, Машка, Сашка, Гришка есть, Наташку надобно.

- Кого?

- Наташкой назовем, коли девка будет.

- А если сын?

Немного подумал, мотнул головой:

- Там поглядим.

Жене рожать скоро, Пушкин снова маялся без женской ласки...

В доме переполох, искали потерянный Азей нательный крест. Не так чтоб дорогой, просто для нее ценен. Перевернули все, подозрительно глядели на горничных, недавно начавших работать в доме. Одна из них – Маша – залилась слезами:

– Я не буду работать там, где мне не доверяют.

Маша была старательной, и Наталья Николаевна с трудом, но уговорила девушку остаться. Перевернули все, кроме кабинета хозяина, куда входить без него вообще запрещалось, но крестика не нашли.

На следующий день в комнату, где сидели с рукоделием хозяйка и ее сестра, а в углу дивана примостился с книгой Пушкин, вошел его камердинер:

– Не этот крестик вчера барышня искали-то?

Азя вскочила:

– Этот! А где ты нашел?

– Да... у Александра Сергеевича постелю перестилал, тама и был...

Пушкин вскинул голову, Азя стала пунцовой. Это мгновенно все объяснило Наталье Николаевне: и почему у мужа была закрыта дверь в кабинет, и где отсутствовала сестра...

Она протянула руку за крестиком, камердинер Иван, не слишком большого ума слуга (другой сообразил бы промолчать), крестик отдал. Стало ясно, почему он потерялся – цепочка порвалась. Не сводя глаз с мужа, Наталья Николаевна протянула крестик Азе:

– Не теряй больше, а потеряешь, не ищи.

Пушкин отшвырнул книгу в сторону и почти выбежал прочь. Азя опустилась перед сестрой на колени:

– Прости, Таша...

Та молча встала и ушла к себе в будуар. Не хотелось ни с кем разговаривать... Азя и Пушкин... Она обожает

его стихи, знает все наизусть... неужели этим взяла?

Александр словно что-то чувствовал, не хотел брать сестер в Петербург, еще там, в имении, отговаривал, она почти обиделась, решила, что боится, чтобы обузой не стали. Дмитрия убедила, чтобы побольше им содержание выделил, ей самой присылали 1500 рублей в год и с бесконечными задержками выплат, а сестрам по 4500 рублей каждой.

Но сейчас это было совершенно не важно. Она пыталась понять, что теперь делать. И вдруг осознала, что не сделает ничего. Если бы это была Екатерина, другое дело, а Азя... с Азей они словно одно целое. Нет, против Ази она ничего не сделает. И Пушкину скажет, чтобы забыл.

Но Пушкин не забыл, и связь со свояченицей не прервалась. Осознав это позже, Наталья Николаевна не раз устраивала мужу скандалы, а вот поругаться с сестрой почему-то так и не смогла, словно чувствовала себя перед ней виноватой за то, что на ней, а не на Азе женился Пушкин.

Глупость, конечно, но женскому сердцу не прикажешь...

«Милостивый государь, князь Михаил Александрович, пользуясь позволением, данным мне Вашим сиятельством, осмеливаюсь прибегнуть к Вам с покорнейшею просьбою...» И в конце: «С глубочайшим почтением и совершеннейшею преданностью честь имею быть, милостивый государь, Вашего сиятельства покорнейшим слугою. Александр Пушкин».

Князь Дондуков-Корсаков швырнул полученное письмо на стол. Пушкин не просто дерзок, он насмешлив до издевательства! Не он ли только что пустил в оборот гадость:

В Академии наук
Заседает князь Дундук.
Говорят, не подобает
Дундуку такая честь;

Почему ж он заседает?
Потому что... есть?

Рифмовалось, как всегда у Пушкина, отменно, запомнили легко и хихикали многие.

И вот теперь этот поэтишка уверяет в своем почтении и совершеннейшей преданности? Он просит о «Письмах из Парижа» Тургенева, мол, комитет ли решит их судьбу или прямо к Бенкендорфу обращаться? Секретарь уже подсказал, что «Письма...» напечатаны в «Московском наблюдателе» как литературные заметки, потому обозвать их политическими будет трудно. Князь махнул рукой:

- Пусть в комитет обращается, болтун эдакий!

Мстить рифмоплету даже за откровенные оскорбления значит признавать их правоту. Пусть болтает, недолго уж осталось. Ни для кого не секрет, что Пушкин в таких долгах, что вот-вот в долговую яму угодит, там, поди, не станет свои вирши писать, а коли и станет, так дальше стен кутузки не выйдут. И жену князю тоже жалко не было, к чему такой красавице за болтуна замуж выходить, лучшей партии не нашлось?

Пушкин держал в руках первый номер «Современника» и пытался понять, что чувствует. Это была его последняя надежда если не выбраться из долгов, то хотя бы облегчить их бремя. Векселей выдано на немислимую сумму, даже продав все, он не смог бы их погасить.

А ведь семья, четверо детей, дом, выезд... Свояченицы вносили свою лепту в содержание, но все равно обременение чувствовалось...

Ему требовались 60 000, а то и 80 000 годового дохода, чтобы не только жить, но и гасить долги. Была надежда, что «Современник» эти 60 000 даст. Пушкин подсчитывал просто: 25 000 экземпляров давали 75 000 рублей. Это окрыляло.

Но недаром Пушкин в Лицее имел по математике одни нули, он не желал учитывать типографские расходы, оплату гонораров авторам, которые хотя и были его друзьями, но тоже желали заработка, а еще он не учитывал, что тираж может быть не распродан.

– Наташа, смотри, вот наша надежда...

В руках у Пушкина книжица толщиной в полторы сотни листов в коричневом переплете. Красиво, достойно, веско... Неужели и впрямь спасение? Так хотелось бы!

Наталья Николаевна бережно открыла: «Современник. Литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным. Том первый». Следующая страница: оглавление. Стихотворения и первое из них «Пир Петра Великого»:

Над Невою резво вьются
Флаги пестрые судов;
Звучно с лодок раздаются
Песни дружные гребцов...

Она переписывала это стихотворение для кого-то, знала, о чем оно, а потому удивленно вскинула на мужа глаза:

– Почему это, Саша?

Он подхватил, почти закружил по кабинету:

- Эх, женка моя... да с какого бы ни начать, главное, чтобы пошло, понимаешь, чтобы был свой журнал и чтобы раскупался!

Начались дни ожидания - как-то читающая публика примет новый журнал? Литературных опусов и без «Современника» в Петербурге немало, одна надежда, что сначала на имя издателя откликнутся, а после уж оценят по достоинству. Что оценят, Пушкин не сомневался, в первом же номере, кроме стихотворения самого Пушкина, «Скупой рыцарь», а гоголевская «Коляска» чего стоила!

Публика приняла... нет, не плохо, но и без большого восторга. Отклики разные, горячих мало или вообще нет.

- В Москву ехать надобно, в архивах потрудиться, иначе «Петра» своего не закончу никогда. А как ехать, коли тут все сразу: и второй номер выпускать надо, и ты на сносях!

Досада, слышавшаяся в голосе мужа, Наталью Николаевну даже обидела. Словно в том ее вина, что на сносях! Что же надо: родить до срока или вовсе не беременеть? Так не ее стараниями сие.

- Плетнев и Одоевский обещают же помочь. И я помогу. Езжай.

Обрадовался, закрутился:

- Мне работать надо, а не типографскими делами заниматься! Коли сумеете, так и поеду. Только следи, чтоб от моей воли не отступали, чтоб все напечаталось, как оговорено. А я в Москве не только по архивам буду.

- А где еще, по цыганам или вечеринкам? - Она заставила себя улыбнуться через силу, состояние было такое, что лучше лежать, а не по издательским делам бегать.

У Натальи Николаевны пятая беременность, снова тяжело, снова страшные отеки, настолько, что ходить трудно, ноги разнесло. Вот-вот роды, которых она уже

очень боялась, хотя старательно скрывала страх ото всех, чтобы никому не досаждать. Но хуже всего не это – снова (как это уже привычно!) нет денег, нечем платить за квартиру, за выезд, нечем выкупать заложенное.

Но и этого говорить мужу нельзя, он рвется в издатели, словно сумеет перебить опытного Греча с его журналами. Наталья Николаевна гнала от себя мысль о том, что будет, если «Современник» не принесет желаемого дохода. Гнал и Пушкин, он был деятелен, полон надежд, а что еще оставалось, надеяться больше не на что. Иначе полный финансовый крах, закладывать больше нечего, жить не на что, да и долги отдачи требуют.

Пушкин уехал, оставив ее привычно без денег и беременной.

Дачу сняли на Каменном острове, дорого, конечно, но причин несколько – сама Наталья Николаевна на сносях, а потому куда-то дальше просто не доедет, к тому же сестрам Екатерине и Александре надо все время быть на виду, иначе так и останутся сидеть старыми девами. Об этом тоже открыто не говорилось, но все понимали.

Была еще одна очень важная причина – по издательским делам Пушкин вынужден был проводить лето если не в самом Петербурге, то рядом с ним. О поездке в Михайловское или вообще в Полотняный Завод речи не шло.

Полотняного Завода сестры Гончаровы очень боялись.

Сестры снова и снова умоляли старшего брата Дмитрия прислать лошадей и, как всегда, денег... денег... денег!

– А дача хороша... мечта просто! – Азя закатила глаза, вспоминая два прелестных домика на одном

участке, в зелени, уютных и так близко от общества. – Там и парки, и каналы чудесные, а еще говорят, будто этим летом в театре, что рядом с мостом на Елагин остров, будет французская труппа!

Екатерина усмехнулась:

– А еще скажи, что напротив, через Большую Невку, летний лагерь кавалергардов!

– Это скорей уж тебе говорить, а не мне! – парировала средняя сестра и снова повернулась к тетушке – фрейлине Екатерине Ивановне Загряжской: – Нет, тетенька, вам решительно нужно снять дачу там же!

Загряжская улыбнулась:

– Поздно ты говоришь, душа моя.

– А что, вы уже в Царское Село решили? Где будет двор в этом году?

– Где двор, пока не ведаю, еще не решено, а вот я с вами, меня Таша пригласила.

– Ах!

И непонятно, обрадовались сестры или испугались такому решению Натальи Николаевны.

– Конечно, ей вот-вот родить, а ну как снова болеть будет? Слуги, как известно, надзора требуют, да и вы, чай, тоже, попрыгуньи этакие.

Тетушка права, Наталье Николаевне в конце мая родить, ходила трудно, не ходила, а ковыляла, трое детей малы совсем, Александра Сергеевича нет, он в Москве, и скоро ли будет, неизвестно.

Не имея своего постоянного дома, живя в съемных квартирах и то и дело перетаскивая мебель и скарб, тратили много лишних средств, потому что каждый переезд что-то портил, что-то терялось, приходилось докупать или брать в наем мебель, что тоже стоило денег, стоила и сама перевозка... Но где взять на свой дом или хотя бы часть его? Наталья Николаевна вздыхала: хотя бы за квартиру платить было чем...

На каменноостровскую дачу перебирались без Пушкина, который умчался в Москву, оставив издательские дела на Плетнева и Одоевского, а финансовые – на жену. Редакционная подготовка следующего номера «Современника» снова была отдана Гоголю. Это оказалось грубейшей ошибкой.

С Гоголем у Пушкиных вообще особые отношения. Он впервые появился в литературном обществе Петербурга одновременно с женитьбой Пушкина. С самим поэтом познакомился у Плетнева при первом представлении друзьям Пушкина Натальи Николаевны. Поэта столь беспокоило то, как примут его жену, что он едва заметил молодого литератора. А Гоголь так рассчитывал на это знакомство!

Следом за Пушкиными он перебрался на дачу, но только не в Царское Село, там дорого, а в Павловск. Это рядом, там же снимали дачу и родители Пушкина, поэт ходил к ним пешком. Но Гоголь об этих походах не подозревал, а потому к Пушкиным-старшим не кинулся знакомиться, зато всем своим знакомым на родине без конца упоминал первого поэта России, словно своего близкого знакомого (ну чистый Хлестаков!). Дошел до того, что матери дал адрес: Царское Село, его высокоблагородию Александру Сергеевичу Пушкину с просьбой отдать Н. В. Гоголю. На родных впечатление произвело, на Пушкина тоже. Получив такое послание впервые, он протянул жене:

– Придет этот Гоголь, вели отдать.

Гоголь пришел, к Пушкину, который работал по утрам запершись, его не пустили, письмо отдали.

Когда так же прислали следующее, Пушкин взъярился:

– Я не почтовая контора, чтоб через меня с родственниками переписываться! Придет, письма не отдавай, скажи, чтобы вовремя зашел, я сам отругаю.

Гоголь зашел теперь уже вечером, когда Пушкин был у Жуковского. Услышав, что Александр Сергеевич намерен говорить с ним лично, сначала обрадовался, но по тону Натальи Николаевны понял, что поступил слишком нагло, а потому за посланием явился, когда сказано, и получил от Пушкина выговор по поводу неприличного поведения. Пришлось врать и изворачиваться:

- Приношу повинную голову... Здесь я узнал большую глупость моего корреспондента... Много писал о вашем пребывании в Царском Селе, вот и решили... Может быть, и ругнете меня лихим словом, но где гнев, там и милость...

Пушкин махнул на него рукой, не слишком велик был Гоголь, чтобы на него гневаться.

После того Гоголь несколько раз просил протекции, словно по старой дружбе. Пушкин недоуменно пожимал плечами: какая протекция, ему бы самому кто дал... К тому же как можно протезировать того, кто едва знаком? Ну понравилась повесть о ссоре двух приятелей-помещиков, сочно написано, но это же не повод, чтобы приятелем себя считать.

Не получалась у Гоголя дружба с Пушкиным, никак не получалась, хотя он всюду и всячески подчеркивал, что поэт едва ли не его наставник. В 1832 году Гоголь написал восторженную статью, правда, напечатанную на два года позже, где называл Пушкина явлением чрезвычайным и русским человеком в конечном его развитии. Пушкин отнесся к статье прохладно, он любил, когда хвалили и восхищались, но не так же откровенно.

Гоголь читал лекции по истории и всем расписывал, как восхищались, побывав на одной из них, Пушкин и Жуковский. А вот сами поэты и не вспомнили о таком...

И вот когда Пушкину понадобились материалы для первого номера, он не колеблясь взял гоголевскую

«Коляску» и привлек молодого литератора к редактированию, о чем тут же горько и не раз пожалел. Издаваться в журнале Пушкина да еще и ему помогать... Это было для Гоголя выше всяких мечтаний, но он не учел одного: с Пушкина спрос куда строже, чем с других.

В самый неподходящий момент Пушкин умудрился поссориться с Уваровым – человеком, к которому потом и принес на цензуру «Современник». Не зря Наталья Николаевна вздыхала из-за стихотворения «На выздоровление Лукулла». Конечно, Уваров не забыл обиды и назначил Пушкину самого трусливого цензора – А. Л. Крылова. Пушкин только вздохнул:

– Эх, кабы другой Крылов...

Но другой Крылов, как известно, цензурой не занимался, зато назначенный боялся всего, придирался к каждой букве и запятой. Пушкин стал жаловаться на цензора, прося другого. Уваров снова посмеялся, менять Крылова не стал, добавил Раевского, что было еще хуже. За упущения в цензуре Раевский уже отсидел восемь суток на гауптвахте, попадать туда еще раз из-за пиита не желал, более всего страшно опасался пропустить в печать, как писал цензор Никитенко, «... известие вроде того, что такой-то король скончался». Цензурный гнет стал еще сильнее.

Гоголь, не подозревая обо всех этих сложностях или просто не желая над ними задумываться, написал задиристую статью о развитии журнальной литературы в 1834–1835 годах. В Москве готовилась премьера спектакля «Ревизор», и Пушкин прекрасно понимал, что€ сделают за такую статью с Гоголем, разгромив в качестве мести его пьесу. И он пошел на невиданное: задержал выпуск первого номера и перепечатал все страницы, где хоть как-то упоминалось имя Гоголя! Статья вышла без подписи.

Бояться Пушкину было чего, и дело даже не в цензуре. Он начал журнал в надежде перебить читателей у Греча, Булгарина и Сенковского, выпускавших «Библиотеку для чтения», тогда довольно популярный и хорошо раскупаемый журнал. Издатель «Библиотеки» Смирдин даже предлагал Пушкину 15 000 отступного, чтобы тот не связывался, но поэт решил не отступать.

Наталья Николаевна немного не понимала мужа:

– Саша, да ведь у вас совсем разные журналы. Мне «Библиотека» нравится, там легкое чтение, оно вовсе вас не задевает. У вас журнал будет умный для умных читателей.

Пушкин, уже понявший, что не так проста его Мадонна, поцеловал ее в голову:

– Ты это понимаешь, а Смирдин нет. И Греч тоже.

– Объясни, поймут.

Он нервно дернул плечом:

– Кому, Булгарину? Сенковскому? Кому объяснять?

– Смирдину. Может, он и твой журнал выпускать станет?

Страшно хотелось крикнуть: «Дура!» – но Пушкин сдержался. С жениным стремлением всем угодить, всех помирить, всем быть приятной и ни с кем не поссориться только советы в борьбе с Булгариным давать! Наталья только и способна соглашаться да всех жалеть, у нее последнее платье отбирать будут, а она только тем и смущаться станет, что без платья неловко на людях показаться.

Только вздохнул, махнул рукой и ушел в кабинет.

Наталья Николаевна снова осталась одна. Вот он всегда так, резкий, порывистый, не желающий ни чтобы его жалели, ни чтобы даже помогали. На помощь соглашается, да только в самом крайнем случае или на незначительную. Переписать что-то, свести материалы на один лист, с кем-то договориться, когда уж все

решено и оговорено... Только однажды ей пришлось быть резкой...

Наталья Николаевна вспомнила свой собственный разговор со Смирдиным еще зимой. Пушкин все жаловался, что не умеет получать нужные деньги от издателя. Жаловался, жаловался, она возьми да скажи, мол, а ты резче, требуй, а не проси! Пушкин привычно взвился, стал кричать, что пусть сама и попробует. Наталья Николаевна неожиданно для себя согласилась.

- Вот и попробуй! Нынче Смирдин за рукописью придет, я по твоему совету от него потребовал, чтобы платил только золотом, а ты с него и стребуй сотню вместо пятидесяти.

Она подняла на мужа свои невообразимые чуть косящие глаза и протянула руку:

- Давай рукопись.

Дальше разыгралось то, после чего Наталья Николаевна почувствовала себя больной несколько дней. Она, никогда не умевшая ничего требовать, в письмах к брату пол-листа исписывавшая извинениями, прежде чем попросить хотя бы двести рублей, при том что брат был ей обязан отправлять ее часть доходов с имения, провела разговор с издателем так, что тот рот раскрыл.

Пушкин встретил Смирдина в кабинете и как-то странно усмехнулся:

- Рукопись взяла у меня жена, идите к ней, она сама вас хочет видеть.

Услышав стук в дверь своего будуара, Наталья Николаевна глубоко вздохнула, словно перед прыжком в холодную воду, и отозвалась:

- Войдите.

Пушкин открыл дверь, пропустил Смирдина и поспешил уйти, оставив Наталью Николаевну разбираться с издателем одну.

- Я вас для того призвала к себе, чтобы вам объявить, что рукописи вы от меня не получите, пока не

принесете мне сто золотых рублей вместо пятидесяти. Мой муж дешево продал вам свои стихи. В шесть часов принесите деньги, тогда получите рукопись. Прощайте...

Она постаралась не останавливаться и не смотреть в глаза Смирдину, потому что иначе не выдержала и принялась бы извиняться.

Сам Пушкин дожидался Смирдина в кабинете, бесцельно водя карандашом по листу бумаги:

- Что, с женщиной труднее сладить, чем с самим автором? Нечего делать, надо вам ублажить мою жену. Ей понадобилось новое бальное платье, где хочешь, подай денег... Я с вами потом сочтусь...

Смирдин деньги принес, как не принести такой женщине.

Но с тех пор пошло: у Пушкина жена без конца себе на наряды требует, потому и сам Пушкин продает свои произведения дороже всех. Конечно, имея такую жену-красавицу, будешь денег искать...

Это было нечестно, потому что вовсе не на бальное платье требовала Наталья Николаевна, а на оплату немедленного долга за дрова, и еще булочнику, молочнику, зеленщику, и еще много кому...

К племяннице пришла Екатерина Ивановна Загряжская, показала, чтоб сидела, не вставая:

- Сама подойду, не опускай ноги.

Наталья Николаевна держала ноги на скамеечке повыше, чтобы не так отекали. Тетка поцеловала ее в голову, села в соседнее кресло, вздохнула:

- Видела наших стрекоз, кататься поехали... Ох, Наташа, не нравится мне увлечение Екатерины кавалергардами, не натворила бы беды...

- Какой беды? Она девушка разумная. Как запретить, что она еще видит? Во дворце ей на наши

доходы жить нельзя, засмеют, а с нами только и порезвится здесь.

- Не клеветчи, весь сезон вывозили то и дело, все ноги на балах исплясала. Знаешь ли, что у них с Дантесом амуры?

- Не может быть! - рассмеялась Наталья. - А что, Дантес красавец и состоятелен, пусть крутит, если женятся, так я и рада буду. Дай бог...

Загряжская как-то странно покосилась на племянницу, снова вздохнула:

- Да то-то и оно, что ненадежен француз, ох, ненадежен. Поиграет и бросит. Ладно, если разбитым сердцем дело кончится, а как согрешат?

Наталья Николаевна даже вспыхнула:

- Да что вы, тетенька, такое говорите?! Екатерина в Дантеса, может, и влюблена, но глупостей не допустит!

- Ладно, ладно тебе! Тихоня, по себе всех судишь.

Чтобы прекратить этот разговор, Екатерина Ивановна кивнула на письмо, лежавшее на столике:

- От Пушкина?

- Да, оба, скоро приедет...

- Что пишет?

- Он пакет для Плетнева прислал, просит, чтоб мы цензору Крылову передали, а коли не пропустит, так прямо в комитет. Очень хочет, чтоб это во второй номер вошло. А еще про статьи кое-какие, чтобы посмотрела, что ставить в номер, а что нет.

- И охота была тебе еще этими делами заниматься! Мало домашних, взвали на себя еще и издательские. Дети, дом, сестры, а теперь еще и журнал мужнин! Вернется Александр, я ему уже скажу...

- Не надо, тетенька! Нет, я сама ему помогать берусь, нельзя же все на Александра свалить. Нас столько на его доходы живет, ему и писать некогда....

Загряжская с сочувствием посмотрела на Наталью Николаевну:

- А доходы-то есть?

Та опустила голову, но потом быстро вскинула снова:

- Есть, как не быть!

- Да уж, врунья из тебя никогда не получалась, и ныне не старайся, душа моя. Откуда доходам быть, коли, смотрю, шали-то нет ни одной? Неужто на квартире забыли? Или в закладе?

- Кто вам сказал, сестры?

- Нет, на сестер зря грешишь, сама вижу. Как ты бьешься, словно птичка в сетях, а выбраться не можешь, тоже вижу. И помочь нечем, у самой ныне не густо... Как журнал-то продается?

- Не знаю, пока непонятно. Но Пушкин только на него и надеется, больше не на что.

- Дай-то бог... А что еще пишет, скоро он обратно, а то ведь и родишь без него.

Наталья улыбнулась, взяла листок и прочитала:

- А вот еще что: «...слушая толки здешних литераторов, дивлюсь, как они могут быть так порядочны в печати и так глупы в разговоре. Признавайся: так ли со мной? Право, боюсь...» Всех ругает, но бодр, надеется, что со вторым номером наши дела поправятся.

- Много ли рассчитывает получить, небось долги спать не дают?

Наталья Николаевна произнесла осторожно, словно боясь сглазить:

- По шестидесяти тысяч в год... Хорошо бы, имения заложены, чем жить - и не знаем. Пушкину бы писать, а он с книготорговцами ругается... Хоть бы уж сестрам повезло с замужеством!

Тетка заглянула в лицо:

- А тебе не повезло?

- Мне повезло! Да только, будь у меня приданое хорошее, разве не легче мужу было бы? С какой-либо из

сторон деньги должны быть непременно, без того жить трудно. - Она вздохнула: - А потому, коли сможет Екатерина Дантеса соблазнить, так и бог ей в помощь.

- Что говоришь-то?! Соблазнить... Не женится Дантес на Кате, нет, не женится, хоть соблазняй, хоть нет...

Знать бы им обеим, чем все закончится, держали бы Екатерину взаперти, а Дантеса и на порог дачи не пускали! Дантес, как и многие помимо него, усиленно волочился за самой Натальей Николаевной, но ей было не до ухажеров, беременность не позволяла ни выезжать, ни танцевать, а на тихих вечерах у друзей она больше сидела в уголке и слушала. Потому, когда стало заметно, что в красавца-француза влюбилась Катя, сестра была даже рада, может, Дантес обратит внимание на Екатерину и Пушкин перестанет ревновать?

Но Наталье Николаевне пришло время рожать, стало не до сестриных амуров. Младшая дочь Наталья Александровна Пушкина родилась 23 мая 1836 года, роды снова были очень тяжелыми, и после Наталья Николаевна не вставала с постели целый месяц. Разговор с теткой на время забылся.

Наталья Николаевна с трудом выбрала часок, когда ни мужа, ни сестер не было на даче. Пушкин уехал в Петербург по издательским делам, а Кока с Азей катались верхом, чего Таше делать пока нельзя. Убедившись, что никто не сможет застать ее за одним весьма неприятным делом, она вздохнула и присела перед столом.

Дело было и впрямь пренеприятное...

На лист бумаги с водяными знаками Гончаровых, которую так любил Пушкин, легли ровные строчки бисерного почерка его супруги:

«...дорогой Дмитрий... ты знаешь, пока я могла обойтись без помощи из дома, я это делала, но сейчас мое положение таково, что я считаю даже своим долгом помочь своему мужу в том затруднительном положении, в котором он находится; несправедливо, чтобы вся тяжесть содержания моей большой семьи падала на него одного, вот почему я вынуждена, дорогой брат, прибегнуть к твоей доброте и великодушному сердцу, чтобы умолять тебя назначить мне с помощью матери содержание, равное тому, какое получают сестры, и, если это возможно, чтобы я начала получать его до января, то есть со следующего месяца.

Я тебе откровенно признаюсь, что мы в таком бедственном положении, что я не знаю, как вести дом, голова у меня идет кругом. Мне очень не хочется беспокоить мужа всеми мелкими хозяйственными хлопотами...

Мой муж дал мне столько доказательств своей деликатности и бескорыстия, что будет совершенно справедливо, если я со своей стороны постараюсь облегчить его положение...

Я прошу у тебя одолжения без ведома моего мужа, потому что если бы он знал об этом, то, несмотря на стесненные обстоятельства, в которых он находится, помешал бы мне сделать это... будь уверен, что только крайняя необходимость придает мне смелость докучать тебе...»

Наталья Николаевна действительно писала тайно от Пушкина, хотя имела право и писать не тайно, и не просить, а требовать. Ей так и не выплатили приданое, она имела права требовать свою часть дохода от имений, а получала даже куда меньше всех остальных. Сестрам Дмитрий Николаевич выплачивал по 4500 рублей, брату Ивану Николаевичу, служившему в императорской гвардии, и вовсе по 10 000 в год, а ей

всего 1500 рублей. А ведь остальные даже не женаты и не замужем, а у нее дети!

Перечитав написанное и несколько раз вздохнув, Наталья Николаевна запечатала письмо и позвала горничную:

- Пусть зайдет Никита.

Никита Козлов - старый дядька Пушкина - был в курсе ее тайны, а потому пришел сразу.

- Никита, отправь, пожалуйста. Я хочу, чтобы письмо было непременно отправлено, только Александр Сергеевич ничего о нем не узнал. В нем ничего дурного, просто я прошу у брата денег, а Александр Сергеевич, если узнает, станет сердиться. Отправишь?

Старый слуга кивнул:

- Сделаю, барыня.

Эх, жаль Пушкиных... А Наталью Николаевну жалко особо, молодая, красивая, ей бы только и порхать, а у нее и деток вон сколько, и забот, и родственников тоже... Денег просит у братца... Да ведь кто же просто так денег даст, небось и у брата не лишние. Сам он готов душу отдать за своих хозяев, ежели бы это помогло Александру Сергеевичу из долгов выпутаться, но остальные-то слуги, особо те, кто по найму, платы требуют. Да ладно бы слуги, и жилье снимать надо, и выезд держать, и есть-пить тоже на что-то надо... А у Александра Сергеевича вокруг одни долги.

- Куда это Никита отправился?

Наталья Николаевна чуть поморщилась с досадой: надо же, не Пушкину или сестрам, так тетеньке навстречу попался. Вот так всегда - солжешь, непременно попадешься!

- Я на прежней квартире, кажется, брошь забыла. Отправила, чтобы посмотрели.

- Ты, мать моя, врать никогда не умела и не учись. И брошей у тебя не столько, чтобы через полгода про них

вспоминать. Куда Никиту отправила, к ростовщику?

- Нет, - вздохнула Наталья Николаевна. - Брату письмо повез на почту.

- А чего ж тайно? Денег просишь и чтобы муж не узнал?

- Попросила у брата увеличить мне содержание, чтоб не меньше сестер присылал.

- Правильно, и от матери тоже помощи требовать надо. Только требовать, Наташа, а не просить. Они ведь тебе должны не меньше, чем братцу Ивану, чего ж просишь?

- Но у Дмитрия тоже деньги не лишние...

- Э-эх! - с досадой крикнула тетка. - Никогда тебе, Наташа, богатства не видать!

А та вдруг расплакалась:

- Какое тут богатство, концы с концами свести бы.

- Что, не пошел журнал, что ли?

- Не пошел... И первый еще не распродали, а уж второй напечатан. Подписчиков едва 700 человек набралось, а отпечатано 2500 экземпляров. Хотя бы типографские расходы покрыть, а долгов сколько. Сезон начинается, сестер вывозить надо, ни на что денег нет. И квартиру пора снимать...

Екатерина Ивановна очень любила Наташу, хорошо относилась и к Пушкину, она, сколько могла, помогала, шила платья, давала свои украшения, делала подарки детям. Но теперь сестер стало трое, и вместо одного наряда для Наташи требовались целых три, а значит, либо расходы втрое увеличивать, либо подарки делать реже. Что и происходило. Тетка старалась, но и содержать племянниц полностью ей не по силам.

Пушкин вернулся из Петербурга, блестя глазами, чем-то очень довольный.

- Что, Саша, журнал забрали?

Улыбка мгновенно сползла с лица. Наташа поняла, что все плохо, но ведь что-то же обрадовало мужа, она принялась теревить его:

- Скажи, что хорошего в Петербурге?

- Я квартиру нашел. Завтра хотел тебя свезти, показать.

- А что же ты хмуришься?

- Журнал не берут.

- Это пока, лето, все на дачах, вот вернутся и сразу раскупят!

- Ты полагаешь?

- Конечно. Не всем же по подписке брать? Кто-то не успел подписаться, кто-то забыл с дачными хлопотами...

Как бы Пушкину хотелось верить жене!

- Таша, расскажи про дом, где он, что он? - Сестры засыпали Наталью Николаевну вопросами, словно не они, а она старшая. Временами Наталья Николаевна так и чувствовала себя - старшей, едва ли не теткой своих сестер. Они жили у нее в доме. Под ее опекой, ее заботой, ее ответственностью.

- Это дом Софьи Григорьевны Волконской на Мойке с видом на особняки Первой Адмиралтейской. И Дворцовая площадь тоже отчасти видна.

- Ах, прекрасно, мы почти у Зимнего! А что сама квартира?

- Она куда меньше нашей прежней, всего одиннадцать комнат, зато весь нижний этаж и службы хорошие. Однако надеюсь, всем места хватит, и нам, и слугам, и лошадей поставить найдется, шесть стойл наши, и много что...

Александра Николаевна осторожно поинтересовалась:

- Таша, а что стоит?

- 4300 рублей в год с уплатой за три месяца вперед.

- Это много...

- Много, да только Пушкину к архиву и его Коллегии близко. И нам хорошо, Нева рядом, станем на набережную не только ездить, но и ходить гулять!

Наташа не смогла за показной веселостью скрыть от сестер озабоченность. Конечно, место отменное, но и денег требовало таких, которых у Пушкиных не было.

Снова деньги... При одной мысли о них настроение портилось. Им нельзя было жить так широко, но и не жить тоже нельзя. Пушкины переехали в квартиру на Мойке, которая была им не по карману, потому что те, кто ежедневно возвращается при дворе и ездит на балы в Зимний, Аничков, на Дворцовую или Английскую набережную - в избранные особняки, - не могут ходить пешком и жить в Коломне. К парадному подъезду императорского Аничкова дворца за первой красавицей Петербурга не может подъехать простая колымага. И одеваться у портнихи с окраины она тоже не может, положение обязывает делать это в модной лавке. И туфельки у нее тоже должны быть не откуда попало.

У Пушкина так же: нельзя носить жилет из простой лавки, его должен сшить отменный портной, который шьет графу Строганову, и цилиндр должен быть свежий и лучший, и перчатки тоже... и так все остальное. А это деньги, деньги, деньги!.. Они могут экономить на повседневной еде или каких-то мелочах, которых никто не видит, но носить подолгу одну шляпку нельзя. Как нельзя снимать дачу попроще, нельзя не иметь выезда с хорошими лошадьми, приличную педикюршу или модистку...

Они невольники этой красивой жизни, все невольники: Пушкин, она, сестры, даже скоро будут дети, потому что няни могут быть дешевыми, а вот гувернеры будут дорогими. И если сама жизнь ей, конечно, нравилась, кому же не понравится блистать, то вот эта неволя уже страшно тяготила. Пушкина

тоже, Наталья Николаевна это хорошо видела, но разорвать этот порочный круг он не мог.

Пушкины переехали в дом на Мойке, в последнюю квартиру поэта в Петербурге...

В окна их квартиры виден Александрийский столп. Хорошо это или плохо? Хорошо, потому что центр, плохо, потому что дорого. Но еще и потому, что возникает ощущение, что ангел со столба видит все, что творится вокруг. Об этом сказала горничная Лиза старому Никите – слуге Пушкина. Тот усмехнулся:

– А ты не гляди на него, и он на тебя не будет...

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа...

Нет, весь я не умру – душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит...

Пушкин читал, а у нее холодела душа. Словно прощается, словно предчувствует что-то.

– К чему такие стихи?

Снова взвился, фыркнул:

– А какие я писать должен? Сказки, которые тебе так нравятся? Или стишки в альбомы?

За столько лет она уже научилась не обижаться. Спокойно возразила:

– Я не о стишках говорю, а о мрачности стиха. Ты словно какой-то итог подводишь. Почему?

Он опомнился, вздохнул:

– Не идут стихи, совсем не идут. Может, правы завистники – исписался?

– Ты вот сейчас сам хорошо себе ответил: завистники. Ты же со стихов на прозу перешел, вот и

пиши.

- Пиши... а проза вон она, на чердаке стопками валяется, никому не нужная!

- Пока еще не привыкли. Пушкина как поэта знали, прочитают и это оценят. А статьи критические - они не всегда справедливы, часто пишутся именно завистниками и теми, кому нужно, чтобы тебя не читали...

- Какая ты у меня, женка, разумная стала!

- Я и была, только ты не замечал.

Пушкин прикусил язык, и правда, его Мадонна повзрослела, а он и не заметил. Наивная, почти глупенькая девочка давно превратилась в мудрую, спокойную женщину, а он все к ней относился, как к Наташе Гончаровой с Никитской улицы... Вспомнил свои письма, стало даже стыдно, писал как подростку, а ведь она немало помогала ему в редакторской деятельности.

Когда же стала такой, как он не заметил? Потому что всегда чувствовал себя выше, значительнее, умнее... Как же... он первый поэт России, а она хотя и первая красавица, да глупышка молоденькая. Наташа повзрослела и поумнела, а он? Остался ли он первым?

От этого вопроса стало страшно. «Памятник» родился не зря, а как ответ на бесконечные критические статьи. Отчасти Наташа права, статьи заказные того же Булгарина, но ведь и сами произведения не берут. «История Пугачевского бунта», на которую царь сначала денег дал, а потом и вовсе за счет казны велел выпустить, так и пылится на чердаке, не берут.

Почему не берут?

Сомнения тяжелые... В салонах уже перестали ждать от него изящных стихов в альбомы, считают, что не позволяет писать жена. И в том, что исписался, тоже

ее винят, мол, мешает, заработков требует, а как гению писать ради заработка? Вот и погас Пушкин.

Может, так и есть? Пока семьи не имел, писалось легко и просто, как дышалось, хотя иногда и дышалось труднее. В Болдино перед женитьбой уехал и вон сколько написал, а сейчас? И в Михайловском ни строчки, все вымучено, все на продажу...

Раньше писал и относил Смирдину - пусть сам с книготорговцами договаривается. А теперь? Погряз в издательских делах, общался больше с книготорговцами, чем с поэтами. Когда работать, если он то на балу, то на приеме, то в архивах, то с торговцами ругается? Раньше строчки сами собой ложились, а теперь вымучиваются. И дело не в том, что проза труднее поэзии, именно для него труднее, что для «Пугачева», материалы в архивах искать надо, а в том, что читатель у него теперь другой и что нужно этому другому читателю, Пушкин просто не мог понять.

Рано начал издавать свой «Современник»? Возможно, но думал, на имя пойдут, а там привыкнут к совсем новой литературе. На имя пошли, а вот не оценили...

И оказался он меж двух берегов, вроде близко, а не пристанешь. От поэзии ушел, к прозе пока окончательно не прибился. Может, жена и права, придет время, оценят. Но когда оно придет и чем до того времени жить? Долги отдачи требуют, а где денег взять?

Снова деньги, снова мысли о деньгах... Они забивают всякое творчество. Неужели удел поэтов быть нищими? Но тогда им и жениться нельзя, потому что нищие не могут иметь семей. Но представить себя без своей Мадонны и Машки, Сашки, Гришки, Наташки он не мог. И дело не в красоте лица жены, к нему он привык, дело в том, что это дом, очаг, куда хочется

возвращаться из поездок, куда хочется прийти вечером...

Он с удовольствием снял квартиру на Мойке, не думая о том, чем будет платить за нее через три месяца. Но если бы только за квартиру...

Видя, что муж вдруг глубоко задумался, Наталья Николаевна тихонько выскользнула из кабинета, Пушкину нельзя мешать... Может, в его гениальной голове рождается очередной шедевр? С мелкими заботами она справится сама, чтобы Пушкин мог писать, его нужно от мелких хлопот освободить. Она и старалась это делать. Может, потому муж считает, что при внешности Мадонны жена у него совсем приземленная? Пусть считает, не всем же быть Пушкиными...

От этой мысли стало смешно - а она кто? Нет, она тоже Пушкина, только мелким-мелким шрифтом рядом с ним - Гением. Еще Наташа Гончарова понимала, что ее муж Гений, а прожив с ним рядом шесть лет, теперь знает это наверняка, даже если бы он не был столь известен.

Ему нравилось вывозить жену в свет, нравились ее успехи. Сначала Наташа смущалась, потом привыкла, успехи стали нравиться и самой. Блеск бальной залы, веселая музыка, движение, улыбающиеся лица, восторг из-за ее красоты... Но раньше Пушкин просто стоял и с удовольствием наблюдал, а сейчас грызет ногти в стороне с мрачным видом.

Она понимала почему, его заботят не стихотворные рифмы, даже не ее успехи в свете, Пушкина заботят деньги, которых вечно не хватает. А жить хочется на широкую ногу, как всем. Но ведь «как всем» не получается, и отказаться от этого невозможно. Выезжая в свет в Петербурге, невозможно жить иначе, чем они живут, это не Полотняный Завод, здесь нужен блеск и

ежедневные большие расходы, здесь экономией не спасешься.

Наталья Николаевна еще долго размышляла над тем, как жить и как выпутаться из того замкнутого круга, в который они попали. Чтобы хорошо писалось, Пушкину нужно спокойствие, а значит, деньги. Но чтобы были деньги, приходится беспокоиться, суетиться, заниматься издательскими делами. Она, чем может, помогает, но это такая малая помощь...

Она не подозревала, что давным-давно стала объектом совсем других хлопот и совсем скоро ее жизнь повернет так, что размышления о нерукотворном памятнике станут как нельзя более реальными...

ИДАЛИЯ ПОЛЕТИКА

Пушкин женился и привез в Петербург свою Мадонну. Это не то чтоб удивило, но позабавило петербургскую красавицу Идалию Полетику.

Нет, Идалия не завидовала своей троюродной сестре Наташе, чему завидовать, ее Пушкина могли ценить только те, кто ценил поэзию или обожал несколько нагловатые ухаживания рифмоплета. Ах, Пушкин! – это не для Идалии, Полетика способности сочинять стишки в альбомы предпочитала мужскую красоту и умение ухаживать элегантно, романтически. А женившись, Пушкин и вовсе стал несносен – правилен до скучности, озабочен только семьей и домом. И его Наташа тоже.

Полетика даже сокрушенно вздыхала, глядя, как блеснит влюбленными глазами на свою Мадонну первый поэт, а та в ответ смущенно опускает свои косые глазки. Красива? Да, конечно, черты лица на удивление правильны, сложена отменно, рост хорош, не про Пушкина, тот ниже собственной супруги. Много есть за что похвалить, с первого взгляда видно, что неизбалованная, хорошая девочка. Но таким ли блистать в свете? Провинциальной девочке, да еще и скромнице в петербургском свете не место.

Иметь фигуру и лицо мало, чтобы быть петербургской красавицей, родит одного... второго... фигура расползется, куда и вся красота денется? Нет, настоящая красота – она не такая, недаром наряду с женщинами, обладающими поистине великолепной внешностью, красавицами считаются и те, кого природа томными глазками и очаровательным овалом лица обделила, потому что, помимо правильных черт лица,

есть еще обаяние, блестящий ум, умение поддержать разговор, кокетничать, в конце концов.

У самой Полетики этого было предостаточно, несколько тяжеловатые черты лица легко уравнивались прической, а остальное делали грация, умение вести беседу, легкий, изящный ум... Не обременена познаниями? К чему они красавице? Душа? А это еще что такое?

И судьба у Идалии удивительна. Она незаконнорожденная дочь графа Григория Александровича Строганова и француженки графини Жюли Д'Эга. Страстно влюбившись, дипломат Строганов не стал долго размышлять и увез Жюли из Франции в Россию, словно забыв, что у него есть жена, а у нее муж. Жена камергера королевы Марии I тоже задумывалась мало, родила дочь и была счастлива.

Положение Жюли пусть и сомнительно, но прочно, она жила с графом невенчанной до самой смерти его законной супруги, семейство Строгановых любовницу терпело, но развода не допустило бы никогда. А вот положение ее дочери Идалии Обертей оказалось двусмысленным, она жила в доме собственных родителей... на положении воспитанницы! Иначе нельзя.

Идалия получила в наследство от родителей своеобразную смесь и во внешности, и в характере. Большие голубые глаза, чистый широкий лоб, красивой формы губы, нежный овал лица... Позже, к старости это лицо станет тяжеловатым, а тогда его массивность удавалось скрывать прической, всегда великолепно уложенной – волосок к волоску, словно и не спала красавица никогда, и детей не рожала, и не бывала по утрам растрепой. Есть женщины, которые умеют выглядеть прекрасно в любом возрасте и любом состоянии. Идалия Полетика из таких.

А еще она была умна, умна тем самым светским умом, что позволяет блистать без особых знаний и умственного труда, тем умом, что более других нужен на балах и раутах, нужен в свете. И осторожна. Красавица прекрасно понимала, что сам граф Строганов не простит дочери то, на что совратил ее мать, один скандал, один проступок - и она может лишиться всякой поддержки знаменитого семейства. Жестоко? Но это свет, он жил по своим правилам, и Идалия старалась их не нарушать, напротив, успешно подстраивалась.

Поддержка семейства означала возможность ездить в Аничков дворец на придворные балы, бывать приглашенной в Белую гостиную императрицы в ее узкий круг - всего-то в сотню лиц. Ее болью и бедой было то, что в списке приглашенных внебрачная дочь всесильного Строганова оказывалась ближе к сотому номеру, но лишиться даже этого было бы катастрофой.

Горячая кровь бабки-португалки маркизы Д'Альмейда, конечно, сказала, Идалия умела любить, но и скрывать свою любовь тоже умела.

Она вышла замуж за кавалергарда Александра Михайловича Полетику и ко времени приезда троюродной сестры в Петербург в качестве супруги поэта уже имела дочь Юлию. Та самая холера, что держала Пушкина в Болдине, разорила имение Полетики совершенно, семья не нищенствовала, но жила весьма скромно, что не мешало прекрасной Идалии блистать в свете. Как она умудрялась сводить концы с концами, не ведал никто...

Муж свою неистовую супругу обожал, вел себя примерно, не мешая ей увлекаться другими, впрочем, Идалия действительно была осторожна - никаких скандалов. Александр Михайлович быстро стал полковником Кавалергардского полка Ее Величества, и материальные дела семьи несколько поправились.

Прекрасной Идалии приписывали увлеченность Пушкиным, она мысленно фыркала: фи, глупости! Низкорослый некрасивый Пушкин по сравнению с кавалергардами ее мужа?.. Нет, стишки в альбом не стоили того, чтобы променять рослых красавцев на этого рифмоплета, только и умеющего оглядывать дам оценивающим взглядом да портить им репутацию. Конечно, ходили слухи, что он в любви неистов, но, во-первых, неистовых хватало и без поэта, а во-вторых, Пушкин был женат и счастлив.

Когда Пушкин привез свою Натали, Идалия даже пожалела бедную девочку. Ни для кого не секрет взрывной характер ее мужа, а также его материальное положение и бесконечные увлечения женщинами. Полетика вовсе не верила во внезапное перерождение поэта, о котором столько твердили, справедливо полагая, что пройдет немного времени, и все вернется на круги своя – Пушкину надоест игра в примерного семьянина, он снова станет волочиться за каждой прелестницей, а бедной Наташе только и останется рожать детей да лить слезы.

Был еще один повод для жалости: не хуже Екатерины Ивановны Загряжской Идалия понимала, что ждет Наталью в свете. Молодая Пушкина не Карамзина или Оленина, выросшие в гостиных и бальных залах, она московская, то есть провинциальная барышня, да еще и из скромниц. К ней будет не просто особое внимание, оно будет предвзятым и часто несправедливым. Нельзя найти изъян во внешности? Найдут в другом. Промолчит – скажут: неумна, произнесет не то – и вовсе назовут глупой. Скромность обзовут холодностью, веселость развязностью, кокетство – распушенностью...

Первое время Идалия даже жалела Наташу и пыталась ей по-своему помочь. Пушкин оказался куда

большей умницей по отношению к жене, чем от него ожидали, он долго не вывозил ее в свет, практически пряча от всех. Показал сначала друзьям, потом увез в Царское Село, и не будь той самой холеры, не окажись в Царском императорская семья со всем двором, Натали Пушкина, пожалуй, в первый сезон могла и не выезжать...

Но пришлось возвращаться в Петербург, а там из родственниц тетушки-фрейлины Екатерина Ивановна Загряжская и Софья Ивановна Местр и троюродная сестрица Идалия Полетика, родственница Гончаровым по линии Строгановых. К кому, как не к Идалии, приткнуться неопытной Наташе? Пушкин не был в восторге, зная репутацию злого язычка Полетики, но Идалия вела себя по отношению к молодой супруге поэта прекрасно, она принялась опекать Пушкину.

Показать лучшие магазины? Посоветовать, какую ткань предпочесть на новое платье, чтобы следовать моде нового сезона? Посоветовать в выборе прически или лент для оборок? Кто же может сделать это лучше Идалии Полетики, светской львицы, очаровательной женщины, к тому же обладающей прекрасным вкусом?

Насмешничала ли она над Натали? Не больше, чем над всеми остальными! У Идалии язычок такой злой, троюродная сестрица просто не могла быть серьезным предметом зависти, ее некрасивый Пушкин с красивым Петром Ланским, с которым у Идалии увлечение, не сравнится.

А вот что-то общее у Полетики и Пушкиной есть. Не в характере, в этом они противоположность, не в положении в свете - они позади, в списке приглашенных гостей последними, попали туда не по праву рождения или крови, а по монаршей милости. Позади многих светских красавиц, просто потому, что одна всего лишь незаконная дочь, а вторая - жена

поэта, потому что у обеих нет возможности не только устраивать собственные балы и приемы, как Долли Фикельмон, Карамзины, те же Оленины... но и иметь приличный выезд, дорогие бриллианты, жить на широкую ногу. Обе экономили на всем, обе обрастали детьми, но Идалия умудрялась делать это как-то легко, порхая словно бабочка, а Наталья трудно и во всем полагаясь на помощь мужа.

Первые годы Идалия честно пыталась обучить кузину премудростям поведения в большом свете и вообще жизни в своем понимании. В чем-то удалось, Натали почувствовала вкус к балам и светским успехам, стала меньше дичиться, научилась принимать ухаживания, кокетничать сама...

Но эти ее болезни из-за беременности и родов! Сама Идалия порхала даже незадолго до рождения детей, а было их трое, и ничуть не страдала, родив. Зато Пушкина маялась от водянки, едва ковыляя на опухших, отекавших ногах, а потом долго страдала от нарывов на груди. По полгода с каждым ребенком до рождения и после одолевали болезни. А еще выкидыш, который едва не произошел прямо на балу...

Пушкин Идалии за наставничество был благодарен, но только сначала, пока не понял, что супруга обучилась слишком хорошо. Нет, Натали ему верна и будет таковой до гроба, но дичиться перестала. И тогда счастливый супруг осознал, что такое - иметь хорошенькую жену, склонную блистать в свете.

А потом случилась та безобразная сцена в карете...

Пушкин напропалую волочился за светскими красавицами, временами просто забывая, что женат. В первый год, женившись и оберегая собственную супругу, он и сам был тих и смирен, но после, когда она уж носила второго ребенка, постепенно стал поглядывать на других. После женитьбы Пушкин сознался Натали, что она у него сто тринадцатая, но

знала ли жена, что список давно уж продолжен? Верно, знала, если вдруг уехала тогда с бала, где Пушкин вовсю ухлестывал за Амалией Крюденер. Это (и ухаживание поэта, и поспешный отъезд Поэтши) заметили все, Пушкин метнулся следом, дома между ними, видно, что-то произошло, какая-то ссора. Натали ничего подруге не сказала, но вести себя стала несколько иначе, словно порог какой-то переступила. Это мало кто понял, но Идалия, почти всякий день бывавшая у Пушкиных, поняла. И поспешила воспользоваться. Ей было обидно за красавицу Наталью, к чему и жениться на молодой очаровательной девушке, чтобы без конца ее делать беременной, заставляя сидеть дома и нянчить детей, а самому в то время бегать по гостиным и как холостому волочиться за красотками?

Идалии захотелось, чтобы Наталья Пушкина дала мужу отпор, очень захотелось. Но не семейную сцену с глупыми выговорами, а ответила тем же. Откуда ей было знать, что Наталья этим мужу и пригрозила?

Беседа в карете началась непонятно с чего и шла тоже обо всем. Как разговор свернул на женскую и мужскую неверность, они даже не заметили. Наталья сидела, по своему обыкновению молча, только блестя глазами. Было видно, что она все принимает близко к сердцу, хотя Полетика сомневалась, что даже мысленно изменяет своему «арапу».

И вдруг эти слова Пушкина, мол, его женка не такая, как вы все, она не позволит хватать себя за коленки или каких вольностей кавалергардам за спиной у мужа. При этом он ухватил за коленку саму Идалию. Вспыхнули обе женщины, это было оскорбление в духе Пушкина, он частенько позволял себе, правда не прилюдно, вольности с теми, кого хорошо знал, но сей раз уж больно откровенно.

И не в коленке дело, в свете хорошо знали о любви Полетики к кавалергардам и о многочисленных романах, но она умела, во-первых, все держать в пределах приличий, а во-вторых, просто в тайне. Болтать можно сколько угодно, слухи, в общем-то, были невинными, но доказательств ни у кого не имелось. Как и о ее тогдашнем романе с Петром Ланским.

Первой вмешалась Наталья, она просто заставила мужа извиниться перед кузиной за оскорбительное поведение. Пушкин сделал это по примеру двоюродной тетки жены Натальи Кирилловны Загряжской, которая некогда объявила ненавистной статс-даме, что здороваается с ней, но только по приказу государя. Пушкин извинился, но сделал еще хуже, он насмешливо пробормотал, что по приказу своей Мадонны принужден просить прощенья за нескромные слова и вольности, хотя не понимает, в чем провинился, выразив уверенность, что его женка вольностей с собой не позволит.

На счастье всех, Пушкиным было пора выходить, их уже привезли, а Идалия проследовала дальше к казармам Кавалергардского полка, в которых Полетики имели квартиру. Что там говорила мадам Пушкина мужу и говорила ли, что он отвечал, Идалия уже не знала, она сумела сдержаться и не выдать своих мыслей и чувств при прощании, сухо приняв извинения поэта, но, когда отъехали, даже губу прикусила, чтобы не расплакаться от обиды. Такого с ней никогда не бывало.

Она знала одно: Пушкина отныне ненавидит, но будет скрывать эту ненависть всеми силами, потому что не бывать в их доме сложно, она слишком срослась с ролью наставницы Поэтши. Хотела того Полетика или нет, у нее была потребность в женщине, менее искушенной в светской жизни и в жизни вообще, которую нужно наставлять и направлять. Внешне все осталось по-прежнему, Пушкин передавал приветы

Идалии, при встречах целовал ручку, гадостей больше не говорил.... Но он не знал, сколь злопамятно сердце оскорбленной женщины, огонек ненависти в нем загорелся и остался тлеть, чтобы в свое время перерасти в пожар, способный разрушить не одну жизнь.

Прошло время, обида на Пушкина несколько поостыла, но совсем не исчезла.

Но теперь семейство Пушкиных интересовало Полетику не ради перевоспитания Натали или даже мести ее мужу, хотя и это было, у Идалии роман с молодым красавцем кавалергардом (у нее иных и не бывало!) Жоржем Дантесом. Роман бурный, такой, что может дорого обойтись в смысле репутации. И такому роману нужно прикрытие.

Дантес нравился всем. Нет, вот, пожалуй, именно Пушкину и не нравился.

Красавец француз прибыл в Петербург.

- Жорж, я просила вас поухаживать за госпожой Пушкиной, а не влюбляться в нее!

- Ах, мадам, при чем здесь любовь! Все видели, что я волочусь за Натали, что же мне теперь, отступить? Я просто обязан заполучить ее себе.

- Вы лжете, но мне так хочется вам верить. А чтобы вам не так уж хотелось заполучить мадам в свои объятия, спешу открыть одну ма-аленькую семейную тайну Пушкиных.

- Я весь внимание. Интересно выслушать тайну женщины, которая не дается тебе в руки.

- Она фригидна.

- Вы шутите. Четвертый ребенок и фригидность... К тому же Пушкин столь горяч...

- Вот в том все и дело, вы же знаете, что при всей любви господина Пушкина к своей супруге он то и дело

волочится за другими.

- Но это не повод, чтобы подозревать саму Пушкину во фригидности.

- Я знаю это наверняка от ее сестры Екатерины...

Заметив, как вздрогнул Дантес при имени Екатерины Гончаровой, Идалия даже забеспокоилась:

- Что, Жорж, уж не влюбились ли вы еще и в эту?!

- Господь с вами! Неужели я похож на того, кто способен влюбиться в это косоглазое чудовище?

- Однако ее косоглазие заметили.

- Трудно, знаете ли, не заметить, если тебе строят столь косые глазки. Никогда не поймешь: тебе или ближайшему верстовому столбу.

- А вы сердиты на Катрин Гончарову... Отчего?

Женское сердце не обманешь, Полетика нутром почувствовала, что здесь что-то есть. Она не допускала мысли, что Дантес мог влюбиться в некрасивую сестру прекрасной Натали, но какую-то странность уловила. Однако объяснение Жоржа, что Катрин Гончарова надоела ему своей влюбленностью, Идалию успокоило. Пока успокоило.

- Вернемся к Натали. Вы хотите сказать, что волочитесь за ней только потому, что до сих пор не заполучили красавицу, и как только это случится, забудете о ее прелести?

- О, да, конечно! Только это невозможно, Пушкин с жены не спускает глаз, она нигде не бывает одна, а остаться с ней наедине вообще немыслимо.

Полетика смотрела на своего любовника долго и внимательно, Жорж постарался, чтобы она ничего не прочла на его лица, кроме досады. Легче всего обмануть того, кто хочет быть обманутым. Идалия поверила.

- Хорошо, я помогу вам.

- Как?

- Это мое дело. Будьте завтра в полдень у меня, только постарайтесь незаметно, мне не хочется, чтобы наши встречи слишком бросались в глаза, не хватало только сплетен.

Почему-то дипломаты и шпионы - мужчины. Но самые большие каверзы способны придумать именно женщины. Как и разрушить все, вплоть до жизни. Лучше чужой...

Натали, сама того не ведая и не желая, отняла у нее все: Пушкина, несмотря на свою провинциальность, сразу прослыла первой красавицей Петербурга, быстро научилась вести себя в гостиных и на балах, при этом не растеряв своей недоступности и загадочности. Полетика хорошо помнила нанесенную ее мужем обиду тогда в карете. Он подчеркнул разницу между своей женой и остальными женщинами, одним словом отнесся к остальным и Идалию. Она не простила.

Чтобы скрыть свой роман с Дантесом, который мог стоить им обоим слишком дорого, Полетика заставила его волочиться за Пушкиной, надеясь именно на ее неприступность. Вечно беременная Мадонна, к тому же столь опекаемая бешено ревнивым мужем, - прикрытие идеальное. Ни ревновать к Пушкиной, ни переживать из-за возможной ее связи с Дантесом Идалия не собиралась, этого просто не могло быть.

Но случилось именно то, чего быть не могло. Весь сезон Дантес успешно волочился за беременной красавицей, хотя делать это сложно, та редко появлялась в свете, а закончилось все простой влюбленностью француза! А уж когда он провел лето практически на даче на Каменном острове, ухаживая для отвода глаз еще и за сестрой Натали Екатериной Пушкиной, его тлеющая страсть переросла в пожар.

Дантес мог обмануть кого угодно, даже Геккерна, но не Идалию. Любящая женщина видит сердцем, а оно

куда прозорливее глаз. Сердце подсказало, что Жорж не просто увлекает Натали в танце, он сам увлекается рядом с ней в немыслимые дали. Это было уже опасно.

- Аннет, мне нужно уехать...

- Да, мадам.

- Закроют карету, но прежде отвези записку...

Тайно.

- Да, мадам.

Аннет - горничная с пониманием, она не выдаст и весьма ловка.

Полетика наспех что-то написала на листе, быстро свернула и старательно запечатала. Никто, кроме адресата, не должен знать содержимое, потому у письма не будет подписан адрес.

Убедившись, что сургуч хорошо закрепил края, она подала письмо горничной:

- Барону Геккерну в собственные руки.

- Барону?

- Именно барону, ты правильно поняла. Отвезешь сама и вернешься. Ответ нужен срочно.

Горничная уехала, а Полетика снова села к столу, вернее, принялась перерывать свои ящички, пытаюсь что-то найти.

Вот оно - листок несколько смят, судя по всему, его не раз держали в руках и перечитывали, потом складывали вчетверо, чтобы спрятать в рукав или за корсаж, и снова раскрывали. В тексте пропуски, но чье имя туда будет вставлено, Полетика уже решила.

Пока она разыскивала еще что-то, похожее на печать, горничная успела вернуться. В записке два слова: «Согласен. Жду».

Барон Геккерн поцеловал у Полетики ручку:

- Вы скомпрометируете меня, мадам. Станут говорить, что у меня роман с самой красивой женщиной Петербурга.

Идалия насмешливо посмотрела на барона:

- Вас скомпрометировать невозможно, а самая красивая женщина Петербурга не я, а жена господина Пушкина. О ней я и хочу поговорить с вами. - Бровь барона удивленно приподнялась, но дама не обращала внимания. - О ней и вашем приемном сыне Жорже. И времени у нас мало, потому не будем тратить его на удивление или недоверие...

Да уж, деловой хватки Идалии Полетике не занимать. Эта красавица с большими лазоревыми глазами могла бы при желании перессорить всю Европу, к счастью, она не дипломат и не шпионка, и ей не до Европы.

То, что рассказывала Идалия о своих отношениях с Дантесом и о его ухаживании за Натали Пушкиной, Геккерну не нравилось совершенно. Он знал, что Жорж постоянно волочится за петербургскими красавицами, но придавал этому мало значения. Все его письма о любви и страсти не больше, чем болтовня красивого молодого мужчины. Эти глупцы способны ахать и охать не меньше девиц на выданье. Но что делать, если Геккерну именно такой молодой глупец и нравился?

Рассказ о задуманном Полетикой привел Геккерна сначала в замешательство, а потом почти в восторг:

- Мадам, вы должны работать в разведке!

- Вот еще! Так вы поможете?

- Конечно, где текст?

- Вот. А вот печать, изготовлена когда-то ради переписки, но пригодилась только теперь. Не беспокойтесь, по ней ничего не поймешь.

- Я не беспокоюсь. Как вы мне дадите знать, получилось ли?

- Пришлю записочку с одним словом «да».

Дантес явился за несколько минут до назначенного срока.

О чем уж он там мечтал всю ночь, неизвестно, но, едва переступив порог гостиной, схватил Идалию в объятия. Горничная, чуть усмехнувшись, приняла шинель Дантеса и скользнула прочь.

Полетика отстранилась:

- Жорж, вы сошли с ума!

- Я не могу так...

- Только не сейчас! Сюда должна приехать Натали Пушкина, я позвала ее для вас!

- Но...

К дому явно подъехал экипаж, Идалия метнулась к окну за занавес, чтобы даже случайно не увидели с улицы:

- О, господи, это она! Аннет, скажите, что... что меня нет дома. Я уехала и буду позже.

Обернувшись к опешившему от такого поворота событий Дантесу, Полетика насмешливо кивнула в сторону прихожей:

- Вот вам встреча наедине, Жорж, о которой вы так мечтали. Не упустите свою возможность. И надеюсь, после этого вы перестанете грезить о мадам Пушкиной?

Услышав, что Наталья Николаевна уже в прихожей и Аннет говорит ей об отсутствии хозяйки, Полетика скользнула в кабинет и плотно прикрыла за собой дверь, но сразу же чуть тронула ее с места, чтобы слышать все происходящее в гостиной.

Как хотелось выйти и прекратить эту сцену, потому что знать, что Жорж соблазняет другую, было невыносимо!

Может, лучше бы не отговариваться отсутствием? Куда ни кинь, всюду клин!

Эти мысли вихрем пронеслись в голове Полетики, но следом она услышала то, что заставило даже закусить собственную руку, чтобы не выдать свое присутствие: Дантес открыл дверь из гостиной в прихожую и объявил:

- Зато я здесь, мадам! Мне нужно с вами поговорить...

Пушкина пыталась что-то возражать о правилах приличия и о том, что негоже быть в доме без хозяйки... Жорж увлек Натали в гостиную, стал что-то говорить. Идалия не все разобрала, все же приоткрыть дверь шире опасно, но поняла, что Дантес грозит пистолетом, если Пушкина не станет его любовницей.

О господи, но что же он будет делать, если мадам подчинится? И тут Полетика поняла, что€ натворила собственными руками: как бы ни была Пушкина холодна или неприступна, она сейчас может стать любовницей ее собственного возлюбленного. И никакой надежды, что после того они не договорятся о встрече уже без нее, нет. Натали и Дантес? О, нет!

К чести Пушкиной, та отбивалась, как могла, отвечала громко, чтобы привлечь внимание кого-то из слуг, но в доме только Аннет, перед которой Дантес закрыл дверь, да еще вот маленькая Лиза. Девочка стояла, широко раскрыв глазки на мать, прижавшуюся к двери. Внезапно Идалия решилась, она знаком подозвала к себе дочь, зашептала на ухо:

- Только не говори, что я здесь, ладно?

Лизанька кивнула. Осторожно приоткрыв дверь, чтобы не заметили ее саму, Полетика вытолкнула дочь в гостиную.

Натали бросилась к девочке, как к своей спасительнице, стала что-то говорить, кажется, просить передать матери, что она приезжала, да не застала. Дантес, словно смутившись присутствия ребенка, пистолет спрятал и позволил Пушкиной уйти. Только когда за окном послышался стук колес отъезжающей кареты, Идалия перешагнула порог и обессиленно прислонилась к косяку:

- Жорж, что мы с вами натворили! Нынче Натали расскажет мужу о вашей настойчивости, а завтра

господин Пушкин вызовет вас на дуэль.

- Ужели расскажет?

- Да, меж ними уговор какой-то, чтоб все без утайки. Черт бы побрал эту скромницу! - Ручка Идалии сжалась в кулачок.

Конечно, уступи Натали настойчивости Дантеса, и она была бы опозорена навсегда. Полетика планировала осторожно через вторую дверь выйти в прихожую и якобы внезапно вернуться, чтобы застать любовников в объятьях.

Этого было бы вполне достаточно, но сама Идалия не выдержала и все испортила. Она не дала времени Дантесу приступить к решительным действиям, попытка объятий - это не соблазнение, но допустить, чтобы возлюбленный почти у нее на глазах овладел другой, Полетика тоже не могла.

Она не стала объяснять, что сама вытолкнула маленькую дочку в гостиную. Однако теперь задумалась, что делать дальше. Остановить то, что они с бароном вчера задумали, просто нельзя. Натали сломала ее планы. Снова Натали со своей неприступностью, и снова все испорчено!

Идалия махнула рукой:

- Подите, Жорж, подите. Я вам предоставила возможность встретиться с вашей любовью наедине, вы не смогли ни в чем ее убедить...

Он ушел, действительно расстроенный, в другой раз Пушкина будет осторожней и его будет сторониться наверняка. Как все нелепо получилось! Эта Лиза... куда смотрели горничная и гувернантка? Дантеса душила досада, он почти держал в руках свою жар-птицу, даже руки опалил жаром, но взять не смог, упустил. Полетика укорила, но что можно было сделать, не брать же ее действительно силой?

Жорж с досады даже хватил кулаком по перилам лестницы. Не хватает только, чтобы она пожаловалась

своему бешеному мужу!

Полетика была права: Наталья Николаевна рассказала мужу, но не сразу, сначала поведала сестре Александрине и княгине Вере Вяземской. Они посоветовали ничего не говорить мужу, Пушкин и без того был мрачен и сильно нервничал.

К княгине Вере Федоровне Наташа примчалась прямо от Полетики, не в силах сразу вернуться домой. Она была так возбуждена, так перепугана, что не сразу толком рассказала, что произошло. Вяземская пришла в ужас:

- Я тебе все время твердила, чтобы ты держалась от этой Полетики подальше. У нее такой злой язычок, что приходится только удивляться, как она до сих пор о тебе гадких слухов не распустила. Зачем она тебя позвала, а сама уехала, не нарочно ли для Жоржа все устроила?

Наташа прижала ладони к щекам:

- Не знаю, я уже ничего не знаю...

- Успокойся, может, это и случайность. Только теперь держись от Дантеса подальше. От него, кроме неприятностей, ждать нечего.

Дома Наталья Николаевна застала записку от Полетики, подала ее Азя:

- Наташа, где ты была? От Полетики вот привезли записочку, она не запечатана, я прочла.

«Натали, что же вы меня не дождались? Я приехала на минуту после вас. Аннет сказала, что убежали, вся взъерошенная... Не случилось ли чего? Был и Дантес?»

Она почти метнула записку в огонь. Азя внимательно присмотрелась к сестре:

- Что случилось?

После того случая с крестиком доверительных отношений между сестрами уже не было, но сейчас

Наталья Николаевна все честно рассказала Азе. Та тоже посоветовала пока ничего не говорить Пушкину.

- Нет, я не могу, мы договаривались быть честными друг перед другом.

Но сказать не удалось, Пушкин вернулся домой поздно, расстроенный, спать ушел в кабинет. У Натальи Николаевны сжалось сердце: неужели что-то успел узнать о ее поведении? Нет, Александр Сергеевич только рукой махнул:

- Денег не добыл...

Испачканный мелом рукав подсказал ей остальное - видно, в попытке хоть где-то взять деньги, Пушкин снова играл и снова проигрался. Это новый долг в дополнение к огромным прежним....

Из всей семьи только она могла понять, что это означало, какая это катастрофа. Не умненькая Азя, не уверенная в себе Кока, даже не тетушка Екатерина Ивановна, а она, глупенькая Наташа, которую все ценят только за красоту, за незлобивость, только она знала истинное положение дел. Только ей Пушкин мог приоткрыть масштаб приближающейся катастрофы. Да и то лишь приоткрыть, Наталья Николаевна подозревала, что не знает и половины всего ужаса.

Но идти утешать Пушкина нельзя: во-первых, это от тетушки он мог выслушивать утешения, это Азе жаловаться на непонимание читателей, ей он не жаловался, а потому и утешать не позволял. Во-вторых, как утешать, если сама едва жива? Наталья Николаевна боялась попросту расплакаться и все рассказать не так. Мало Пушкину денежных неприятностей, так еще и женины навалятся?

Пушкин действительно не хотел, чтобы жена утешала, но не потому, что ему не нужно было утешение или помощь, просто он снова сделал то, что клялся ей больше не делать никогда, - сел играть.

Конечно, не ради самой игры, сел в надежде выиграть и заплатить хотя бы первейшие долги. И, конечно, снова проигрался.

Карточные долги перевалили сумасшедшую сумму – более 90 000 рублей! Выплатить их не было никакой возможности. Хоть стреляйся. Мелькнула страшная мысль: может, правда, застрелиться?

Петля захлестывалась все туже, она уже давила горло, не позволяла нормально дышать, думать, писать, ослабить ее нечем, что делать, он просто не знал.

При найме квартиры заплачено за первые три месяца согласно договору – 1075 рублей, следующую плату Пушкин должен был внести три дня назад, но денег не было, вернее, их удалось сегодня занять, но карты вытянули и это... Конечно, оттянуть оплату жилья удастся, управляющий княгини Волконской не столь суров, согласится потерпеть, но где взять деньги позже? Причем платить придется уже двойную сумму – за полгода, просроченные три месяца и три вперед, как делают все, а это 2150 рублей.

«Современник» не пошел, число подписчиков не увеличилось, их так и оставалось менее 700 человек, два первых тиража остались лежать в типографии по две трети, третий номер выпущен без лишних экземпляров, но он едва-едва окупил затраты на сам выпуск, четвертый и вовсе грозил принести одни убытки. А скоро придут счета с фабрики за бумагу, нужно вносить очередные проценты по закладным, Пушкины должны во все лавки – от модных мадам Сихлер до булочника. Все в долг – портной, булочник, извозчик, даже собственный камердинер!

«История Пугачевского бунта» вон лежит на чердаке, пылится, даже вспоминать стыдно. Нет, он ни на что не способен, кроме как писать, но получалось, что и писать тоже не способен?! Греч и Булгарин с удовольствием перепечатали статью Белинского,

ругавшего «Современник». Когда Пушкин только задумывал журнал, Смирдин предлагал отступного, чтобы он не связывался, всего пятнадцать тысяч, может, и их надо было брать, хотя бы в долги не влезал.

На душе было не просто темно, на ней было черно. Четверо детей, жена-красавица, свояченицы, отец, брат, без конца делающий долги... И все на него одного. Стоило ли жениться, чтобы вот так маяться?

Словно почувствовав отцовские мысли, в детской заплакала самая младшая, Наташа. Уже сейчас было понятно, что эта больше всех похожа на отца, не смуглостью или губами, а разрезом глаз, формой лица, всем... Пушкин вздохнул: не женился бы, так и вот этих четверых не было бы.

Утренняя почта принесла странное письмо. Вскрыв его и пробежав глазами, Пушкин заскрипел зубами. Едва успел прочесть, как явился посыльный от Хитрово и с таким же конвертом. А следом приехал Соллогуб и тоже привез конверт...

Во всех них одно и то же: «Диплом ордена Рогоносцев».

«...Кавалеры Первой степени, командоры и рыцари Светлейшего Ордена Рогоносцев, собравшись в Великом Капитуле под председательством достопочтенного Великого Магистра Ордена, Его Превосходительства Д. Л. Нарышкина, единодушно избрали господина Александра Пушкина коадьюктором Великого Магистра Ордена Рогоносцев и историографом Ордена.

Непременный секретарь граф И. Борх».

Соллогуб, почувствовав, что сейчас грянет буря, поспешил удалиться, а сам Пушкин позвал супругу. Он не знал, что именно скажет, хотя понимал, чем и с кем она дала повод вот к такому награждению.

Дверь в кабинет тихонько открылась, вошла Наталья Николаевна.

- Ты один? Саша, я хочу тебе рассказать о вчерашнем происшествии...

Что-то было в его глазах и лице такое, от чего она замерла. Казалось, еще миг, и Пушкин просто задушит свою жену.

- Что с тобой?!

- Происшествии? Ну-ну, расскажи, любопытно послушать, что именно ты называешь происшествием.

Наташа испугалась, по-настоящему испугалась. Но она собралась с духом и честно поведала все, что произошло в предыдущий день. Сначала Пушкин смотрел тигром, потом принялся кричать. Про то, что дура, она услышала за то утро не раз, в гневе Пушкин выражений не выбирал.

Слыша непристойную ругань и крики, сестры Азя и Екатерина сначала поспешили спрятаться, особенно Азя, зная, почему так гневается Пушкин. Зачем Наташа рассказала мужу о вчерашнем событии, ведь советовали же молчать. Но потом Азя потянула Екатерину к двери кабинета, мало ли что... Зная бешеный нрав Пушкина, можно ожидать чего угодно.

Наталья Николаевна рыдала, она не чувствовала за собой вины, разве в том, что, услышав, что хозяйки нет дома, не бросилась опростеть по лестнице вниз, а позволила Дантесу взять себя за руку? Но разве это преступление? Она действительно растерялась, поняв, что Полетики нет, а нагловатый кавалергард один.

Может, и правда, не стоило рассказывать Пушкину, как советовали княгиня Вера Федоровна и Азя? Но она не умела скрывать, будь Александр не так мрачен вчера, она бы сразу рассказала.

Он кричал долго и почти безобразно, действительно злясь, что жена по глупости позволила вовлечь себя в столь неприятную историю.

- У тебя есть записки от этого прохвоста?

- Есть...

- Зачем ты хранишь?!

- Я все письма храню...

- То письма, письма, понимаешь ты, дура этакая?! А любовные записки хранить да еще и мужу в том признаваться, совсем ума не иметь! Ну-ка, принеси.

Сестры отскочили от двери, под которой стояли, но выбежавшая из кабинета Наташа их даже не заметила. Она принесла шкатулку с письмами, в которой действительно лежали несколько коротеньких, ничего не значащих записочек Жоржа Дантеса.

- Вот...

Пока Пушкин разбирался с записками француза, Азя вдруг обратила внимание на сестру. Екатерина была едва жива.

- Что ты, Катя?

- Что у Таши с Дантесом?

- Да ничего, просто Идалия Полетика заманила ее вчера к себе на квартиру, а сама уехала, оставив там Дантеса. Таша едва вырвалась от него.

- Азя, с ним нельзя оставаться наедине, нельзя! Он... он... может все!

У Александры упало сердце: она вдруг осознала, о чем говорит сестра! Екатерина тоже бывала наедине с Дантесом, и организовала это сама Азя! По тогдашним заверениям сестры, дальше поцелуев дело не пошло, но сейчас, глядя на то, как переживает Екатерина, Азя в этом сомневалась.

- Катя...

- Молчи! Слышишь, молчи! Это мое дело, только мое!

- Нет, ты должна все рассказать!

- Кому, ему? - кивнула в сторону кабинета, где снова рыдала Наташа и кричал ее супруг.

Азя вдруг поняла:

- Тетушке. Поехали к Екатерине Ивановне, поехали, Катя.

А та вдруг невесело усмехнулась:

- И что я ей скажу? Я сказала самому Дантесу, но он ничего не предпринимает, наоборот, стал еще активнее преследовать Ташу. Азя, лучше бы мы вообще не приезжали в Петербург, я бы не встретила Дантеса и жила спокойно.

- Что теперь будет? Может, все-таки сказать тетушке? Я сама скажу.

- Нет.

Крики в кабинете затихли, Таша говорила уже что-то спокойно - видно, снова и снова повторяла мужу о произошедшем.

Так и было, сменив гнев на милость, Пушкин все же попенял супруге:

- А почему вчера не рассказала? К чему было ждать, пока мне другие не сообщат?

- Другие?! Кто?

- Так почему вчера не сказала?

- Но ты приехал поздно и сразу ушел к себе...

Он вспомнил, смутился. Потом заставил еще раз повторить. Наташа повторила. Злость перегорела, перед ним стояла, оправдываясь, словно маленькая девочка, все та же Наташа Гончарова, по сути, невинная кокетка, попавшая в переделку из-за своей нерешительности и неспособности предвидеть ловушки и защищаться.

- Ладно, женка, молодец, что не скрыла. Только помни мои слова: с Италией и близко больше не знайся, это она все подстроила, тебя спешно вызвала туда, где этот хлюст был. А еще бы лучше, чтобы ты и с ним не кокетничала, до добра не доведет. И от меня ничего не скрывай. Я тебе верю, твою душу знаю, но ты можешь на нас обоих беду накликасть.

Ссора закончилась примирением. Пушкин понял, что зря оставил строгий надзор за женой; пользуясь ее слабиной и наивностью, Наталью Николаевну могли заманить в любые сети, в том числе любовные. На вопрос, почему сохранила записочки от Дантеса, она сначала ответила, что по привычке, мол, хранит все, что получает. Это было правдой, Пушкин сам ругался, что архив жены будет скоро равен его собственному. Но быстро понял, что ей дороги эти записки.

Что в них? Оказалось, ничего особенного, любовный вздор, комплименты, заверения, что нет ее краше и прелестнее.

- И это можно ценить?!

В ответ услышал то, что повергло в шок:

- Но ведь ты давно перестал мне такое говорить... Я только женка, и мое дело рожать детей.

Не удержался:

- Дура! Неужели не понимаешь, что тобой воспользуются, чтобы унижить меня? Неужели не видишь, к чему приведет тебя его страстная любовь?

У нее на глазах снова появились слезы:

- Я верна тебе всегда была и всегда буду. А ты - нет.

Глядя вслед жене, Пушкин только тяжело вздохнул.

Но теперь он знал, что делать: только стреляться! Если он не убьет Дантеса, тот опозорит его семью, обязательно опозорит. Объяснять Наташе, что Дантес пустое место, бесполезно, женщина видит влюбленного в нее красавца и верит всему вздору, который тот несет.

Грозный муж отправил вызов на дуэль Дантеса на имя Геккерна.

Для него не стоял вопрос, чья это работа, долго раздумывать не пришлось. На что рассчитывали те, кто посылал дипломы? На то, что Пушкин поскрипит зубами, побесится, возьмет жену под строгий присмотр,

запретив ей делать без собственного сопровождения лишний шаг. А уж подходить к Дантесу и вовсе запретит.

Кому это было бы выгодно? Прежде всего барону Геккерну. Одно дело, когда его приемный сын волочился за красавицей, но совсем другое, когда стал добиваться ее серьезно. Сорвавшееся свидание состоялось на квартире у Полетики. Пушкин хорошо помнил взгляды, которыми обменивались Идалия и Дантес, ясно, красавица просто не желала отдавать любовника Наталье Николаевне. Муж не сомневался, что свидание жене действительно подстроено, но злился на супругу за ее доверчивость на грани глупости. Ну нельзя же быть такой!

А дуэль для Дантеса, да и Геккерна тоже, это крах... В любом случае крах карьеры. Даже выстрелив в воздух или легко ранив противника, участник дуэли будет сослан. Самому Пушкину это не страшно, на Кавказ не сошлют, а в Михайловское он и сам рад уехать.

Ну что ж, вызов брошен, а дальше как бог даст.

ВЫЗОВ

Дантес был на дежурстве в казарме, а потому письмо вскрыл Геккерн. Барон пришел в ужас, они ожидали от оскорбленного Пушкина бури, думали припугнуть гневом бешеного мужа Жоржа, рассчитывая, что кавалергард отвяжется от красавицы, не рискуя ради Натали класть голову на плаху. Но то, что произошло дальше, казалось кошмаром!

Пушкин очень точно все понял, каким-то внутренним чутьем догадался обо всей подоплеке и совершенно верно нанес удар. Он вызвал Дантеса на дуэль, прислав письмо именно Геккерну. Но дуэль никоим образом не входила в планы ни Геккерна, ни Полетики, ни тем более самого Жоржа. Одно дело волочиться за красоткой и пытаться совратить ее на свидании, и совсем другое – стреляться из-за такой страсти с мужем.

Жорж откровенно испугался. Отношение к дуэлянтам в России суровое, иначе все друг дружку давно перестреляли бы. В лучшем случае ранение и ссылка, в худшем – смерть обоим: одному от пули, другому по приговору через повешение. Это не только провал всякой карьеры, это угроза гибели, в России ссылали под пули на Кавказ. Черт бы побрал этих честных русских красавиц и их сумасшедших ревнивых мужей! Почему Полетика умудряется наставлять мужу рога и при этом жить припеваючи, а эта красотка все рассказывает своему бешеному супругу?

Как бы ни был увлечен Натали Пушкиной Дантес, сейчас он куда сильнее на нее злился, чем любил.

А узнав о дипломе, вообще пришел в ужас: кто придумал отправить этот диплом, да еще не один, а всем друзьям Пушкина?! Ясно – Полетика. Но тогда

почему так ведет себя барон, словно тоже все знал? А может, и знал? Вот пусть он это дело и утрясает, если знал и не предотвратил.

Барон утрясал. Первым делом он приехал к Пушкину с просьбой отложить решение о дуэли на сутки, потому что Дантес на дежурстве и, мол, ничего не знает.

Пушкин, прекрасно видевший все выверты Геккерна, был доволен таким отмщением. Они испугались, ох как они испугались! Но ни жене, ни ее сестрам поэт ничего не сказал, не хотелось слез или истерик. На отсрочку согласился.

Стоило уехать Геккеру, как куда-то засобиралась Екатерина. На вопрос, куда это она, улыбнулась через силу:

– К тетке, обещала.

Азя увязывалась с ней, но Екатерина категорически отказалась. Это сестрам не понравилось совсем. В особенно неприятном положении оказывалась Азя, знавшая подоплеку действий и Екатерины тоже.

Потянулись томительные часы ожидания, Наталью Николаевну от бурных слез спасло только то, что заигралась с детьми. Со своими малышами она забывала обо всем, кроме, пожалуй, одного – их завтра надо чем-то кормить, нужно новое платьице Маше, вырос из штанишек Саша (надобно отложить, Гришке пойдут)...

Екатерина вернулась сама не своя, ушла в свою комнату, Азя метнулась следом:

– Что?

Екатерина в гневе швырнула в сторону муфточку, упала в кресло.

– Что, Катя, что? – Азя опустилась перед сестрой на колени.

– Пушкин вызвал Дантеса на дуэль!

– Что?! Откуда ты знаешь?

- Геккерн сказал. Наш бешеный родственник прислал картель по всем правилам, теперь не отказаться. Мотивирует оскорблением своей супруги. Ты понимаешь, что будет, если эта дуэль состоится?!

Азя понимала, она метнулась к Наталье Николаевне:

- Таша, нужно срочно послать к Жуковскому, только он может спасти Пушкина.

Так и сделали, ничего не говоря самому поэту, отправили в Царское Село за Жуковским брата Ивана, умоляя немедля приехать и вмешаться. Екатерина о чем-то написала Геккерну. На расспросы Ази фыркнула:

- Не лезь!

Та возмутилась:

- Но я-то чем виновна в ваших амурных делах?!

- Да, тебе и своих с Пушкиным хватает! Какое счастье, что Таша не может вызвать тебя на дуэль.

Азя, залившись слезами, бросилась вон.

В доме словно траур - все сидели в своих углах, никто никого не хотел видеть и ни с кем говорить.

Поутру 6 декабря снова приехал барон Геккерн - просить у Пушкина еще одной отсрочки «ввиду некоторых открывшихся обстоятельств». Пушкин почему-то на эти «обстоятельства» внимания не обратил, он больше видел испуг, откровенный страх барона за себя и своего приемного сына. Понятно, что Геккерн боялся дуэли, ведь она означала крах.

Но уступил и Пушкин, он согласился на новую отсрочку. Почему? Как бы ни был он зол на жену и Дантеса, немного остыв и хорошенько подумав, Пушкин осознал, что в случае действительной дуэли он вынужден будет объявить всему свету о том самом свидании Натальи Николаевны с Дантесом! Кто же поверит, что красавица не уступила кавалергарду? Даже если найти десяток свидетелей, которые под присягой подтвердят, что ничего не было, сплетня все равно будет пущена, да еще какая. Только сейчас

Пушкин осознал, что дуэль непременно опозорит его жену!

Именно на это рассчитывали те, кто посылал диплом, – что Пушкин ни на что не решится, только поскрипит зубами, но проглотит оскорбление, выместив злость на супруге, потому что никому, даже друзьям, не сможет рассказать о свидании в квартире Полетики. Теперь у него была общая тайна, и с кем?! С Геккернами. Хуже положения не придумать.

Сгоряча он отправил вызов, но теперь не знал, как быть. Нет, он с превеликим удовольствием бы застрелил Дантеса, а голову ломал только над тем, как вывести из-под удара Наталью Николаевну. Задала ему женка со своими амурами задачу... Лучше было бы и впрямь уехать в деревню, когда она летом просилась. Да только как уедешь, если из-за «Современника» приходилось быть в городе и заниматься издательскими делами? К тому же со службы из-за долгов не отпустят...

Получался замкнутый круг, причем круг этот с самого начала года стал неуклонно сжиматься, грозя задушить совсем.

Геккерн двухнедельной отсрочке обрадовался, он встретил примчавшегося из Царского Села Жуковского и сразу понял, что это тот, кто может все остановить.

Умный Жуковский предпочел поговорить сначала с Пушкиным, но обещал Геккерну сразу же встретиться и с ним тоже.

А дальше начался десятидневный кошмар. Рыдали каждая в своем углу сестры Гончаровы, был в совершеннейшем бешенстве Пушкин, ругалась на чем свет стоит даже тетка Екатерина Ивановна, метался от одного к другому с уговорами Жуковский... Десять дней ноября превратились в страшный сон для семьи Пушкиных-Гончаровых, для Загряжской, Геккернов,

Жуковского и Идалии Полетики, заварившей всю эту кашу... Идалия тряслась у себя дома, прекрасно понимая, что с ней сделает поэт, узнав, чьих рук дело, и молила только об одном – чтобы барон Геккерн не проговорился.

Но барону было не до злой красавицы, открылись такие подробности, что свидание у нее на квартире отошло на задний план.

Екатерина, которой терять уже было нечего, рассказала о своем положении тетке. Загряжская схватилась за сердце:

– Да как ты посмела?! Как ты могла?!

– Про Ташу вы такого не говорите, и про Азю тоже...

– Что Таша?

Екатерина рассказала о странном свидании, но не вполне подробно, осталось неясным, было что-то или нет. Тетке понадобились нюхательные соли... Подержав флакон у носа и немного придя в себя, она строго поинтересовалась:

– А Азя с кем?

– С Пушкиным.

– Что?!

Помимо нюхательных солей, пришлось открыть окно, впустив с улицы холодный ноябрьский воздух. Тетка долго не могла очухаться.

– Всех троих в деревню и под замок! Лучше бы не приезжали.

Екатерина Ивановна прекрасно понимала, что скажут ей родственники, ведь она словно отвечала перед Загряжскими и Гончаровыми за племянниц, приграв их в Петербурге. Чертовы куклы, одна другой лучше! Неужто кровь Загряжских сказывается? Дед был бешеный, да и мать у сестер тоже хороша, одна ее связь с Охотниковым, из-за которой тот погиб, а саму сослали вон замуж за Гончарова, чего стоила.

Екатерина вдруг твердо возразила:

- Нет.

- Что нет?

- Дантес женится на мне, он пообещал. И дуэль не состоится.

Тетка в изумлении раскрыла рот:

- Это кто придумал, барон?

- Нет, я. Вы, тетенька, должны дать согласие при сватовстве, как родственница, и убедить Пушкина забрать свой вызов, чтобы Жорж мог сделать мне предложение.

Екатерина Ивановна снова нюхала соль и обмахивалась веером.

- Да ты на что рассчитываешь? Он же тебя не любит.

- Зато я его люблю и буду любить всегда. Моей любви хватит на двоих. К тому же ребенок не должен родиться без отца...

Тетка долго сидела молча. Потом вздохнула:

- Вот то-то и оно... иначе и разговаривать бы не стала.

Но она не могла видеть никого из Пушкиных, не было сил смотреть им всем в глаза, таким бездумным, повязанным беспутством меж собой. Неужели Пушкин и... Азя?!

- С чего про Азю и Пушкина-то взяла?

Екатерина почти с видимым удовольствием рассказала историю с потерянным крестиком. Екатерина Ивановна снова качала головой:

- Беспутные, все как есть беспутные... Но ты хуже всех!

Но по ее тону Катя уже поняла, что помощь обеспечена. Не потому, что тетка горит желанием выдать племянницу замуж за Дантеса или сочувствует ей, а потому, что постарается скрыть семейный позор.

По этой же причине принялся помогать и Геккерн. Он увидел возможность спасти ситуацию и предотвратить дуэль. Для самой Екатерины это была единственная возможность выйти замуж за любимого человека, и она ею воспользовалась.

Жуковский метался между домами, улаживая и уговаривая...

Тяжелее всего было с Пушкиным. Услышав, что Дантес давно влюблен в Екатерину и намерен даже просить ее руки, поэт хохотал, как безумный:

- Да он просто трус!

Жуковский, уже знавший от Загряжской, в чем дело, попробовал урезонить друга:

- Да чем же это худо?

- Я подлецам своих своячениц не сватаю.

- Чем он подлец, тем, что волочился за твоей женой? Но ведь он и за свояченицей твоей волочился...

Пушкин помрачнел, даже многолетнему другу он не мог открыть правду, не мог сказать о странном свидании, сам Пушкин Наташе верил, но поверит ли Жуковский? От этого вранья было очень не по себе, брало зло. Рассказать об истинной причине вызова на дуэль значило опозорить собственную жену, а этого он сделать не мог. Не сказать - обмануть друзей.

Между честностью с друзьями и честью жены Пушкин выбрал жену. Друзья его не поняли и осудили, потому что его поведение без знаний подоплеки всего скандала выглядело просто нелепым, почти самодурством. После гибели Пушкина Вяземский найдет в себе силы признать, что они вовремя не поняли Пушкина и вместо протянутой руки осуждали.

Но тогда Жуковскому было не до того, он оказался просто принужден поведать правду.

- А... Загряжская знает?

- От нее и я узнал.

Пушкин был в бешенстве, он то метался по кабинету, то кричал, то рыдал от бессилия... Оказаться связанным с Геккернами вот такой тайной, даже двумя, которые он должен скрывать от всех...

- Позвать Екатерину?

- Нет! Нет, я ее убью! Поубиваю всех трех дур!

Понадобилось немало времени, чтобы Пушкин немного успокоился и смог обсуждать что-то. Но он уперся:

- Пусть делает предложение, тогда заберу свой вызов.

В ответ уперся Дантес: сначала отмена дуэли, потом предложение. Он не желал, чтобы само сватовство выглядело, как трусливое бегство от поединка. Жорж твердил, что готов драться, но, даже если останется жив, все равно женится на Катрин.

Пушкин снова хохотал:

- Так в чем же дело? Деремся, я его оставлю инвалидом, отстрелив то, что между ног, и пусть женится.

Но Жуковскому было не до смеха, он снова и снова убеждал Пушкина, ездил к Загряжской, к Геккернам, привлек Вяземского и даже Виельгорского. Но объяснить всем и все было невозможно, и без того уж весь Петербург волновался, забыв обо всех остальных событиях и сплетнях. Никто не мог понять, почему так упорствует Пушкин, разве не достаточно того, что Дантес женится на Катрин, которая вовсе не так хороша, как Натали, к тому же ей 28 лет и нет приданого.

Пушкин был в ужасе: Дантес в одночасье стал героем-рыцарем, который ради спасения чести своей Прекрасной дамы принес в жертву себя самого, согласившись жениться на некрасивой, почти нищей старой деве! И все в угоду ужасному ревнивцу-мужу. Не мог же Пушкин в салонах кричать, что рыцарь сначала

обесчестил эту самую старую деву и пытался обесчестить его жену? Даже друзьям снова ничего сказать не мог. Жуковский, связанный словом, данным Загряжской, тоже молчал. А без знания подоплеки все выглядело просто самодурством.

Откровенно показать всем присланный диплом Пушкин тоже не мог – это унижение самого себя, к тому же письма анонимные, а стреляться из-за анонимных пасквилей значит признавать их справедливость. Куда ни кинь, всюду клин!

Пушкин скрипел зубами, искал повода снова сцепиться с Дантесом, это вывело из себя Жуковского, тот пригрозил прекратить свое участие в этом деле.

Прошли две недели, оговоренные между Пушкиным и Геккерном, Дантес был готов драться, Пушкин тоже. Уже даже назначены секунданты – Владимир Соллогуб и д'Аршиак...

Барон Геккерн снова заметался...

Вообще, для барона это было очень нелегкое время, он уже сотню раз пожалел, что согласился на каверзу, придуманную Полетикой. Сначала все казалось логичным: получив диплом и узнав от супруги о свидании (а если не скажет она сама, можно найти другой способ известить ревнивого поэта), Пушкин должен бы увезти свою красавицу в деревню или запереть дома надолго. Геккерн рассчитывал, что время лечит, и Дантес попросту забудет Натали, но он никак не ожидал ни ее полной откровенности, ни такого же полного доверия к ней мужа (какой же муж поверит, что, оказавшись наедине с таким красавцем, женщина устоит и не отдастся ему?), а главное – точного попадания со стороны Пушкина и его решимости драться.

У Дантеса в голове пусто: как бы тот ни любил карьеру и не испугался сначала, немного погодя он все

же был готов стреляться. Но в планы Геккерна это не входило никак. И тут... узнав от Екатерины Гончаровой, что их близость с Жоржем дала свои плоды, барон сначала пришел в ужас. Еще одна Гончарова?! Черт бы побрал этих сестер! А уж глядя на некрасивую немолодую Катрин, он и вовсе не мог понять своего Жоржа, от этой-то ему что было нужно? Хотя, что нужно – понятно.

И вдруг барона осенило: это выход! Женитьба на Катрин – выход для Жоржа. Однако сам Жорж уперся: ни за что! На него пришлось не просто надавить, его пришлось принудить обещаниями всякой кары в случае отказа и всяческих благ (например, постоянно видеть предмет своей страсти на семейных вечерах). Геккерн привлек к убеждениям Екатерину. Можно только догадываться, какие чувства испытывала бедная влюбленная женщина, когда обещала:

– Я ни в чем не стану ограничивать вас, Жорж. Я не буду ревновать, вы вольны в своих поступках...

Конечно, она безумно ревновала, потому что не бывает любви без ревности, а Екатерина любила, но действительно терпела все выходки мужа и ради него пожертвовала всем: остальной семьей, уважением родных, знакомых, терпела насмешки и унижение, но никогда не жаловалась. Она принесла в жертву своей любви все, в том числе самое себя.

Дантес согласился, но теперь воспротивился Пушкин. По всеобщему мнению, поведение ревнивого мужа было просто самодурством. Жорж пожертвовал собой, пожизненно связав себя с некрасивой нищей старой девой, а Пушкин не желает поступиться малым, всего-навсего протянуть ему руку. И вдруг он позволил себя уговорить... Никто не понял почему.

Пушкин сидел за письменным столом, но писать ничего не мог, даже не читалось. Какое творчество,

если голова шла кругом. Писать невозможно уже которую неделю, но и не писать нельзя – жить будет совсем не на что. Хотя и так не на что...

Тихий стук в дверь заставил его поморщиться. Несомненно, это Наташа, но видеть никого не хотелось. Странно, он же видел, как она ушла спать.

Но в приоткрытую дверь проскользнула не она, а старшая из сестер – Екатерина. Вот уж кого видеть вообще хотелось меньше всех.

Плотно прикрыв дверь, Екатерина вдруг скользнула на колени перед Пушкиным:

– Александр, умоляю, не стреляйтесь с Жоржем! Вы погубите не только его и свою жизнь, но и много других.

Пушкин поморщился:

– Встаньте, Катрин, не стоит стоять перед мужчиной на коленях.

– Я готова на коленях вымаливать у вас отказ от дуэли! Я люблю Жоржа, понимаете, люблю.

– Охотно верю, его многие любят. Более того, знаю о плоде этой страсти.

Екатерина вскинула голову:

– Да, и от этого не отказываюсь. Вы погубите меня с моим ребенком и Ташу с вашими детьми. Как будущая мать, я умоляю вас как отца, знающего, что такое дети. Жорж достаточно наказан, он никак не ожидал за свой глупый флирт с Ташей получить столько переживаний. Поверьте, я постараюсь держать его в руках, он остепенится. Только дайте ему эту возможность.

Пушкин со вздохом поднялся:

– Встаньте, Катрин. Я отзываю свой вызов, пусть Дантес женится на вас. Постарайтесь быть с ним счастливы, хотя, боюсь, это невозможно...

– Благодарю вас!

Екатерина выскользнула из кабинета Пушкина и почти сразу натолкнулась на Наташу, та приложила

палец к губам, призывая к тишине. Пробрались в будуар Наташи.

- Ну что?

- Он согласился забрать вызов.

Пушкина перекрестилась:

- Слава богу!

«Графу В. А. Соллогубу.

Я не колеблюсь написать то, что могу заявить словесно. Я вызвал г-на Ж. Геккерна на дуэль, и он принял вызов. Не входя ни в какие объяснения. Я же прошу теперь господ свидетелей этого дела сообразовывать считать этот вызов как бы не имевшим места, узнав из толков в обществе, что г-н Жорж Геккерн решил объявить о своем намерении жениться на мадемуазель Гончаровой после дуэли! У меня нет никаких оснований приписывать его решение соображениям, недостойным благородного человека.

Прошу вас, граф, воспользоваться этим письмом так, как сочтете уместным. Примите уверения в моем совершенном почтении.

А. Пушкин».

Пушкин со вздохом перечел письмо, сложил, запечатал и отправил Владимиру Соллогубу. Это - отказ от дуэли, отказ всем в угоду - Жуковскому, друзьям, семье, Екатерине, вчера лившей слезы у его ног, даже государю.

Интересно, а Наташа поняла, какая каша заварилась из-за ее глупости? Едва ли. Перепугана, но себя считает невиновной, все время твердит одно и то же: «Я не сделала ничего дурного!» - словно замужней женщине пристало принимать ухаживания красавца-кавалергарда. Если Наташа не поняла - плохо, это значит, что неприятности еще будут. Но сейчас у Пушкина просто не было сил вести с женой задушевные

беседы, пусть себе... Пока она перепугана, будет тиха, а потом как-то объяснятся.

В женитьбу Дантеса он не верил, поморочит Екатерине голову и найдет повод не ходить на собственное венчание. В этом Пушкин был готов биться об заклад, что он немного погодя и сделал.

В совершенно дурацком положении он окажется, если вызов отозван, а Дантес промедлит. Но думать об этом тоже не хотелось.

Секунданты были очень рады, немедленно были приняты соответствующие действия...

В ноябре дуэль не состоялась, она произошла в январе. А тогда смогли договориться секунданты. Осторожно, умно ведя переговоры, д'Аршиак доделал то, что не смог Жуковский и остальные.

Хотя сам Василий Андреевич внес еще один вклад в уговоры оскорбленного поэта – он пожаловался на Пушкина царю. Не сказать было невозможно, все же двухнедельное отсутствие наставника цесаревича незамеченным быть не могло, пришлось Жуковскому держать ответ, где это пропадали столько времени и чем занимался, тем более Петербург полнился слухами... Государь лично захотел поговорить с Пушкиным.

В доме княгини Волконской на Мойке в квартире Пушкиных сумрачно уже который день. Хозяин мрачен, сестры притихли, даже дети, словно чувствуя настроение взрослых, не шумели, как обычно.

17 ноября обед проходил молча и напряженно, Пушкин не глядел на свояченицу, словно и не было вчерашней мольбы на коленях, а та в ужасе гадала, помогло ли.

И вдруг слуга объявил о приходе д'Аршиака. Наталья Николаевна и сестры замерли, вытянувшись, Пушкин спокойно встал и вышел. Те полминуты, что

Пушкин говорил с секундантом Дантеса в прихожей, показались всем вечностью. Неужели дуэль?! Как еще предотвратить? Теперь уже она готова сама идти к Дантесу и стоять перед ним на коленях, умоляя не стрелять в мужа, но хорошо понимала, что сделает Александр с ней самой даже за одно такое намерение, если узнает о нем.

Пушкин вернулся к обеденному столу с письмом в руке. Спокойно сел, распечатал конверт... Пробежал глазами послание, с насмешкой поднял глаза на свояченицу:

- Поздравляю вас, вы - невеста.

Екатерина нервно вздохнула, моргнула, стараясь сдержать брызнувшие из глаз слезы, и бросилась прочь из столовой. Натали, растерянно оглянувшись на мужа, метнулась следом... Азя не стала выбегать за сестрами, они остались с Пушкиным вдвоем.

- Вы тоже думаете, что на квартире Полетики ничего не было?

Азя даже вздрогнула от такого вопроса, но тут же заверила:

- Нет, нет! Таша приехала такой перепуганной. Когда изменяют мужу, так не волнуются.

Пушкин расхохотался:

- Откуда вам знать, как изменяют мужу?

- Вера Федоровна Вяземская сказала, что Таша примчалась к ней прямо с квартиры в таком состоянии, что за нее было страшно. Она действительно сильно испугалась Дантеса...

Лицо Пушкина вытянулось:

- Вяземская? Наташа поехала от Полетики к Вяземской и все ей рассказала?!

Александра поняла, что сказала лишнее, но деваться некуда:

- Их квартира всех ближе....

- Дал господь дуру в жены!

Пушкин тоже вышел из-за стола, заперся в кабинете. Он скрывал от друзей, он от всех скрывал, молча скрипел зубами, чтобы только не подумали о ней ничего дурного, а она сама заявила прямо со свидания к Вяземской и все выложила! Хорошо, что та не болтушка, но наверняка же сказала мужу... Святая простота иногда граничит с глупостью, а та дорого обходится в свете.

Дантес после получения известия от Соллогуба действительно спешно отправился к Екатерине Ивановне Загряжской, как к старшей из родственников Гончаровой.

Буквально за четверть часа до этого примчался из Москвы Дмитрий Николаевич и, как был в дорожной одежде, зашел к тетке, не рискуя появляться сразу у Пушкиных. Загряжской удалось перекинуться с ним несколькими словами, коротко объяснив ситуацию: мол, Дантес, который ухаживал за Натали, ныне сватается к Екатерине. Жених завидный: молод, красив, богат, одной ренты годовой на 70 000 рублей, Катрин его обожает, все счастливы, один Пушкин зол, как черт, но он всегда таков.

Дмитрий Николаевич, хоть и чувствовал, что что-то не так, объявил согласие от родителей и себя лично.

- Ну вот и славно, а то вон, гляди, Геккерны и приехали.

- Нет уж, тетушка. Принимайте их сами, я свое слово сказал и родительское передал. В дорожном платье да уставший... Сами уж, сами...

Геккернов Екатерина Ивановна приняла строго, почти сурово. Не то положение, чтобы такому сватовству радоваться. Когда барон заметил это, Загряжская фыркнула:

- Кабы сначала сватали, а после дела амурные делали, я бы радовалась...

Но дело было сделано, сватовство прошло, согласие получено, дуэль отменена, все шито-крыто...

Жуковскому, который сидел в неведении как на иголках, отправлена записка:

«Слава богу, кажется, все кончено. Жених и почтенный его Батюшка были у меня с предложением. К большому счастью, за четверть часа пред ними приехал из Москвы старшой Гончаров, объявил Родительское согласие, и так все концы в воду».

Государь действительно поговорил с Пушкиным. О чем? Бог весть, конечно, о несостоявшейся дуэли, об отношениях с Дантесом, о том, чтобы получше смотрел за женой... Но главное – император взял с Пушкина слово не стреляться никогда, ни при каких обстоятельствах. Почему Пушкин такое слово дал? Наверное, было что-то, чем смог убедить его Николай Павлович. А еще государь обещал не оставить его семью... в случае чего... Об этом Пушкин сказал Жуковскому вскользь.

Странное обещание после требований избегать дуэли. Может, Пушкин спросил, что было бы с семьей, погибни он на дуэли?

До поэзии ли ему было, до прозы ли литературной, когда творилось такое...

В одном Пушкин оказался тверже гранита: он категорически отказался посещать Геккернов и принимать их в своем доме. Но встречаться приходилось, потому что остальные вовсе не были намерены отказывать Дантесу. Свет хоть и велик, но тесен, почти каждый день, выезжая, Пушкины сталкивались с Дантесом, Екатерина спешила к жениху, хотя виделась с ним и без того то у тетки Загряжской, то дома у самого Дантеса. Вынуждена была беседовать с женихом своей сестры и Наталья Николаевна.

Внешние приличия соблюдены, Екатерина получала желанного мужа, началась подготовка к свадьбе.

Поскольку совсем недавно ни Екатерина, ни Александра замуж не собирались, ни приданого, ничего подобного готово не было, как и платья для невесты. Квартира Пушкиных поневоле превратилась в подобие модной или бельевой лавки, как писал сам поэт отцу. Сестры даже радовались, Пушкин бесился.

Он всегда недолюбливал именно Екатерину, но по мере возможности заботился о ней, а теперь Кока, как звали Екатерину дети, представлялась ему только шпионкой Геккернов в собственном доме. Такого не придумаешь в страшном сне – породниться с Дантесом, которого неимоверно хотелось пристрелить! Если бы не положение Екатерины, с которым приходилось считаться, Пушкин никогда бы не позволил уговорить себя забрать вызов.

Но из-за этой свояченицы испортились отношения и с теткой, с которой у Пушкина всегда было понимание. Тетка к ним больше не ездила, а он не ездил к Екатерине Ивановне, не в силах простить, что та принимает Дантеса и даже позволяет ему встречаться с Екатериной у себя дома.

Свадьба назначена на январь, но Пушкин в нее не верил, он заключил несколько пари о том, что Дантес сумеет избежать нежелательного брака.

– За границу сбежит или удавится. Но если не женится, я его пристрелю!

Пытаясь свести к шутке, Азя смеялась:

– Как можно пристрелить того, кто удавился?

Шутка выходила невеселой, но Пушкин подхватывал:

– Из петли вытащу, чтобы пристрелить.

Такие разговоры шли только в отсутствие Екатерины, которая то ли делала вид, то ли действительно была счастлива. Наташа осторожно

улыбалась, она боялась сказать лишнее слово в присутствии мужа.

Но шли дни, росла гора всякой сшитой и вышитой всячины, которую приносили портнихи и продавцы, квартира действительно заполнилась тряпками и шумом. Пушкин старался как можно меньше бывать дома, но к кому-то идти тоже не хотелось. Слушать расспросы, поздравления, делать вид, что доволен... Как надоело притворяться!

Поневоле стал больше сидеть в архивах, выписывать необходимое для работы...

Но приближались рождественские праздники, а с ними веселье, визиты, балы, рауты, на которых поневоле предстояло бывать и улыбаться.

Женщины занимались предсвадебными хлопотами, а он поневоле вернулся к повседневным делам и заботам. Занимаясь делами чести, Пушкин какое-то время не мог заниматься никакими другими. Он давно не писал, но не мог уделить время журналу, а дела не терпят небрежения.

Первые два номера «Современника» были раскуплены менее чем наполовину, второй немилосердно обруган критикой, в том числе Белинским, третий, хотя и получился весьма хорош, только-только окупил расходы на себя, имей Пушкин возможность заняться всерьез четвертым, он, может, и стал бы успешным. Но Пушкину некогда, он собрался стреляться, и остальные заботы отошли на второй план. Результат оказался более чем плачевным. Четвертый номер журнала принес 7500 рублей прямых убытков.

Семь с половиной тысяч, при том что твердого дохода всего 5000 рублей за место в Коллегии, да и те полностью высчитывали в казну за взятый долг.

Не так давно он писал жене, что им для жизни нужны 60 000, а то и все 80 000 рублей в год, которые

он непременно будет зарабатывать! Тогда надежды были на «Современник», теперь надеяться не на что...

Жене-то что, не у нее долги, не ей этим заниматься. Живет, как пташка божия, порхает по салонам да балам, чирикает, слушая комплименты. А он? Стало не то чтобы себя жаль, но несколько обидно, что все заботы на нем, и даже с друзьями ныне непонимание.

В прихожей шум, кто-то пришел. Пушкину хотелось крикнуть, чтобы не мешали, знают ведь, что по утрам его трогать нельзя, если всю ночь работал, то спит, а если, наоборот, ночью спал, то работает. Он и ночью не спал, и сейчас не работал.

Наталья Николаевна поспешно вышла, пыталась кого-то успокоить. Обычно Пушкин просто злился, но сам не показывался, распорядившись гнать всех в шею. Это жена любезничает с каждым, словно больше заняться нечем! Брала злость, в последнее время его раздражало все: шум, голоса, музыка, даже дети.

Вскочил из-за стола, за которым просто пытался рисовать на листе, бесцельно водя карандашом по бумаге: ему не только не писалось, но и не рисовалось тоже. Взялся уже за ручку двери, чтобы резко отворить, накричать, и вдруг услышал:

- Дмитрий Николаевич, я вас прошу, не шумите... Пойдемте поговорим в мой будуар, чтобы не мешать Александру Сергеевичу. Он работает...

Что это? Дмитрий Николаевич - это брат Наташи. Неужели он вернулся в Петербург?! Всколыхнулась надежда, что привез денег! Пушкин уже почти рот открыл, чтобы закричать, зовя к себе, но вовремя сообразил, что голос вовсе незнакомый, да и звать брата по имени-отчеству и так официально Наталья Николаевна не стала бы.

Теперь полыхнуло совсем другое чувство: поклонники решили приходиться прямо на дом?! Ревнивая

кровь ударила в голову. Но он тут же осадил сам себя: с ума, что ли, сошел, какие поклонники? Какой бы ни была у него жена кокеткой, до такого не додумается. Тогда кто же это?

На цыпочках подкрался ко второй двери, прислушался, приложившись ухом. От услышанного стало совсем худо.

- Я, барыня, к вам со всем уважением.

- Я тоже, Дмитрий Николаевич, поверьте.

- С долгом потерпеть могу, конечно, но хочу, чтобы вы помнили о нем.

- Мы помним.

- И потому с вас не требую срочно, что уважаю вашего супруга Александра Сергеевича как первого поэта. И хочу, чтобы он тоже помнил, кто ему одолжение делает всякий раз.

- Дмитрий Николаевич, уверяю вас, и Александр Сергеевич помнит. Он тут вам книжку свою подписал... Видите: от автора. Возьмите подарок. И подождите с долгом еще немного, брат только до имения доедет, сами знаете, у нас свадьба была, потратились сильно, но он доедет и мне деньги вышлет, обещал. Как только привезут деньги, я вам первому долг отдам.

- Весьма вами, барыня, доволен и за подарочек благодарствую, но вы все ж самому господину Пушкину про должок напомните, чтоб он тоже понимал, кто ему одолжение делает всякий раз...

- Ну, конечно, напомню. Сегодня же напомню. Он работает с утра, потому беспокоить не велит, на цыпочках ходим...

Жене, видно, удалось выпроводить какого-то заимодавца. Кого? Пушкин не мог такого вспомнить. Обожгла мысль, что Наташа заняла у кого-то, о чем он не знает, и попала в денежную кабалу, как и он сам. Стало очень горько, что жена не доверила такое. Сам он

далеко не во все ее посвящал, но он муж, глава семьи, это совсем другое.

Проводив нежеланного визитера, Наталья Николаевна вернулась в гостиную и увидела мужа. Явно смутилась:

- Что, Саша, мы тебе помешали? Извини, как ни старалась, тихо не вышло...

- Кто это и сколько ты ему должна?

- Почему я? Мы. Это зеленщик, дает все в долг, за деньгами ходит не столько чтобы их получить, сколько чтобы господа Пушкины знали, кто их благодетель. Я думала, тебе ни к чему с ним встречаться, сама справлюсь. Дмитрий денег из Завода пришлет, отдам.

Пушкин заскрипел зубами.

- Часто ты так?

- Все ходят, Саша. Но с этими я справлюсь. Мы портному много должны, Рождество скоро, Новый год... даже подарки детям купить не на что... И заложить больше нечего.

Он помрачнел совсем:

- Мне даже в рост не дадут....

- А мне?

Вскинул голову:

- Юрьев разве что?

У известного ростовщика Юрьева процент немалый, надолго не дает, но когда взять совсем негде, так и к нему пойдешь. А чем возвращать?

- После Нового года «Капитанская дочка» выйдет, да маленького формата «Евгений Онегин» - выкрутимся, а там, глядишь, и еще что-то пойдет...

Наталья Николаевна хотела сказать, что на чердаке полно нераспроданных книг, но поддержала мужа:

- Все образуется, Саша. Так, ты думаешь, взять у Юрьева?

На мгновение он задумался, но всего на мгновение, возможность хоть на месяц отсрочить полный крах

обрадовала:

- Возьми, пожалуй.

30 декабря отставной прапорщик Василий Гаврилович Юрьев денег жене Пушкина дал - 3000 рублей, как просила, до конца февраля, дольше не мог.

- А вы знаете, что Александр Сергеевич у меня до первого февраля десять тысяч занял?

Хорошо, что она в это время стояла, почти отвернувшись и держась за стул, не то непременно упала бы. Не в силах вымолвить слова, кивнула - мол, знаю...

Юрьев только головой покачал:

- Вы уж постарайтесь, госпожа Пушкина, чтоб все вернули вовремя, у меня деньги тоже не лишние. Я процентами живу, сами знаете.

И снова пришлось лгать про деньги из Завода от брата, которые вот-вот придут... Поверил.

Наталья Николаевна не стала говорить мужу, что знает о его долге ростовщику. Взял 10 000 рублей, значит, вернуть должен 13 000. И она теперь почти 4000. Итого 17 000 рублей срочного долга. А поступлений не будет.

Петля затянулась еще...

РОДСТВЕННИКИ. ДУЭЛЬ

Это была странная свадьба. Сначала в нее никто не верил, Пушкин даже пари назаключал, что Дантес сбежит, но тот не сбежал. Потом 10 января на венчании сначала в римско-католической церкви Св. Екатерины, а потом в православном Исаакиевском соборе, потому как жених и невеста разного вероисповедания, со стороны невесты присутствовали только Екатерина Ивановна Загряжская, сестры Наталья Николаевна и Александра Николаевна и братья Дмитрий и Иван. Наталья Николаевна и вовсе сразу после венчания уехала домой.

Семья невесты словно старалась, чтобы о свадьбе знали как можно меньше, Загряжская даже со скандалом выпроводила Софью Карамзину. В этом был свой резон, Софья ненавидела Пушкину и была известной сплетницей, все происходившее, каждое слово, каждый взгляд, каждый вздох назавтра были бы известны всему Петербургу. Чтобы удалить главную наблюдательницу, тетка пошла на невежливость, если не большее, чего за ней никогда не водилось.

Братья невесты даже не побывали на свадебном обеде, который состоялся у Строгановых, мало того, уехали, не простившись ни с молодыми супругами, ни даже с теткой. Это более чем странно.

А объяснялось все просто: Наталья Николаевна по окончании церемонии устало и облегченно вздохнула:

– Ну, слава богу, произошло!

Дмитрий Николаевич, которому надоели все загадки, решил взять брата в оборот:

– А ну-ка, Иван, рассказывай, что у вас тут за странности? Почему это Таша радуется, словно боялась, что не случится?

Иван попробовал юлить, в прошлый приезд старшего брата ему удалось отвертеться, но теперь Дмитрий был настойчив:

- Не крути, негоже. Все одно уж, венчание состоялось...

Пришлось младшему пересказывать сложности предыдущих месяцев и подозрения.

- Вот почему тетка и Таша так рады, что свадьба состоялась... Вот почему Пушкин бесится, а Дантес от невесты нос в сторону воротит. Куда ж тетка смотрела? Она же обещала за Катей приглядеть, когда к себе звала.

Братья уехали в тот же день, сильно обидев тем самым Екатерину Ивановну Загряжскую и озадачив Екатерину, теперь уже Геккерн. Тетка переживала, считая себя виноватой, что недоглядела за племянницей, а Катрин боялась, как бы Дмитрий не урезал ей содержание, а то и вовсе не прекратил.

Она тут же отправила брату письмо с мягкими упреками, уверениями в своем полнейшем счастье с молодым мужем и просьбой высылать содержание ежемесячно и в срок, потому что просить на мелкие расходы и свои надобности у барона Геккерна ей казалось неудобным.

Возможно, теперь Екатерина, старательно делавшая вид, что счастлива, начала сознавать, что связала свою жизнь с человеком, пусть и любимым, но совершенно ее не любящим. Но она решила бороться за свое счастье, не подозревая, что главная трагедия еще впереди.

Отшумели рождественские праздники, прошли новогодние, уехала из дома Екатерина, чтобы больше никогда в него не вернуться и даже не войти, жизнь, казалось, вошла в колею. Но что это была за колея!

Снова цепкой лапой охватило безденежье. Пока сначала переживали из-за возможной дуэли, потом

готовились к Катиной свадьбе, о собственных проблемах забывалось, теперь они вернулись и грозили опрокинуть весь мир.

Пушкин получил некоторые суммы за новый выпуск «Евгения Онегина», это дало возможность заплатить долги хотя бы поставщикам провизии, иначе и есть нечего. Но на основные долги, множество первостепенных, которые требовалось вернуть в ближайшее время, оплату квартиры, в которой жили, денег по-прежнему не было. Приближалась катастрофа, настоящая, неминуемая...

Но показывать эти заботы ни детям, ни сестре нельзя, Азя и так свои ценности отдала, даже любимый серебряный кофейник. У Екатерины теперь деньги есть, у нее супруг состоятельный, 70 000 в год одной ренты. Но вот у кого и спрашивать никогда не станет, там все деньги у Жоржа, лучше уж в Михайловское или на Заводы пешком и босой уйти, чем у Жоржа просить.

Мелькнула мысль спросить у тетки, но Наталья Николаевна отогнала ее, Екатерине Ивановне еще платить за их с Азей бальные платья... На два они наскребли, по одному переделать удалось, хорошо получилось, сами справились, а вот остальные – теткина забота. Стыдно уже в глаза смотреть: сколько живет в Петербурге, столько в теткиных подарках на балы ездит.

Положение хуже некуда. Работать у Пушкина не получалось, она прекрасно понимала почему, сама не могла ничем заняться, все из рук валилось. Забывалась только на балах. Дома все мысли бывали о детях, что с ними будет через несколько месяцев, чем кормить завтра, что снова и снова отвечать булочнику, зеленщику, прачкам, как краснеть перед мадам Сиклер в модной лавке, что говорить портному, который обшивает мужа...

Пушкин мрачнел день ото дня, и никто не понимал истинной причины, а Наталья Николаевна нашла другой выход – она веселилась. Не потому что была бездумна или слишком легкомысленна, скорее напротив: понимая, что скоро крах, она как утопающий хватала ртом воздух, торопясь этим воздухом насладиться.

Когда видела вокруг великолепно одетых, нарядных людей, слышала веселую речь, когда начинала звучать музыка, забывала обо всем, словно стряхивала с себя груз проблем, подчинялась музыке и движению танца. Она старалась не пропускать вечера, балы, рауты, будто чувствовала, что это последний вот такой сезон.

Плавное скольжение, легкий поворот прелестной головки, улыбка, милые приветствия, кивки, смех... И не думать, что с утра нужно отправлять слуг в лавку с очередным заверением, что деньги вот-вот придут, ну практически завтра, а может, и сегодня вечером! Только эти «завтра» длятся давным-давно, и деньги ждать неоткуда.

Она вкладывала свою руку в ладонь партнера и подчинялась ему, плывя в танце... Жила с широко закрытыми глазами, в вихре танца хоть на несколько часов забывались проблемы...

Но забывались только у Натальи Николаевны, Пушкин не танцевал и комплиментов не слушал. Им не восхищались, было не за что, потому что стихов в альбомы больше не писал, сам ни за кем не ухаживал, разговор своим остроумием не оживлял, на балах стоял в стороне, прислонившись к стене или столбу, и мрачно наблюдал за супругой.

Друзья, прежде горой стоявшие за своего Пушкина, теперь ворчали на него из-за Геккернов, даже у Карамзиных осуждали его упорство в нежелании принимать у себя родственников. Пожаловаться на безденежье и финансовый крах он никому не мог, взято

в долг почти у всех и занимать еще не то что неловко – преступно, да и у всех свои проблемы.

Поправить его положение, вернее, содействовать поправке мог только один человек – император. Возможно, приди к нему Пушкин и честно признайся в своих долгах, Николай Павлович нашел бы выход – дал ссуду из казны, позволил уехать в деревню, заказал большой труд вроде «Истории...» Карамзина...

Но как это сделать, если карточные долги больше всех остальных? Если два года назад государь дал 20 000 рублей на издание «Истории Пугачевского бунта», а потом и распорядился, чтобы издание прошло за счет казны, а книга валяется на чердаке в пыли, продано всего 1225 экземпляров, а 1775 остались никому не нужными? Какую еще историю может заказать ему император?

И «Современник», который ему разрешили, а другим подобное более не дозволяют, тоже не пошел, одни убытки... Последний, четвертый номер принес 7500 рублей чистых убытков. Получено разрешение на пятый, материалы даже цензуру прошли, а издавать не на что.

Вот и стоял мрачный «вулкан» в стороне, кусая ногти и исподлобья наблюдая за танцующей супругой. Только в одном случае он отворачивался – если Наталье Николаевне приходилось принимать приглашение на танец своего зятя Жоржа Геккерна. Не принимать нельзя, хоть изредка, но танцевала, а Пушкин в это время старался вообще из залы уйти.

Но ногти он не кусал, слишком ценил свои ухоженные ноготочки, чтобы их обкусывать, недаром же писал когда-то, что быть можно дельным человеком, заботясь о красе ногтей. Нет, Пушкин скрывал нервный тик, который появился в уголке губ и ясно проявлялся, когда он начинал злиться в обществе.

Наталья Николаевна сначала была напряжена, почти скована, но потом музыка и движение увлекало, и

она словно улетала от мужа, от забот, от всех неприятностей... Мадонна улетала, покидала его, мрачного, задерганного, временами готового вцепиться в кого-нибудь своими отполированными ногтями. Ему казалось, что она слишком много кокетничает, слишком внимательна к комплиментам, особенно тем, что говорит Дантес, слишком много улыбается зятю... Он не понимал, что иначе она не может, она не знала, как поправить положение. Росло непонимание...

Петля затягивалась все туже...

Когда различие между чересчур мрачным Пушкиным и его веселой супругой стало слишком заметно, в дело решил вмешаться император. Во время одного из танцев Николай I попросту побеседовал с Натальей Николаевной, отечески упрекнув ее и посоветовав вести себя осторожнее. Пушкин видел, что император разговаривал с его женой, видел, как почти покраснела Наталья Николаевна, как кивнула явно смущенно. «Вулкану» не нужно было подсказок, все сказали подозрения: договаривались о встрече?!

Наталья Николаевна в ответ на вопрос мужа снова смутилась и пересказала разговор. Вообще-то это было позором – император почти упрекал Пушкину в ее поведении, вот до чего дошло! И хотя все было сказано очень и очень осторожно и тактично (Николай I слишком хорошо знал взрывной нрав первого поэта), Пушкин воспринял болезненно, решив и сам поговорить с императором.

– Ваше величество, благодарю за добрые советы, высказанные моей жене.

– Разве ты мог ожидать от меня другого?

– Не только мог, но, признаюсь откровенно, я и вас самих подозревал в ухаживании за моей женой.

Император даже не нашел что ответить, молча глядя на Пушкина. Хотелось сказать, что неумен тот,

кто даже при такой красоте, как у Натальи Николаевны, рискнет ухаживать за ней, зная характер ее супруга. Именно поэтому Николай Павлович не любил глупца Дантеса, прекрасно понимая, что тот провоцирует Пушкина на нечто страшное. Но ведь сам император взял с Пушкина слово ни в коем случае не стреляться, то есть лишил его последнего права защитить честь свою и своей жены.

Беседа с императором словно еще одна пощечина. Какая уж тут просьба о помощи, об отъезде в деревню и погашении долгов! Поэт выглядел и чувствовал себя загнанным в угол полностью.

Пушкин сидел за столом, зачем-то переписывая материалы о... Камчатке. Зачем? Собирался о ней писать? Скорее одолели мысли о том, что есть край, где почти нет людей, нет света, императора. Нет подобных Дантесу, а если и есть, их можно просто застрелить, не спрашивая ни у кого разрешения и не думая, «что станет говорить княгиня Марья Алексевна».

Рука водила пером по бумаге, но мысли то и дело возвращались от далекой Камчатки в Петербург. В конце концов он отложил перо и устался в одну точку на обоях.

Почему Дантес так осмелел? Потому что теперь родственник? Но он прекрасно понимал, что родство для Пушкина не преграда. Так почему же Дантес перестал бояться вызова на дуэль?

Сколько ни думал, вывод получался один: наглый приемный сын барона знал, что Пушкин его не вызовет, но не из-за родства, а потому что связан словом. Но словом Пушкин связан только с императором. Неужели Дантес как-то узнал о данном Николаю I обещании? От кого он мог узнать? Только от Жуковского или...

Поэта прошиб холодный пот – неужели Наташа спасала своего поклонника?!

– Наташа... Наташа, поди сюда.

Она вошла в кабинет осторожно: столько всего случилось за последние дни, что от любого зова мужа следовало ожидать только неприятностей. Но ее вид не тронул Пушкина, он смотрел почти зло:

- Ты говорила Дантесу о моем обещании царю не стреляться на дуэли?

Наталья Николаевна откровенно испугалась:

- Нет, что ты?! Я не разговариваю с Жоржем. Только общие фразы, как со всеми...

Его резануло по душе это «Жоржем». Неужели не видит, как «дорогой Жорж» наглеет с каждым днем, неужели не понимает, что тот вот-вот переступит границу приличий?

- А кому говорила, сестрам?

- Только Азе...

Пушкин нервно захохотал:

- А Азя Коке, а Кока своему дорогому супругу!

- Но...

Он взорвался:

- Дура! Сколько раз я тебя просил, что то, что есть между нами, не должно быть известно другим?! Сколько раз твердил, чтобы ты не писала чепухи в письмах и не показывала мои письма никому! Наши дела - это наши, понимаешь?!

Наталья Николаевна с ужасом смотрела на метавшегося по кабинету мужа, стало страшно, казалось, он сейчас набросится и просто разорвет ее в клочья! Пушкин был страшен, душила обида, ведь даже жена, пусть и невольно, но оказалась против него.

Друзьям он ничего не мог рассказать, чтобы не опозорить ее же, его упорного непризнания Геккернов не понимали, осуждали даже самые близкие - Вяземский, Карамзины... Тетушка Екатерина Ивановна, которой всегда можно было поплакаться, пожаловаться на жизнь, теперь тоже держалась как можно дальше от

обеих семей, избегая неприятностей, и, видно, была весьма сердита.

Азя зналась с Екатериной, пусть и поневоле, но ведь зналась, каждое услышанное ею слово могло стать известно Геккернам. И наверняка становилось, недаром барон знал обо всем, что происходит у Пушкиных.

А теперь еще и Наташа.... Если уж жене нельзя доверять, то кому же можно? Он ей верил, даже когда ревновал и бесился, когда уезжал, верил своей Мадонне. Он и сейчас верил, знал, что не изменила и не изменит, разве что мысленно... Мысленно? Не потому ли хранила записки Дантеса?

От этого понимания стало совсем плохо, Пушкин посмотрел на Наталью Николаевну и едва не поинтересовался: будь у нее выбор, за него пошла бы или за Дантеса? Чуть не спросил, как поступила бы, умри он вдруг в начале ноября и оставь ее вдовой? Нет, Дантес не такой дурак, чтобы жениться на красавице вдове с четырьмя детьми, но как поступила бы она сама, будь ее воля.

Хотел спросить и... не смог. Потому что испугался возможного ответа! Он сам приучил жену к откровенности, а если она откровенно ответила бы и сейчас?

Понимание, что и Наташа может оказаться не с ним, повергло в полное отчаянье.

Петля затянулась окончательно, оставалось только выбить скамью из-под ног...

23 января настроение было отвратительным у обоих. Стремительно приближались даты выплат по векселям, а ничего нового не поступало. Как ни старалась не думать, не получалось уже и у Натальи Николаевны.

- Как не хочется ехать на этот бал! Может, сказаться больной?

Пушкин хмуро ответил:

- Собралась уж...

Собралась, и Александра тоже. Карета готова... Ах, если б знать, что произойдет! Она бы не только на бал не поехала, но и вовсе из Петербурга прочь бросилась.

У графа Воронцова-Дашкова многолюдно, шумно, весело... Впрочем, как обычно, свету нет дела до мрачного настроения Пушкиных, свет желает веселиться.

Пушкин сразу заметил Геккернов, Екатерина поспешила к сестрам, Дантес с ней, Наталье Николаевне пришлось здороваться, улыбаться сестре, ну и ее супругу. Тот сразу попросил танец.

Пушкин отвернулся, не желая не только говорить с Дантесом, но и видеть, как это делает жена. Наталья Николаевна покачала головой:

- Я не танцую, простите. Не сегодня...

- Так когда же? Когда я смогу обнять вашу восхитительную талию?

Снова вольности, за которые полагается пощечина, но сказано родственником, и, хотя это его не извиняет, столь бурно реагировать не стоит.

Дантес прекрасно понимал, что Пушкин все слышит, собравшихся уже много, но у ревнивого супруга ушки на макушке. С каждым днем, с каждой минутой выходки этого мерзавца становились все наглее и невыносимее. Дантес балансировал на грани приличия, пока балансировал.

- У вас есть талия вашей супруги, мсье Дантес!

Почему они не ушли тогда же? Просто потому, что это выглядело бы смешно. Хотя было ясно, что легким оскорблением Дантес не обойдется. На них уже обращали внимание, поджидая новую выходку красавчика.

Наталья Николаевна шепнула сестре:

- Угомони своего мужа, дело может плохо кончиться.

Екатерина только плечами пожала:

- Не давала бы повода, он не оскорблял бы...

- Какая ты все же, Катя! - зашипела на нее Александра.

Дантесу очень нравилось ожидание собравшейся публики, нравилось дразнить, выводя из себя Пушкина, он упивался всеобщим вниманием и с удовольствием наблюдал, как закипает горячая кровь супруга предмета его страсти.

И вдруг...

- О... теперь я знаю, что тело госпожи Пушкиной лучше тела моей жены...

Все слышавшие обомлели. А Дантес, поцеловав руку Екатерины, со смехом добавил:

- Мне об этом сказал их педикюрщик...

Произнесено по-французски, получился каламбур, игра слов - «тело» и «мозоль» по-французски звучат почти одинаково.

Побледнела Екатерина, а у Натальи даже дыхание остановилось.

Никто не сомневался, что уже завтра весь Петербург с удовольствием станет повторять эту гадость в гостиных.

Наталья Николаевна не помнила, как вернулась домой, где Пушкин молча прошел в кабинет и плотно закрыл дверь.

На предложение горничной раздеться она только устало покачала головой. Нет, ничто не имело смысла, ничто. Александра тихонько скользнула к себе в комнату.

Такого унижения Наталья Николаевна не заслужила бы, даже каким-либо образом ответив на приставания Дантеса. Но ведь она не ответила! Нравился Дантес?

Да, до тех пор, пока не стал слишком наглым, его ухаживание и откровенное восхищение были приятны, пока его комплименты не переходили рамок приличий, слушала с удовольствием, а кто из женщин отказался бы от комплиментов, высказанных признанным красавцем?

Наталья Николаевна вспоминала все происходившее с того времени, как Дантес начал настойчиво ухаживать за ней. Со стороны кавалергарда это была настоящая охота. Пользуясь тем, что влюбленная в него Екатерина старалась, чтобы сестры оказывались там, где можно встретить Дантеса, Жорж принялся просто преследовать Наталью Николаевну. Довольно быстро его ухаживания стали слишком назойливыми, даже будь она свободна, откровенный напор оттолкнул бы. Наташа не привыкла к столь бесцеремонному способу завоевания. Пушкин в свое время был весьма настойчив, но куда более деликатен. Он завоевал свою Мадонну, только совсем иначе...

Ей вдруг стало не по себе: но ведь муж видел эти притязания и, словно посторонний, наблюдал, как Дантес не дает прохода его супруге. Почему же тогда Пушкин не защитил, не остановил, не запретил, наконец?! Она просила летом уехать в деревню, даже дорогую ему Азю взять с собой – отказался. Чего Пушкин ждал, наблюдая неравную борьбу жены с искушенным французом? Хотел убедиться, что ее не сломать? Проверял верность?

Наталье Николаевне вдруг стало очень горько и обидно, как было когда-то в детстве, когда мать в раздражении разбила ее самую дорогую красивую куклу, подаренную дедом. Но дед оставался в Полотняном Заводе, и заступиться за девочку оказалось некому. Она сидела в уголке и плакала, прижимая к себе осколки фарфоровой кукольной головки. Одна, на всем свете одна...

Так и сейчас, она снова была одна. Муж спокойно наблюдал, как она катится в пропасть, у нее хватило сил не скатиться, но оказалось, что этого мало, теперь из-за хамства подлеца в нее будут тыкать пальцем и злословить по ее поводу все, кому не лень. И снова заступиться некому, Пушкин ушел в свой кабинет и заперся.

Екатерина ей почти враг, потому что позволяет супругу унижать не только ее, но и себя. С Азей после того случая с крестиком отношения хорошие, но уже не столь доверительные. Никто и никогда не поверит в ее невиновность, просто потому что она красива и подлец сказал, что знает о ней нечто...

Пушкин в это время тоже размышлял. Дантес не просто переступил границы приличия, он откровенно унижил всех, и дело не в разговорах в гостиных, француз открыто втоптал в грязь ту, что отказала ему. Александр вдруг увидел положение своей жены и понял, насколько оно ужасно. Наташе он верил, она и правда рассказывала ему все откровенно. Да, была увлечена кавалергардом, да, нравились его чуть нагловатые настойчивые ухаживания, но ведь никогда, ни разу она не дала повода усомниться в том, что отвергает эти ухаживания.

Весь свет с интересом следил за долгой дуэлью наглого красавца француза и первой красавицы: кто кого, сумеет заполучить Дантес Наталью Николаевну или нет? И кто теперь поверит, что не сумел?

И вдруг Пушкину стало не по себе: но ведь следил и он тоже? Да, был занят денежными делами, да, любые попытки объяснить, кто таков Дантес, Наташа восприняла бы как проявление ревности, да, он был бы смешон, попытайся оградить ее от любых встреч с французом еще тогда, полгода назад, согласись на переезд в деревню или хотя бы в Москву. Петербург

стал бы болтать, что он просто испугался за честь своей жены, побоялся быть рогносцем.

А теперь не будет, теперь сплетен разве будет меньше? Завтра же по всем салонам разнесут гадкую шутку Дантеса, порочащую честь Натали Пушкиной. Как после этого появляться в свете ей? Почему за своими делами он совершенно забыл о достоинстве жены? Почему, сначала приучив ее рассказывать все без утайки, советовать по каждому поводу, в самый решающий момент он вдруг остался в стороне, словно стоял, сложив руки на груди, и наблюдал, как его жена пытается спастись сама? Почему оставил ее безо всякой помощи?

Да, поверил, когда рассказала о подстроенном свидании, поверил, что невиновна, что и не мыслила зайти дальше, чем просто выслушивание комплиментов... Потом даже вызвал подлеца на дуэль. Но ведь дал себя уговорить, позволил продолжить унижать свою Мадонну. Какой же он защитник, если оставил ее одну без помощи в самый трудный момент?

А сейчас? Заперся у себя в кабинете, все так же бросив жену в одиночестве. Где Наташа? Неужели уже спит?

Она оказалась в кресле все в том же бальном платье. Просто сидела в темноте и молча плакала... Горько-горько... От унижения, от непонимания, как исправить ситуацию, что вообще делать дальше, как жить.

- Наташа... Ты ни в чем не виновата...

Эти слова он позже повторит многократно, но будет поздно. Доказывать свою невинность Наталье Николаевне предстоит всю жизнь. И не просто жизнь, и через много десятилетий после ее смерти потомки будут мусолить каждую оброненную фразу, каждую услышанную ею, всяк на свой лад расценивать ее роль в

несчастье Пушкина, но мало кому и очень не скоро придет в голову подумать о том, каково было ей самой.

- Я убью его...

- Нет!

И снова всколыхнулась горячая кровь:

- Жалеешь?!

- Саша, у нас дети...

Он почти схватился за голову. И в эту минуту она оказалась в тысячу раз чище и лучше его самого. Он думал о чести, об оскорблениях, о наказании обидчика, а она - о детях, о тех четверых малышах, которых еще надо вырастить и воспитать.

Но эта-то мысль и была самой страшной. За всеми перипетиями, связанными с Дантесом, он словно забыл о том, что ждет его с денежными делами. Вот от чего хотелось застрелиться самому. И никакой Дантес не нужен.

Через неделю предстоит выплачивать десять тысяч плюс проценты Юрьеву, тот клещ цепкий, если дал, возвращать надо в срок, иначе взыщет насильно. Прошлый раз удалось отделаться «медной бабушкой», больше никаких «бабушек» нет. И Наталье Николаевне чуть позже надо возвращать свою часть, которую брала для оплаты бумаги и на расходы к Рождеству...

За квартиру не плачено за эти три месяца, и за следующие тоже платить нечем...

Пушкины были должны всем: Волконской, в чьем доме снимали квартиру, ростовщикам, лавочникам, каретнику, портным, даже слугам... Всем, и никаких денежных поступлений в ближайшие месяцы не предвиделось. Одних картежных долгов накопилось больше 90 000 рублей...

Банкрот, он во всем банкрот...

Содержать семью не способен, управлять имениями тоже, даже издавать журнал такой, чтобы раскупали, тоже не может. Исписался... так, кажется, твердили в

последнее время? Прокормить детей не может. И жену защитить от оскорблений тоже не может!

Кулаки сжались от злости сразу на все: на судьбу, на невнимание и непонимание даже друзей, на безвыходность положения и, конечно, на Дантеса.

- Ты не виновата... я что-нибудь придумаю...

Днем она снова сидела у его ног, положив головку на колени, а Пушкин гладил чудные волосы жены. О чем он думал? Уже ни о чем, наступило какое-то бессмысленное ожидание, словно дошли до черты и вот-вот откроется нечто за поворотом, что разом разрешит все вопросы, сомнения, сразу найдется какой-то выход, пусть даже самый страшный.

Барон Геккерн услышал каламбур приемного сына, отпущенный в адрес Пушкиной, на следующий день. Услышал и пришел в ужас:

- Жорж, ты с ума сошел! Это верная дуэль!

Тот гадко усмехнулся:

- Эта обезьяна все стерпела. Проглотил молча.

- В лучшем случае тебе откажут не только от дома Карамзиных, но и от всех остальных. Ты понимаешь, что будет, если о защите попросит не Пушкин, а его супруга?!

- Кого попросит?

- Жорж, ты идиот? Императора! Ты нанес прямое оскорбление женщине, которая нравится его величеству, ты хоть это понимаешь? Одно дело дразнить ее мужа, и совсем другое - прямо оскорбить Пушкину.

Дантес струсил, но вида старался не подавать.

А барон Геккерн задумался. Размышлять было над чем. Жорж действительно повел себя возмутительно. Сначала связался с этой Екатериной, старой девой да еще и далеко не красавицей, которая быстро оказалась

в интересном положении. Теперь вот перешел к открытым оскорблениям Пушкиной. Барон досадовал на неумность и глупость своего приемного сына. Только-только удалось переломить мнение света в свою пользу, в этом сыграла роль неуживчивость самого Пушкина, не принимавшего Геккернов в доме и отказавшегося иметь с ними хоть какие-то отношения. Геккерны уже почти стали выглядеть безвинно обиженными, а таких в России любят, и вот теперь Дантес умудрился все испортить.

Барона взяло зло: куда его русская жена смотрела-то? Почему она не одернула своего зарвавшегося супруга, почему позволила говорить лишнее?

Если разозленный Пушкин все же вызовет Дантеса на дуэль, то карьера не только Жоржа, но и самого Геккерна будет закончена.

- А как повел себя Пушкин на балу?

Жорж в ответ пожал плечами:

- Никак. Они почти сразу уехали, господин рогоносец был на супругу зол...

- Рогоносец?! Ты смеешь так называть мужа женщины, которая тебе не далась?

- Это дело времени.

- У тебя нет этого времени, нет, Жорж! Если Пушкину придет в голову вызвать тебя на дуэль снова, то придется стреляться.

- Не вызовет...

Геккерн почти схватился за голову.

На следующее утро барон неожиданно пришел с визитом к Пушкину. Он куда умнее и опытнее своего приемного сына и прекрасно понимал, что поведение Жоржа было откровенно гадким, даже по меркам ко всему привыкшего света, немного погодя это осознают все, и, как бы ни морщились от Пушкина, Геккерны будут выглядеть не лучшим образом. К тому же барон

помнил, что у Натальи Николаевны есть возможность попросить заступничества у императорской четы, а это грозило уже крупными неприятностями. Как бы императрица ни любила своих кавалергардов, прилюдно оскорблять красивую женщину она не позволит.

Но больше всего Геккерн боялся бешеного нрава самого Пушкина, а потому, видно, решил принести извинения за своего сына и попытаться уладить дело миром. Он знал, чем брать строптивного поэта – ни для кого не секрет, что господин Пушкин в долгах, можно предложить ему, нет, не подачку, не взятку, а кредит на длительный срок... Да, за глупости Жоржа приходится платить, но куда же теперь денешься?

Тем неожиданнее был отказ принять.

– Господа не принимают. – Слуга мрачен, видно, в доме настроение не лучшее.

– Ты скажи, кто я, примут.

– Не велено. Вас особенно не велено.

– Передай, что я настаиваю на встрече, я требую меня принять для объяснений!

– Вы можете требовать только одного, барон, – сатисфакции! Я предоставляю вам такую возможность! – Наверху лестницы сам хозяин дома.

– Но вы не можете не поговорить со мной, господин Пушкин, это невежливо, в конце концов.

– Вы говорите о вежливости?! Вы, пригrevший и оплачивающий настоящего подлеца и сводник по совместительству?!

Барон тоже повысил голос:

– Двор узнает о ваших оскорблениях, господин Пушкин!

– Как и о вашем сводничестве! Подите прочь, пока я не приказал вышвырнуть вас в шею!

Барон выскочил из двери как ошпаренный. Он зря надеялся, что с этим сумасшедшим можно

договориться. Нет, дуэль неизбежна... Теперь главной мыслью было избежать наказания за нее для себя лично. Жорж заварил эту кашу, как говорят русские, он пусть ее и расхлебывает. Только бы Пушкин не стал оскорблять его самого прилюдно, потому что стреляться лично барон не собирался вовсе, да и по статусу не имел права. Хотя нанесенные только что оскорбления были столь обидны, что требовали именно этого.

«Барон!

Позвольте мне подвести итог тому, что произошло недавно. Поведение вашего сына было мне известно уже давно и не могло быть для меня безразличным. Я довольствовался ролью наблюдателя, готовый вмешаться, когда сочту это своевременным. Случай, который во всякое другое время был бы мне крайне неприятен, весьма кстати вывел меня из затруднения: я получил анонимные письма. Я увидел, что время пришло, и воспользовался этим. Остальное вы знаете: я заставил вашего сына играть роль столь жалкую, что моя жена, удивленная такой трусостью и пошлостью, не могла удержаться от смеха, и то чувство, которое, быть может, и вызывала в ней эта великая и возвышенная страсть, угасло в презрении самом спокойном и отвращении вполне заслуженном.

Я вынужден признать, барон, что ваша собственная роль была не совсем прилична. Вы, представитель коронованной особы, вы отечески сводничали вашему сыну. По-видимому, всем его поведением (впрочем, в достаточной степени неловким) руководили вы. Это вы, вероятно, диктовали ему пошлости, которые он отпускал, и нелепости, которые он осмеливался писать. Подобно бесстыжей старухе, вы подстерегали мою жену по всем углам, чтобы говорить ей о любви вашего незаконнорожденного или так называемого сына;

а когда, заболев сифилисом, он должен был сидеть дома, вы говорили, что он умирает от любви к ней; вы бормотали ей: верните мне моего сына.

Вы хорошо понимаете, барон, что после всего этого я не могу терпеть, чтобы моя семья имела какие бы то ни было сношения с вашей.

Только на этом условии согласился я не давать хода этому грязному делу и не обесчестить вас в глазах дворов нашего и вашего, к чему я имел и возможность, и намерение. Я не желаю, чтобы моя жена выслушивала впредь ваши отеческие увещания. Я не могу позволить, чтобы ваш сын, после своего мерзкого поведения, смел разговаривать с моей женой, и еще того менее – чтобы он отпускал ей казарменные каламбуры и разыгрывал преданность и несчастную любовь, тогда как он просто плут и подлец.

Итак, я вынужден обратиться к вам, чтобы просить вас положить конец всем этим проискам, если вы хотите избежать нового скандала, перед которым, конечно, я не остановлюсь.

Имею честь быть, барон, ваш нижайший и покорнейший слуга Александр Пушкин.

26 января 1837 г.».

Это уже откровенное оскорбление, за которым должен последовать вызов на дуэль, даже если не принимать во внимание безобразную сцену на лестнице дома Пушкина.

Конечно, Геккерн ждал чего-то подобного, но, когда получил письмо, испугался. Ради какой-то бабы неугомонный Жорж снова поставил свою жизнь на карту. Дуэль неизбежна, но, чем бы она ни кончилась, виноваты будут оба участника. Геккерн совершенно не сомневался, что кавалергард Жорж окажется более сильным стрелком, чем Пушкин, как бы тот ни

тренировал руку своей знаменитой тростью. Для него самого окончание карьеры неминуемо.

А что будет с Жоржем?

Но оскорбление нанесено серьезное, на него надо отвечать, это требование чести, требование света. Такое мнение подтвердил и граф Строганов, которому Геккерн показал послание Пушкина.

Дуэль неизбежна, а стреляться предстоит Жоржу, потому что сам барон по статусу на это не имеет права. Что ж, Жорж готов.

И Пушкину следует вызов.

Этого поэт и ждал. На сей раз вызов исходил не от него, а от оскорбленного Геккерна, на что и было рассчитано письмо.

Почему-то Пушкину казалось, что стоит застрелить Дантеса, и все в жизни сразу переменится. Думал ли о смерти? Только как об избавлении. О жене и детях? Император сказал, что их не оставит.

Но теперь он куда осторожнее, торопился, прекрасно понимая, что стоит затянуть дело, и его снова попытаются уговорить, снова начнется та же глупая волокита, как и в предыдущий раз, которая ни к чему хорошему не привела.

Потому все сделано стремительно и... почти тайно. Пушкин как ни в чем не бывало встретился с издателем по поводу будущих книг, написал несколько писем, погулял, посетив книжную лавку, – словом, делал все, чтобы не общаться с женой и детьми. Странно? Ничуть, боялся, что, увидев их, снова передумает.

Стреляться и только стреляться! Чем скорее, тем лучше! А потому д'Аршиаку только письмо и никаких встреч, согласен на любого секунданта, практически на любые условия. Пушкин словно весь сосредоточился на одном: убить, наконец, Дантеса и начать жизнь снова, даже с кандалами на ногах. В секунданты все же выбран случайно подвернувшийся под руку Данзас.

Дантес принял вызов за своего приемного отца, между секундантами оговорены условия, куплены дуэльные пистолеты, все готово.

На его счастье (или несчастье!), Натальи Николаевны не оказалось дома, она уехала со старшими детьми в гости и на прогулку. Это хорошо, прощаться нельзя, жена не позволит стреляться - это Пушкин понимал хорошо. А переступить через наверняка упавшую в обморок свою Мадонну он просто не смог бы.

Переоделся во все чистое, словно и впрямь собирался на смерть.

Дома была Азя и даже о чем-то с Пушкиным говорила. Почему не остановила, неужели не видела его лихорадочного состояния? Но Пушкин в таком состоянии уже давно, и все же... Азя единственная знала о его письме Геккерну. Что же такое почувствовала или, наоборот, не почувствовала свояченица, что не повисла на ногах стопудовой гирей, не стала кричать, умолять, требовать, грозить, наконец, а просто дала уехать?

Видно, действительно все дошло до такого предела, за которым распоряжается только судьба.

Судьба распорядилась не в пользу Пушкина.

Дантес прекрасно понимал, в кого и, главное, как стреляет.

Убить сразу? Нет, противник должен помучиться, и желательно как можно сильнее и дольше.

Это страшная рана - в низ живота. Если смерть, то долгая и страшно мучительная. Если выживет, то калеккой, причем со страданиями на всю жизнь.

Рука у Дантеса не дрогнула. Это Пушкин, тренировавший свою руку тяжелой тростью, решил стрелять, только остановившись, его противник сделал выстрел на ходу, а потому первым. И не промахнулся, попал, как и было задумано.

А потом были часы кошмара в доме на Мойке, когда врачи бессильно разводили руками: рана смертельна, надежды нет, а народ, собравшийся под окнами и запрудивший всю набережную, не желал этому верить. Как это может не быть надежды на выздоровление Пушкина?!

Не было, пуля даже не оставила его калекой, он умирал... страшно, мучительно, долго... как и было задумано красавцем-французом. Кавалергарды умели стрелять метко...

Наталья Николаевна сначала не могла поверить в реальность дуэли:

- Он же обещал не стреляться? И мне обещал, и царю...

Потом в то, что мужу нельзя помочь. А потом - в его близкую кончину.

Услышав, что это конец, Пушкин попросил оставить их с женой...

Завещание мужа Наталья Николаевна выполнит. Ей было велено уехать в деревню и жить там два года, а потом выйти замуж, только за человека хорошего...

В деревне два года проживет, и замуж выйдет, правда, не скоро, хороший человек найдется только через семь лет.

А тогда бледная, с остановившимся взглядом, мало что понимающая, она сидела на стуле, бессильно уронив руки на колени, и не могла поверить, что Пушкин уходит от них навсегда. Он твердил ей и всем, что она не виновата, ни в чем не виновата, твердил это, словно заклинание, словно, умирая, пытался оградить ее от людской злой молвы. Наташа пыталась понять, зачем он это говорит, при чем здесь это, когда главное - сам Пушкин...

Потом была моченая морошка, которой Наташа кормила умирающего Пушкина по его просьбе, его

страшнейшие муки, вида которых она просто не могла вынести, убегала прочь, и ее крик:

– Пушкин! Пушкин! Ты жив, Пушкин?!

Этот крик поделил ее жизнь на «вместе» и «после».

А потом она ничего не помнила...

У госпожи Пушкиной из-за переживаний были столь сильные судороги, что она буквально переламывалась пополам, пятки почти касались затылка. Ее и позже во вдовьем наряде узнавали не сразу, а тогда, с ввалившимися глазами, без кровинки в лице, она казалась привидением.

Конечно, нашлись те, кто осудил, мол, мало кричала, не голосила, не рвалась следом за ним в могилу... Софья Карамзина, известная сплетница и язвенница, возмущалась тем, что Пушкина слишком быстро пришла в себя и не повезла гроб с телом мужа хоронить сама.

Ей было все равно, ее столько раз уже осуждали и еще столько будут осуждать, что смысла оправдываться не видела... Придя в себя, Наталья Николаевна уехала вместе с детьми в Полотняный Завод, чтобы жить в том самом Красном доме, где они были счастливы с Пушкиным два года назад. Сопровождала их с Азей туда Екатерина Ивановна Загряжская, сделавшая свой выбор между сестрами. Загряжская не стала провожать уезжавшую за границу вслед за мужем Екатерину Николаевну Геккерн, а вот младшую из племянниц повезла в Калугу.

Император распорядился оплатить все предъявленные долги Пушкина, издать за государственный счет его собрание сочинений, выделить вдове единовременно 10 000 рублей на ближайшие расходы, а самого поэта похоронить тоже за государственный счет с установкой памятника по желанию родных.

Но это не могло вернуть России и Наталье Николаевне Пушкина.

Барона Геккерна выдворили из России даже без прощальной аудиенции, император отказался видеть того, кто натворил столько бед... После суда приговоренный к повешению Дантес был помилован, разжалован и тоже выслан. Уехала за мужем и Екатерина Николаевна. Она так и осталась одна, хотя жила с любимым (но не любившим) мужем. Ее не провожали родственники, брат Дмитрий не приехал из Москвы. Екатерине Николаевне не простили ее участия в судьбе Пушкиных.

Но судьба осудила и Дантеса, хотя внешне у него складывалось все хорошо.

Обошлось, выдворили, разжаловали, но ведь не казнили же. Екатерина последовала за мужем и исправно рожала ему детей, правда, все дочерей. И только четвертый выживший ребенок оказался мальчиком, зато мать заплатила за его рождение своей жизнью.

Она умерла в 1843 году, больше Дантес не женился, зато, начав карьеру заново, стал сенатором и весьма уважаемым человеком. Мало кого интересовали его дела в далекой России. Стрелялся на дуэли? Кто же не стрелялся? Убил какого-то поэта Пушкина? Но для Франции Пушкин мало что значил.

С Натальей Николаевной Дантес единожды встретился. Навстречу по аллее парка в Париже шла под руку с каким-то господином очень красивая женщина. На мгновение Дантесу показалось, что он бредит. Натали в Париже?! Ему было неважно, кто рядом с ней, кто бы это ни был, он не существовал, Дантес видел только самую красивую женщину Петербурга, влюбленностью и преследованием которой он погубил ее мужа и едва не погубил себя самого.

Дантес имел право подойти, ведь они же родственники, мало ли что было столько лет назад? Он сделал шаг навстречу... еще один.... Наталья Николаевна повернула голову, Дантес видел, что она узнала, она явно его узнала! Но ни испуг, ни смятение, ни даже презрение не мелькнули в ее взгляде. Натали прошла мимо так, словно Дантеса и вовсе не существовало.

Неизвестно, понял ли ее второй муж Петр Петрович Ланской, на чью руку опиралась красавица, кого повстречали? Не мог не понять, ведь в Петербурге они с Дантесом даже были приятелями, понял, но руки не подал. Для генерала Ланского убийца Пушкина не существовал тоже.

И все же был другой суд, не тот, что наказал за смерть Пушкина, и даже не в презрении Натальи Николаевны и ее второго супруга. Наказала Дантеса его собственная дочь Лиони-Шарлотта. О судьбе этой девушки мало что известно, потому что дни свои она закончила в психиатрической лечебнице, отправленная туда по требованию отца. За что?

Лиони была странной во многом, воспитывалась у старшей сестры Дантеса и от кого-то выучила русский язык. Обнаружив у собственной дочери настоящий культ того, кого он просто ненавидел, поняв, что Лиони не просто читает, но и знает наизусть почти все стихи Пушкина, Дантес пришел в ярость! В собственной семье завелся почитатель ненавистного ему человека?! Не бывать этому!

Но дочь оказалась упорной, она спорила, настаивала на своем праве почитать и любить то, что считает прекрасным, и в конце концов... назвала отца убийцей Пушкина!

Последовала лечебница для умалишенных...

ПОСЛЕ ПУШКИНА...

У Натальи Николаевны не было жизни ни без Пушкина, ни после него, она до самой смерти жила с Пушкиным. В памяти, в сердце, в душе... как бы пафосно это ни звучало.

С Пушкиным она прожила шесть лет - с февраля 1831 года по январь 1837-го. А потом еще 27 лет...

Вьюжило, местами сильно переметало, потому крытые кибитки пробирались медленно, подолгу стояли на постоянных дворах, все же ехали женщины и дети.

Сергей и Дмитрий Николаевичи везли в Полотняный Завод Наталью Николаевну с детьми, Александрю Николаевну и их тетку Екатерину Ивановну, отправившуюся с племянницами хотя бы до Москвы. Пушкина ехала как во сне.

Все эти дни она что-то делала, что-то подписывала, что-то говорила... Но если бы спросили, что именно, не ответила бы. Сначала было непонимание происходящего. Пушкина долго ждали к обеду, он опаздывал, сильно опаздывал. Потом подъехала карета Геккернов, увидев ее в окно, Наталья Николаевна даже разозлилась:

- Скажите барону, что мы не принимаем.

Потом по лестнице шаги, но не Пушкина. Вошел Данзас... сказал о дуэли... дядька Никита Козлов внес завернутого в шубу Пушкина...

Ранен... смертельно ранен... мучительная, страшная смерть... Часы складывались в сутки, но казались то вечностью, то мигом. Пушкин звал жену к себе, однако стоило ей подойти, как его лицо искажалось от боли и, чтобы она не видела этих приступов, гнал от себя... Снова звал и снова гнал...

Потом дал наказ: жить два года в деревне, а после выйти замуж за хорошего человека...

Отправил царю письмо... ждал от него ответа... когда прочитал подтверждение, что семью не оставят, исповедался, причастился... Умирал спокойно, перед смертью простив даже Дантеса...

А ей все время твердил, что не виновата, ни в чем не виновата. И всем вокруг повторял это же, словно заклинал, чтобы не винили жену, что она чиста перед всеми и перед ним тоже...

Не помогло, обвинили еще до его смерти, обвинили и после, винили и многие десятилетия спустя... Она приняла обвинения смиренно, не возражая...

Но тогда было совсем не до людской молвы. Ее крик: «Пушкин! Ты жив, Пушкин?!» разделил жизнь надвое.

Пушкин умер, она осталась жить, потому что еще были четверо детей, которых надо вырастить и поставить на ноги.

После смерти Пушкина у нее были такие судороги, что опасались и за ее собственную жизнь. Говорили, что пятки подтягивало к затылку, сама она ничего не помнила. Но тяжелое состояние не позволило поехать в Святые Горы хоронить мужа. За это тоже осудили. Даже те, кто видел эти самые судороги и ей же рассказывал.

Наталья Николаевна дождалась возвращения Тургенева, поведавшего о похоронах, а вот дожидаться суда над Дантесом не стала, какая теперь разница?

Государь собственноручно распорядился:

1. Заплатить долги.
2. Заложенное имение отца очистить от долгов.
3. Вдове пенсион и дочерям до замужества.
4. Сыновей в полки и по 1500 р. на воспитание каждого до вступления на службу.
5. Сочинения издать за казенный счет в пользу вдовы и детей.

6. Единоновременно 10000».

Это было щедро, но Пушкина воскресить не могло.

И вот теперь Наталья Николаевна выполняла последнюю волю мужа - уехала в Полотняный Завод, чтобы там прийти в себя, чтобы прожить два года, а потом и всю остальную жизнь воспоминаниями...

Перед отъездом Александре принесли список стихотворения молодого Лермонтова «На смерть поэта». Автора увидеть не удалось, его посадили под арест, а стихотворение Наталья Николаевна взяла с собой...

Шесть лет назад счастливая Наташа Гончарова венчалась в московской церкви с первым поэтом России Александром Пушкиным. При венчании было множество недобрых знаков - погасла свеча, упал крест, сменили шафера...

Через шесть лет в Полотняный Завод приехала бледная тень первой красавицы Петербурга Натальи Николаевны Пушкиной, чтобы прожить там завещанные мужем два года.

Ей было все равно сколько, лишь бы отдохнуть измученной душой. Наталья Николаевна никому не могла рассказать о том, что происходило в последние годы в их семье, как тяжело жилось и морально, и материально. Не могла, да и не хотела, зачем кому-то знать лишнее, зачем делиться своей болью?

Всю дорогу тетка уговаривала:

- Да ты поплачь, поплачь, легче же будет.

Она плакала. Горючими слезами плакала в душе, на лице остались одни глаза, вокруг которых надолго легли тени.

Заботливая тетка распорядилась, чтобы в Москве не останавливались, только поменяли лошадей. На вопрос,

хочет ли видеть свекра, Наталья Николаевна только помотала головой:

- Нет, потом, не сейчас... сейчас не могу...

Они увиделись, действительно, позже, когда тронутый ее письмом Сергей Львович приехал в Полотняный Завод сам. Но как был с сыном, так и к снохе остался чужим. После смерти сына болдинское Кистенево вернулось к отцу, а очищенное от многолетних долгов и залогов по распоряжению царя, стало приносить Сергею Львовичу приличный доход, но ему не пришло в голову не только отдать Кистенево внукам, но и даже поделиться малой толикой этих доходов.

В Полотняном Заводе Наталья и Александра Николаевны с детьми поселились в Красном доме, где три года назад жили во время летнего отдыха.

До самой весны она сильно болела, с трудом приходя в себя.

Здесь все напоминало о Пушкине... Вот библиотека, которую он вполне оценил, вон его любимая беседка, вон аллея и спуск к воде... там он был, там любил сидеть, там ходил... Но Пушкина не было и больше не будет.

А вообще в Полотняном Заводе многое изменилось. Дмитрий Николаевич женился, и его супруга все взяла в свои крепкие руки. Они переехали в Полотняный Завод год назад, но Елизавета Егоровна уже вполне освоилась в имении. Сам Дмитрий окончательно решил выйти в отставку и поселиться в Заводе помещиком.

Новой хозяйке Завода вовсе не нужны сестры мужа, да еще и такие - петербургские красотишки! Елизавета Егоровна откровенно осуждала Наталью Николаевну, считая, как и многие, виновницей гибели мужа. И хотя самого мужа в глаза не видывала и его стихами не увлекалась, даже больше того, слегка презирала, не

считая рифмоплетство путным делом, на вдову смотрела косо.

В первый год Наталья Николаевна это не слишком замечала, она не могла прийти в себя после смерти Пушкина. Пыталась читать его произведения, но после первых же строчек заливалась слезами, потому что слышался его голос, его смех, даже его ругань...

- Лиза, ты Ташу не видела?

Елизавета Егоровна презрительно кивнула в сторону беседки над обрывом:

- Вон сидит, где ей еще быть?

- Почему ты так ее не любишь? Разве она сделала тебе что-то худое?

- Не люблю бесполезных людей.

- Таша не бесполезная, она детей растит.

- Хорошо растить на всем готовом.

Княжна Назарова не находила, что Пушкина столь уж хороша, и не понимала, чего это с ней все так носятся. Ей пришлось совсем не по вкусу пребывание даже в Красном доме двух сестер мужа. Раздражало все: сочувствие по отношению к Пушкиной (разве у нее одной муж умер?), что даже в горе хороша, что к ней льнут люди...

Наталья и Александра завели свое хозяйство, стали жить в Красном доме почти отдельно и старались не попадаться на глаза хозяйке Завода, но детей не заставишь сидеть тихо, Елизавету раздражали и детские голоса тоже... С каждым днем становилось все труднее.

Азя действительно нашла Наталью Николаевну в беседке, которую так любил Пушкин. Таша сидела в слезах, рядом шкатулка с письмами Пушкина. Ясно, снова читала, снова плакала.

- Ташенька, пойдем в дом.

- Там что-то срочное?

- Нет, просто я тебя потеряла.

- Тогда посиди со мной. Давай поговорим о Пушкине...

Они часто говорили вот так вдвоем, потому что знали Пушкина лучше других, видели его последние такие трудные годы. Часто читали вслух стихи. Вспоминали и приезд сюда Пушкина, после которого он забрал сестер в Петербург.

Азя и Катрин тогда в предвкушении переезда торопили события, многое не запомнилось, а вот Таша помнила все. Сейчас память выхватывала счастливые минуты в Заводе особенно ярко.

Она была счастлива здесь в детстве, пока девочку холил и баловал дед, потом приезжала с Пушкиным-женихом, когда деда требовалось убедить, что жених вовсе не исчадь ада. Потом жила лето, в конце которого за ними приехал Пушкин.

Теперь помнилось именно это. Мать двоих детей тогда почувствовала себя девчонкой, бегала с дворовыми мальчишками наперегонки, прыгала с крыльца, купалась в холодной еще воде, много ездила верхом... Азе с Катрин хотелось видеть в ней светскую даму, первую красавицу Петербурга, слушать рассказы о том, как проходят балы, как великолепен свет, а она куда охотней лакомилась малиной или наблюдала, как ловят карасей. Они ждали наставлений по поведению при дворе, а она играла в шахматы или собирала букеты полевых цветов.

И Пушкин тоже вовсе не был солидным отцом семейства, первым поэтом России, скорее шаловливым мальчишкой, таким же, как его юная жена.

Они были беззаботны, хотя бы пару недель были веселы и счастливы, забыв о Петербурге, растущих долгах и грядущих неприятностях. Может, потому Наталья Николаевна теперь и вспоминала это время так часто?

Чуть раньше она была еще совсем наивной девочкой, которую муж выводил в свет за руку. Выводил и показывал всем, как красивую игрушку. Пушкин любил свою жену, это прекрасно видели все, любил и безумно ревновал. Но только ревность эта была немного странной. Ему очень хотелось, чтобы Наташа имела успех в свете, Пушкин был тщеславен, внушая всем, что его жена самая красивая женщина на свете. А потому стоило кому-то назвать красавицей другую или не обратить достаточного внимания на его супругу, страшно обижался.

Но стоило обратить, обижался тоже, только обида оказывалась другой.

Он и на Наташу обижался и ревновал ее. Сначала сам учил кокетничать, вести легкие разговоры, ей, молчунье, это давалось очень трудно, но Наташа перебарывала себя, старалась не дичиться. А когда получалось, муж скрипел зубами от досады. Она прекрасно танцевала и очень любила танцы, но невозможно же в танце не улыбаться и не вести разговор, хотя бы пустой светский. Пушкину казалось, что она о чем-то договаривается с партнером. Он сам не танцевал, а лишь следил со стороны. Любимая поза – прислонившись к колонне и скрестив руки на груди.

Она все выполняла, как послушная ученица, так ее приучили с детства. Научилась кокетничать, не переступая, однако, границ приличия. Научилась улыбаться, быть очаровательной, а уж природной приветливости и доброжелательности Наташе и так не занимать.

Самая красивая... первая красавица... удивительная красавица... слышать это в свой адрес, себе вслед было очень приятно. Муж наряжал, украшал, вывозил...

Но и изменял тоже...

Об этом сейчас она старалась не вспоминать. О Пушкине хотелось помнить только хорошее, но не

казались обидными даже его крики «дура!». В гневе супруг не выбирал выражения, кто бы перед ним ни находился. Однажды Наташа поинтересовалась, как бы он себя повел, попадись в такой момент государь? В ответ Пушкин выругался матом и сказал, что вот так бы ответил и царю, будь тот виноват. Стало страшно, а вдруг и правда выругается.

Нет, он преувеличивал, Пушкин умел себя вести, а ее душой звать стал только в последние годы, когда нервы уже не были ни на что годны. Она не обижалась, но не потому, что была глупа, а потому, что видела, понимала, как ему плохо.

Сейчас Наталья Николаевна корила себя, что не до конца понимала, что могла бы сделать что-то, не доводя до скандала, например, сразу дать понять Дантесу, что к ней не стоит даже приближаться. Но, во-первых, ей самой эти ухаживания были приятны, во-вторых, Дантес из тех, кто лезет в окно, если его уже выгнали в дверь, в-третьих, была еще Катя, которая на все готова, только бы заполучить красавца-француза в мужья.

На мысли о Кате и Дантесе, как и о смерти Пушкина, наложено табу, потому что жить, постоянно себя виня, невозможно, лучше уж совсем не жить. Наталья Николаевна старалась, чтобы Пушкин остался в памяти не восковой фигурой в черном сюртуке в гробу, а живым насмешником, с его заразительным хохотом, с шуточками, с искрометным юмором, или даже ревнивцем со сложенными на груди руками, но только живым.

Она перечитывала по памяти сказки, по ним Пушкин легче всего представлялся живым. Лирические стихи не любила, они все посвящены кому-то. Как можно, например, любить великолепное «Я помню чудное мгновенье...», если оно посвящено Керн? Понимала, что это глупо – ревновать мужа к прошлому, тем более

теперь, но поделаться с собой ничего не могла. Азя, поняв, насколько ревнует сестра, покачала головой:

- Любишь, потому и ревнуешь.

И он ее ревновал - к каждому взгляду, брошенному ей, к каждому взгляду, брошенному на нее. Сам старался, чтобы смотрели, а потом сам же и изводился от ревности.

С Пушкиным было безумно тяжело и легко одновременно, он все делал сверх - если любил, то до безумия, если ревновал, то так же, если рисковал, то смертельно, если играл в карты, то до полного проигрыша. Из-за последнего часто ссорились. Денег не хватало давно, а он проигрывал большие суммы. Винился, обещал больше не подходить к столу, но даже друзья знали: если Пушкин взял в руки карты, лучше отойти; как настоящий игрок, он становился невменяем, глаза сверкали, лоб покрывала испарина... Только такой человек мог написать «Пиковую даму». Это произведение очень не любила и боялась Наташа, словно оно само предрекало беду.

С каждым днем жизнь в Полотняном Заводе становилась все тяжелее. Елизавете Егоровне не нравилось в золовках все, а они старались как можно чаще куда-нибудь удрать. И все чаще приходила мысль жить где-нибудь собственным хозяйством.

Пушкин мечтал выкупить у брата с сестрой и отца Михайловское. Если честно, то Наталья Николаевна ожидала, что Сергей Львович, получив обратно Кистенево, свою долю Михайловского отдаст ей с детьми, но не тут-то было!

Сразу после смерти Надежды Осиповны Сергей Львович при дележе наследства отказался от своей доли в нем в пользу Ольги Сергеевны. Это при том, что Пушкин взвалил на свои плечи все заботы о Михайловском и родителях. Нечестно, но как

возразишь? Александр никогда не был в их любимчиках, им дороже Лев, который делал карточные долги похлеще брата, и дочь Ольга. Недаром Пушкин считал, что отец его не любит.

Но оказалось, что не любил не только его, но и внуков. Дальше объятий и слез по поводу смерти сына дело не пошло. Просто отдать свою долю Михайловского внукам Сергей Львович не собирался, он продавал, как и Лев с Ольгой. Пушкину когда-то не удалось договориться с братом и сестрой о цене выкупа, муж Ольги заломил такую цену, которую имение не стоило.

И вот теперь Наталья Николаевна попросила Опеку выкупить Михайловское у родственников в пользу детей Пушкина. Начались долгие и нудные переговоры...

Но прежде они с Азей и детьми вернулись в Петербург.

Заварила всю кашу тетка Екатерина Ивановна, решившая, что тосковать двум красивым молодым женщинам в глуши совершенно ни к чему. Понимая, что Наташа ни на какие уговоры не поддастся, Екатерина Ивановна сама приехала в Завод. Оглядела все критическим взглядом, заявила Дмитрию, что тот ничего не смыслит в хозяйстве (это было недалеко от истины), в первый же день поссорилась с Елизаветой Егоровной и принялась настаивать на возвращении.

- Нет, я останусь до зимы, Пушкин сказал: два года....

Но тетку неожиданно поддержала Александра. Наталья Николаевна подозревала, что дело в обещании Загряжской представить ко двору и Азю, потому девушка торопится. Приезжать зимой значило уже не попасть на представление в этом году. А у Ази был еще один секрет.

Как бы она ни обожала Пушкина, Александра была влюблена в другого. Ее избранником оказался Аркадий Россет, брат Александры Осиповны. Молодой красавец явно отвечал Гончаровой взаимностью, долгое отсутствие могло привести к нежелательным последствиям. Азе уже немало лет, каждый год сокращал ее шансы выйти замуж, не сидеть же действительно воспитательницей при племянниках.

Двойного напора Наталья Николаевна не выдержала, из Полотняного Завода она увозила обеих сестер с детьми. Судя по тому, что Екатерина Ивановна заранее сняла для них квартиру, договоренность с Азей у них была.

Но тетка сдержала слово, никто Наталью Николаевну не принуждал показываться на люди, до зимы она даже визитов не наносила, правда, друзья ездили к ней. Саму Александру во фрейлины произвели, ко двору представили, она танцевала и была счастлива. Правда, быстро обнаружилось, что придворная жизнь требует денег, и немалых, которых у Александры, конечно, не было. А еще, что Аркадия Россета нельзя было оставлять надолго, любовь у него угасла и разгораться снова не желала.

Наталья Николаевна сидела дома, занималась детьми, по возможности учила их читать и писать, много читала детям и сама. Жизнь текла спокойно и размеренно, если бы не нехватка денег, она вполне первую красавицу Петербурга, совсем недавно блиставшую на балах, устраивала бы. Балы, маскарады, шум и блеск света остались где-то там, в другой жизни, и пускать светскую мишуру в это свое спокойствие она не хотела, но понимала, что рано или поздно придется. Достаточно ей встретить кого-то из знакомых, и в Петербурге станет известно, что госпожа Пушкина вернулась!

Друзья стойко молчали, даже сплетница Софи Карамзина, которую страшно не любили за гадкий язык.

А дела Опекы шли своим чередом, родственники сопротивлялись, муж Ольги Сергеевны Павлицев все набивал и набивал цену, а имение тем временем разорялось, долги росли. Наталья Николаевна вздыхала:

- Пока дойдет до покупки, его сразу будет нужно продавать за долги.

Она не очень представляла себе, что такое Михайловское, но что там Лукоморье, знала точно. Одного этого хватало, чтобы выкупить имение для своих детей. Привезти Машку. Сашку, Гришку, Наташку в Лукоморье – что могло быть лучше? Там русский дух, там Русью пахнет.... Там Пушкин...

А потому все объяснения, что дом в Михайловском обветшал донельзя, что имение страшно запущено, сад не плодоносит, а пруд почти высох, что там нет усадебного хозяйства и жить невозможно не только зимой, но и летом, казались пустыми страшилками. Она все сможет, там Пушкин, значит, им с детьми надо туда!

Сергей Львович отговаривал, а сам ездил в Михайловское ежегодно. Ездил, значит, жить можно?

Ей было невдомек, что уже весьма пожилой Сергей Львович, разменявший восьмой десяток, ездит в Михайловское по амурным делам. Старик влюбился в молоденькую соседку и ухаживал за ней вполне серьезно...

Но Наталью Николаевну амурные успехи или неуспехи свекра не интересовали, она торопила Опеку еще и потому, что уже был готов заказанный памятник на могилу Пушкина, вдова попросила не устанавливать без нее, и правильно сделала. Работы оказалось куда больше, чем ожидалось, понадобилось обустроить могилы Пушкина и Надежды Осиповны заново. Этого не

стали бы делать без самой вдовы, поставили бы памятник просто так, он наверняка немного погодя провалился бы.

В Михайловское Наталью Николаевну влекла масса дел, связанных с Пушкиным и его памятью.

ПРИЮТ ТРУДОВ И ВДОХНОВЕНЬЯ...

Казалось, волокита с покупкой у родственников Михайловского никогда не закончится. Наталья Николаевна уже начала впадать в отчаянье, переживая, что муж Ольги Сергеевны Павлищев не позволит довести дело до конца, и придется еще одно лето безвылазно сидеть с детьми в душном Петербурге. Нанимать дачу в надежде все же уехать в Михайловское она не стала, а отправляться, не будучи там хозяйкой, тоже не хотелось. Наталья Николаевна слишком хорошо помнила свое положение в Заводе...

Но сколько веревочка ни вилась, пришедшему на помощь молодой вдове графу Строганову удалось договориться со всеми собственниками, и имение было Опекой выкуплено на имя детей Пушкина.

Держа документы в руках, Наталья Николаевна расплакалась. Григорий Александрович смутился:

- Отчего вы плачете, все же решилось благополучно?

- Пушкин так мечтал оставить Михайловское детям...

- Радуйтесь, вы выполнили желание мужа.

Она покачала головой:

- Нет, не я - Опека, то есть государь. Мне самой ни за что бы этого не сделать... И без вашей заботы, граф, также. Благодарю.

Строганову понравился такой ответ вдовы, хорошо, что она благодарна всем помогавшим.

- Господь с вами...

За два месяца до их отъезда в Михайловское под наблюдением Никиты Козлова отправлен обоз из шести саней, везший библиотеку. Никита уверял, что постарается чуть привести в порядок и дом тоже, чтобы там можно было жить...

Михайловское не Полотняный Завод, это она поняла сразу. Дом обветшал, все покосилось, облезло, прохудилось настолько, что казалось: первым же хорошим порывом ветра снесет либо крышу, либо весь дом сразу. Живо вспомнилось пушкинское «жалкая лачужка». Эту лачужку со времен поэта никто и не поновлял, да и сам Пушкин, видно, тоже.

Павлищев столько твердил о ценности Михайловского, Наталья Николаевна ничего в ценности земель или хозяйства не смыслила, но то, что увидела на подъезде к имению, подсказало даже ей, что не все так благополучно. Но ей были настолько безразличны дела, она ехала сама и везла детей на могилу Пушкина, а еще туда, где он был молод и счастлив. Она ехала к мужу...

В Михайловское приехали как раз в день рождения Маши, старшей дочери Пушкина исполнилось девять лет.

Но оказалось, что бывший в имении уже несколько недель Сергей Львович даже не подумал толком подготовиться к приезду большой семьи. Его не интересовало, как будут жить в обветшалом доме его внуки, словно обиженный на то, что Михайловское теперь ему не принадлежит, свекор Натальи Николаевны жил как в гостях.

Наспех привели в порядок хотя бы пару комнат, чтобы разместиться на ночь. Разобрали часть вещей. Дом мал, всего шесть комнат вместе с передней, все

небольшие, неудобные, везде запустение... Но все равно как-то обустроиваться надо.

- Ничего, завтра все вымоем, переставим, разместимся. В тесноте, да не в обиде.

Сергей Львович почти обиженно поджал губы на слово «переставим», но обращать внимание на его нелепую обиду было некогда. Пока вымылись после дальней дороги, попили чаю, наступил вечер. Уставшие дети заснули безо всяких уговоров, да и взрослые тоже...

Завтра, все завтра...

Теперь она очень часто вспоминала пушкинские строки. За вчерашними хлопотами по приезде, обустройством и празднованием, пусть и скромным, девятого дня рождения Маши Наталья Николаевна не успела осмотреться, заметила только, что дом стоит удачно, над речкой на горе, откуда виды открываются красивейшие...

А поутру, пока дети спали, вышла на эти виды посмотреть. Она понимала, что спокойные минуты в Михайловском выдадутся не скоро: четверо детей, заботы о том, чтобы наладить хозяйство, которого, по сути, не было вообще, здесь давно жили наездами, холостой Пушкин не в счет, а потом службы организованы кое-как, а что и вовсе никак...

Но это все потом, чуть позже, сейчас ей хотелось постоять подле дома, как стоял Пушкин, посмотреть вдаль, как когда-то смотрел он...

Внизу текла Сороть, тихая, а в тумане и вовсе неслышная и невидная... По ту сторону реки на низком берегу на поляне паслись лошади. Их ноги прятались в молочной пелене, и казалось, лошади плывут над туманом.

Азя подошла тихо, почти неслышно, встала рядом...

Господский дом уединенный,
Горой от ветров огражденный,
Стоял над речкою...

Азя знала все стихотворные строчки, написанные ее гениальным зятем, и часто читала их. Наталья подхватила вполголоса:

...Вдали
Пред ним пестрели и цвели
Луга и нивы золотые,
Мелькали селы; здесь и там
Стада бродили по лугам,
И сени расширял густые
Огромный запущенный сад,
Приют задумчивых дриад...

- Ты помнишь? Я не знала, что его стихи помнишь...
- Отчего? Оттого, что я никогда их не читаю вслух?
- А почему ты никогда не читаешь?
- Пушкин однажды пресек. Я попыталась, он сказал, что не так, чтоб перестала...
- Ты хорошо читаешь.
- Это только для себя. И правда, посмотри, как красиво. «Приют спокойствия, трудов и вдохновенья...». Остаться бы здесь жить...
- Где? Дом старый, того и гляди развалится. Здесь зимой небось сугробы в комнатах и иней по стенам...

Наталья Николаевна рассмеялась:

- Ну вот, все очарование разрушила! А мы дом отремонтируем и будем зимой сидеть перед самоваром, слушать вой вьюги и пить чай с вареньем из крыжовника.

Она ожидала, что Азя возразит, мол, здесь нет крыжовника, тогда можно сказать, что посадят... Но сестра сказала иначе, как она сама когда-то:

- И вой волков. С ума сошла? Машке девять, Сашке почти восемь, Грише шесть, Таше и то пять скоро. Их учить пора, им Петербург подавай, а не твое Михайловское.

Наталья Николаевна вздохнула, сестра права, запереть детей в деревне, да еще и такой - оторванной от всех, она не могла, им и правда нужен Петербург. Но, кроме детей, была еще Азя, ей и вовсе осесть здесь, значит остаться старой девой... Хотя и в Петербурге тоже. Азе скоро тридцать, красоты нет, приданого нет, надежды никакой, возиться с племянниками тошно, как бы она их ни любила. Азе тоже нужен Петербург, а тетка после смерти Пушкина словно сдала, хотя и перевезла их обратно в город, но выходила все реже, у нее жить невозможно, у второй тетки Софьи Ивановны тоже никак...

От всех этих мыслей очарование тихого утра пропало, Наталья Николаевна тряхнула головой, окончательно избавляясь от грустных мыслей:

- Пойдем в дом, скоро дети проснутся, надо думать, чем их кормить и что есть самим.

Она подхватила сестру за талию, чтобы увлечь за собой, но та чуть воспротивилась. И снова Наталью Николаевну обожгло: ну что же она все время вовлекает Азю в заботы о своем потомстве, словно подчеркивая и ее ответственность за детей! Отпустила руку.

- Знаешь что, постой здесь, а я распоряжусь о завтраке и сделаю для вас всех сюрприз!

Завтрак удался на славу: из деревни принесли сметану, молоко, яйца, сыр... вкусно пахло свежим хлебом, было весело и неожиданно легко.

Сад действительно был огромным и страшно запущенным. Сестры смеялись: не во времена ли Абрама Петровича Ганнибала его сажали? Оказалось, немного позже, при Петре Абрамовиче. Но росли в нем только яблони, других фруктов не нашлось. Наталья Николаевна вздохнула: придется просить брата, чтобы варенья наварили в Заводе. Просить ни о чем не хотелось, но деваться некуда...

А вот дом совсем невелик – включая переднюю, шесть комнат, маленьких, тесных, разместились с трудом.

– Азя, а что будет, если гости приедут?

– Кто к нам в такую глушь приедет?

– А вдруг?

– Императорскую семью ждете, мадам?

– Со всем двором вместе!

Сестры от души хохотали:

– А двор вот на том лужке разместим! Фрейлины справа, кавалеры слева...

– Прямо в кустиках и, чур, не подглядывать!

– И в нашу баню очередь по записи.

– Нет, баня такого не выдержит.

Потом Наталья Николаевна вздохнула:

– Не стоит портить эту красоту присутствием двора.

– А двор разве не красота?

– Не такая...

– Решено, Таша, не станем двор в гости звать, обойдемся местным старостой.

И снова смеялись почти до слез...

Но настоящие слезы были не там...

Еще в ноябре Пермагонов закончил работу над памятником на могилу Пушкина, но Наталья Николаевна попросила отложить установку до ее приезда. Теперь предстояло установить памятник, а для этого нужно

извлечь из земли гробы с телами Надежды Осиповны и Александра Сергеевича, соорудить кирпичный склеп и только затем уже делать цоколь и устанавливать сам памятник и ограду.

Потому сначала Наталья Николаевна поехала в Святогорский монастырь, где могила Пушкина пока венчалась простым деревянным крестом.

Но и туда добираться не на чем, своих лошадей нет, брат обещал прислать их старых из Завода, но дальше обещания дело не шло... Наталья Николаевна попросила у соседей - Осиповых. Идти к Осиповым невероятно тяжело, словно на самый строгий суд, даже тяжелее, чем к Сергею Львовичу. Однако Наталья Николаевна понимала, что делать это нужно, хотя бы потому, что там ближайšie друзья Пушкина по его счастливым, пусть и трудным дням в Михайловском.

Была еще одна причина - ревнивая Наташа гнала от себя мысль, что в Тригорском Пушкин был страстно влюблен в Анну Керн, во всех сестер Осиповых, а еще в свой последний приезд сюда, то есть за полтора года до гибели, в младшую из них - Машу. Даже после смерти она ревновала мужа. Ревновала к вот этой страсти, пусть прошлой, былой, пройденной им, но не забытой... Словно та давняя влюбленность в Керн краля у нее часть Пушкина.

А еще чувствовала, что если в блеске света ей удавалось не показывать своей ревности, разве что следовали домашние скандалы, то здесь, в душевной обстановке, непременно выдаст, и это будет неприятно всем, поссорит ее с Осиповыми и оскорбит память Пушкина. Наталья Николаевна до такой степени чувствовала себя подотчетной этой памяти, что «пригляд» получался много строже маменькиного. При жизни Пушкин знал о каждом ее шаге, каждой мысли, но и теперь, после гибели, она все так же мысленно

рассказывала ему все. Эта собственная цензура жизни была строже любой прежней.

Осиповы приняли вдову сначала несколько настороженно: красавица, несмотря на все перенесенные потрясения и беды, она осталась невероятной красавицей, причем петербургской красавицей. Неразговорчивость показалась надменностью, скромность холодностью, приветливость воспринималась недоверчиво, как дань светскости...

Но коляску, конечно, дали. Сейчас для Натальи Николаевны это было важнее даже мнения Осиповых, ничего, она успеет показать Прасковье Александровне свою благодарность...

В Святогорский монастырь поехали с детьми и Александриной. У Ази глаза на мокром месте от самого Михайловского. Однажды, еще в Заводе, она осторожно спросила сестру:

- Таша, простишь ли ты когда-нибудь меня за то...

Наталья Николаевна почти недоуменно посмотрела на любимую сестру:

- Азя, никогда не заговаривай об этом. Я этого не помню. И не казни себя.

Но та помнила и сейчас, направляясь к могиле зятя, попыталась повиниться снова. Таша, глядя прямо перед собой, тихо произнесла:

- Азя, он своей смертью очистил нас всех. Всех, понимаешь, даже Дантеса...

Александрина вдруг раскрыла ладонь и протянула Наталье крестик, отданный ей Пушкиным перед самой смертью:

- Возьми...

Наталья закрыла ее пальцы:

- Это твоя память, Азя, только твоя. - И снова повторила: - Не казни себя, так должно было случиться...

На высоком холме Святогорского монастыря скромный крест над двойной могилой – матери и сына. Наталья Николаевна подвела к нему детей, опустилась на колени, не замечая грязи от вчерашнего дождя:

– Я привела к тебе детей... Они здоровы... и они в Михайловском. Хозяева в Михайловском... Ты этого так хотел...

К Александре Николаевне подошел монастырский келарь:

– Памятник доставлен и стоит в сарае готовый. Надо договориться, как ставить...

Азя почти растерянно оглянулась на него. Но говорить ничего не пришлось, келарь уже увидел коленопреклоненную вдову и жмущихся к ней ребятишек, перекрестился сначала сам, потом перекрестил их:

– Помоги им, господи...

Чуть в стороне стояли трое крестьян с женами и детишками. Александра почти испугалась:

– Просить что пришли?

Келарь покачал головой:

– На могилу пришли. – В ответ на недоуменный взгляд пояснил: – Сюда часто крестьяне из соседних деревень ходят, особо те, кто Александра Сергеевича знали. И детей приводят, чтоб помнили, кто здесь лежит. И барышня из Тригорского тоже бывает, в прошлом году даже пешком пришла, как на богомолье...

Наталья Николаевна ничего этого не слышала, она мысленно беседовала с мужем, давая ему отчет о детях и том, что удалось для них сделать.

– Ты прости, что я в Петербург вернулась, нам необходимо было... Но живем мы тихо, скромно. – Губы чуть тронула улыбка: – А теперь вот в Михайловском... как ты хотел. Слушаем вой ветра, волков пока не слышали... Вяземский обещал приехать, ждем. Лев Сергеевич тоже обещал...

Договорились о том, как делать склеп, как ставить памятник. Это требовало денег, и немалых. Они таяли, как снег весной, а ведь лето только начиналось. Но Наталья Николаевна надеялась на брата, ведь обещал же прислать в деревню им с Азей 2000 рублей, это куда меньше, чем выделял даже одной Александрине раньше, но обе сестры понимали, что теперь от брата в семье мало что зависит, всей его жизнью, как и доходами Завода, распоряжается строгая супруга.

Становилось все яснее, что рассчитывать нужно только на свои силы, а их было так мало. Еще меньше опыта.

У кого этого опыта набираться? Сергей Львович хоть и приехал в Михайловское раньше снохи с детьми, даже в доме ничего в порядок не привел, жил в ожидании непонятно чего.

Поучиться можно бы у Прасковьи Александровны, хозяйка Тригорского управляла имением твердо и весьма толково, но, чтобы просить помощи и совета, сначала нужно наладить отношение к себе, а пока оно оставалось настороженным. Наталья Николаевна понимала ревность со стороны Осиповых: Пушкин «принадлежал» им столько лет, был обожаем всеми и сам обожал всех, а потом вдруг появилась Наташа Гончарова, захватила себе его любовь и внимание, оставив барышням Тригорского малую толику.

Но в Тригорском летом всегда дочь Прасковьи Александровны Евпраксия Николаевна Вревская. Она сама всем рассказывала, что Пушкин перед дуэлью обедал у брата ее мужа Сердобина. Сама Евпраксия в это время была в Петербурге и о дуэли якобы знала. Услышав об этом, Наталья Николаевна даже закричала: «Что же не остановила?!» Но у Вревской хватало ума только на то, чтобы обвинять жену Пушкина.

Видеть ту, что могла задержать Пушкина, сообщить о дуэли и тем самым расстроить ее, для Натальи Николаевны было невыносимо, потому в Тригорское она не стремилась. Хотя там тоже все дышало Пушкиным – скамья, так похожая на описанную в «Онегине», барский дом словно оттуда же... А еще липовая аллея, где Пушкин прогуливался с Керн... и это тоже больно. Больно вспоминать все, что касалось его увлечений, пусть и бывших до нее...

Добрые отношения с хозяевами Тригорского сложились не сразу, каждый словно тянул память Пушкина на себя, самим себе и невольно другим доказывая, что именно с ним или с ней Пушкин был особо близок и откровенен. Слушая Осиповых, Наталья Николаевна понимала, что они ничего не знают о настоящем Пушкине последних его лет. Но сказать правду не могла, ее же первую и осудили бы.

Не хватало денег? Пока не был женат да не наплодил детей, небось хватало. Брал, конечно, в долг, и частенько, да только как получит за какое-то стихотворение или поэму, так и отдаст.

И от родителей помощи не ждал, и имения не закладывал, жил на свои литературные труды. Конечно, на детей и особенно жену в Петербурге вон какие деньжищи нужны! Придворные балы нарядов требуют, выездки, украшений, трат на парикмахеров, слуг... да мало ли на что! А писать когда, если Пушкин то и дело при дворе? К тому же все эти скандалы и слухи вокруг его красавицы-жены...

Вот и получалось: что погубило поэта? Женитьба. Кто погубил? Жена. Из-за нее Пушкин почти не писал, бросился в издательскую деятельность, а потом и вовсе стрелялся.

Наталья Николаевна понимала, что каждому объяснить не сможет, да и не поверят, а потому

предпочитала прятаться от людской молвы, надеясь, что со временем та просто стихнет.

В Михайловском кому-то и что-то доказывать не хотелось вовсе, здесь над всеми помыслами безраздельно царил Пушкин. Его именем, его поэзией было проникнуто все: дом, окрестности, казалось, сам воздух Михайловского и Тригорского. И это хорошо, что хозяева Тригорского так ревниво оберегали память о Пушкине, связывая с ним аллеи парка, дорожки, даже скамью или отдельные деревья.

Издали слышны детские крики – Пушкины во что-то играли. Наталья Николаевна улыбнулась: им куда вольготней здесь на природе, чем в душном, пыльном Петербурге. У всех на щеках немедленно появился здоровый румянец, глаза блестят, лица загорели на солнышке...

Но, подойдя ближе к огромному раскидистому дубу, который так любил Пушкин, она обмерла: на нижнем, но находящемся довольно высоко суку сидела Маша, причем сидела, не держась за ствол! Ее руки были заняты большим гребнем, которым девочка водила по волосам, видно изображая расчесывание.

Вокруг самого дуба на четвереньках ползал Гриша и отчаянно мяукал, а Саша и Таша что-то выискивали в траве.

Маша сверху давала советы брату:

– Ты не орать, как мартовский кот, должен, а сказки рассказывать. Или песнь завести...

Старший брат отвлекся от поисков:

– Только пусть не поет! Ему медведь на ухо наступил.

И тут же, в свою очередь, получил замечание от самой младшей сестрицы:

– Сашка, ты все следы затоптал, как слон!

Наталья Николаевна застыла, с трудом сдерживая слезы – дети играли «в Пушкина». Какая память об отце могла быть лучше, чем вот эти игры его собственных детей!

В предыдущий вечер Наталья Николаевна читала им (в который уже раз!) «Руслана и Людмилу», из которой дети больше всего любили то самое вступление про Лукоморье и дуб зеленый... Завязался спор, тот ли это дуб, что стоит отдельно на пригорке. Саша возражал, что там нет ветвей, на которых сидеть можно. Маша доказывала, что есть, только высокогато, но это потому, что дуб подрост. Потом они еще обсуждали, как должны выглядеть невиданные звери...

Первой мать заметил бедный Гриша, которого все критиковали за исполнение роли ученого кота, он поднялся с четверенок и бросился к Наталье Николаевне:

– Мама!

Следом раздались два отчаянных вопля, один Ташин: «Следы!», а второй едва не рухнувшей вниз Маши. Видно, русалка потеряла равновесие. Пришлось русалочьей матери вытягивать вверх руки:

– Слезай или вообще прыгай, я удержу.

Подскочил помогать и старший брат:

– И я удержу.

Тут же рядом, забыв о затоптанных следах, оказались и младшие:

– И я! И я!

Маша повисла на руках и спрыгнула в руки матери и братьев. Все кучей повалились на траву, смеху было...

Отсмеявшись, Наталья Николаевна вздохнула:

– А следы-то мы затоптали...

Маленькая Таша махнула рукой:

– Новые найдем.

– А зверей видели?

Старший брат, снимая с головы и плеч ветки, видно помогавшие ему выгладеть лешим, мимоходом кивнул на заросли:

- Таша там видела...

Наталья Николаевна сделала страшные глаза:

- И какие они?

Дети включились в продолжение игры, тоже сделали большие глаза, растопырили руки и шепотом начали объяснять:

- Они... такие... такие...

- Может, дядьку Никиту позвать, чтобы пугнул?

- Нет, мама, что ты! Испугаешь, больше не придут!

Наталья Николаевна подумала, что дети правы, в Михайловском никого нельзя пугать и ничего менять, здесь должно все остаться пушкинским, таким, как видел его Александр Сергеевич.

- Может, им угощение оставить?

- А что? Что едят невиданные звери?

Принялись горячо обсуждать, что же могут есть эти самые звери.

В конце концов решили оставить на ночь молочка. Вечером торжественно пристроили в траве площадку, налили из кринки молока и на цыпочках удалились, позволяя невиданным зверям отужинать.

К утру молоко было выпито, и хотя все прекрасно понимали, что это какой-нибудь ежик, так хотелось верить, что невиданные звери!

На всех настолько действовало пребывание в волшебном Михайловском, что даже старшие - девятилетняя Маша и восьмилетний Саша - играли в сказки наравне с младшими - шестилетним Гришей и пятилетней Ташей.

Через пару дней, оказавшись в Тригорском, Таша принялась рассказывать Прасковье Александровне, что они кормят невиданных зверей молочком.

- Каких зверей?! - почти перепугалась Осипова.

- Тех, что у тяти в Лукоморье! Правда-правда, и маменька согласна, что они вокруг нашего большого дуба ходят, только их не видно, потому что они невиданные.

Видя, что ее внимательно слушают, Таша решила уточнить свое сообщение:

- А Маша у нас русалка. Саша - леший, а Гриша - кот ученый, только он плохо песнь заводит.

- А ты кто?

- А я... - девочка на мгновение задумалась, ей роли в Лукоморье как-то не осталось, искать следы - это же не роль. Но долго не мучилась:

- А я Царевна-Лебедь!

Гриша решил восстановить справедливость:

- Царевна-Лебедь в другой сказке. В той Людмила есть. Ты Людмилой будешь.

У Таши задрожали губы, ей совсем не хотелось быть какой-то там Людмилой. Наталья Николаевна бросилась на выручку дочери:

- Она к нам приплыла. У Пушкина можно из сказки в сказку, они все его.

- Тогда я - Черномор! - завопил Гриша.

- Хорошо, хорошо, только подите во двор выискивать себе роли, - рассмеялась мать, выпроваживая свою шумную компанию за дверь.

Было слышно, как они снова начали делить роли.

- Вы уж простите нас за такой шум. У вас тихо, мирно, а тут мы со своими лешими да Черноморами...

И замолчала, заметив, как изменилось выражение лица Прасковьи Александровны. Осипова смотрела на вдову со слезами на глазах, так играть с детьми в пушкинские сказки могла только мать, очень любящая детей, и жена, очень любившая своего Пушкина.

Осиповы перестали коситься на Наталью Николаевну. Она любила Пушкина не меньше, чем они сами, а может, и больше. Прасковья Александровна

поняла, за что, за какую душу любил свою Мадонну поэт.

Она просила и просила брата выслать обещанные (и положенные им с Александрой!) деньги, а еще приехать самому. Приехать, чтобы опытным взглядом осмотреть имение и понять, как можно что-то исправить и вообще что-то сделать.

«Ты был бы очень мил, если бы приехал к нам. Если бы ты только знал, как я нуждаюсь в твоих советах. Вот я облечена титулом опекуна и предоставлена своему глубокому невежеству в отношении всего того, что касается сельского хозяйства. Поэтому я не решаюсь делать никаких распоряжений из опасения, что староста рассмеется мне прямо в лицо. Мне кажется, однако, что здесь все идет, как Бог на душу положит. Говоря между нами, Сергей Львович почти не занимался хозяйством. Просматривая счета конторы, я прежде всего поняла, что имение за 4 года дало чистого дохода только 2600 руб. – Ради бога, приезжай мне помочь; при твоём опыте, с твоей помощью я, может быть, выберусь из этого лабиринта».

Не приехал и не помог, даже писал редко и нерегулярно, и денег тоже не слал, хотя и был обязан. Видно, жена не позволяла.

Жить только Пушкиным снова не получалось, ежедневные заботы и новое безденежье этого не позволяли.

Странно, но Сергей Львович совершенно устранился от управления Михайловским, взвалив все на плечи неопытной снохи. Ему исполнился 71 год (в действительности 74, так как он зачем-то убавлял себе три года). Несмотря на возраст, у Сергея Львовича в Михайловском вспыхнула страсть, и к кому! Такого не ожидали в Тригорском, а уж Наталья Николаевна тем более.

Семейство Осиповых-Вульф было богато барышнями, в которых одну за другой влюблялся Пушкин. Барышни, а потом и племянница Осиповой – Анна Петровна Керн отвечали поэту взаимностью. Чувствуя эту романтическую привязанность мужа к Тригорскому, Наталья Николаевна не слишком радовалась, когда тот осенью за полтора года до гибели провел в Михайловском некоторое время, надеясь плодотворно писать, но не привез ничегошеньки, кроме разве вот такого:

Я думал, сердце позабыло
Способность легкую страдать,
Я говорил: тому, что было,
Уж не бывать! Уж не бывать!
Прошли восторги, и печали,
И легковверные мечты...
Но вот опять затрепетали
Пред мощной властью красоты.

Совершенно понятно, а то, что Пушкин прятал глаза и переводил разговор на другое, только добавляло ясности, что у него там случился роман. Наталья Николаевна ревновала, пыталась выпытать, Пушкин выкручивался, но постепенно новая беременность и заботы последнего тяжелого года жизни поэта заслонили для Натальи Николаевны мысли о Тригорском.

Приехав сюда, она вспомнила это стихотворение мужа, но запретила себе даже думать о ревности, в кого бы ни был тогда влюблен Пушкин, сейчас это уже неважно.

А у Александра Сергеевича и впрямь последней осенью в Михайловском было увлечение младшей барышней Осиповых – Машенькой. Ей только

исполнилось 15 лет, девушка расцвела, и, глядя на нее, помолодел, словно вернувшись во времена своей ссылки десятилетней давности, Пушкин. Он шалил, как и десять лет назад, был остроумен, весел, искрометен. Может, потому и не написал ничего, что не до серьезных литературных трудов оказалось?

Но дома ждали жена и трое детей, Наталья Николаевна уже носила четвертого, не отпускали заботы... Поэт уехал. Маша долго переживала, потом влюбилась в другого, Пушкина забыла, но, узнав о его смерти, долго переживала. Они с матерью и сестрой Екатериной присутствовали на скромных похоронах Пушкина, потому что горестный обоз заблудился и вместо Святых Гор попал сначала в Тригорское... Даже мертвый Пушкин не смог миновать любимый им дом...

Маша долго после этого болела, пешком ходила в Святогорский монастырь, молилась... Но время лечит, через четыре с половиной года она уже не лила слезы по поэту, хотя и не забывала.

И вот в эту очаровательную Машу Осипову еще три года назад как мальчишка влюбился Сергей Львович! Это могло быть смешно, если бы не было так грустно. Ей было восемнадцать, ему в действительности семьдесят один год. Конечно, Машенька не принимала всерьез ухаживания отца того, в кого была влюблена сама. А страсть Сергея Львовича не ослабевала, и к приезду снохи с детьми он сделал ей подарок - сделал предложение Маше Осиповой! Маша посмеялась, Наталья Николаевна просто не знала, как с этим быть. И смех, и грех. Ей было жалко Сергея Львовича, но Наталья Николаевна понимала, что свекор ставит себя в нелепое положение, как молодой ухаживая за юной барышней, годящейся ему во внучки.

Не ведала Наталья Николаевна, что немного погодя сама же будет умолять Машу снизойти к старику и выйти за него замуж!

Дело в том, что, когда на следующий год в Михайловское, где снова жила с детьми Наталья Николаевна, приехал Лев Сергеевич, Маша по-настоящему влюбилась в брата того, кем восторгалась. Влюбилась взаимно, младший Пушкин ответил на ее чувство. Вот это был бы подходящий брак, не то что с его отцом. Наталья Николаевна тоже радовалась за брата своего мужа, отношения с хозяевами Тригорского у нее уже наладились.

Но все испортила сама неугомонная Маша. То ли решив, что Лев подобен своему брату, то ли желая поторопить его с предложением, девушка извела возлюбленного откровенной ревностью, в то же время ведя себя весьма настойчиво. Это или что другое оттолкнуло Льва Сергеевича, предложения он не сделал, а уехал на юг к месту службы и в Одессе женился на Загряжской, двоюродной племяннице Натальи Николаевны.

В это время, убедившись, что сердце девушки безвозвратно отдано его младшему сыну, Сергей Львович решил попытать счастья с другой молодой особой. Он принялся ухаживать за... дочерью Анны Петровны Керн Екатериной Ермолаевной. Сергей Львович даже стихи стал писать!

Теперь Наталья Николаевна поистине пришла в ужас: перспектива получить в качестве свекрови дочь бывшей возлюбленной Пушкина ее не радовала совсем! Уж лучше Машенька Осипова. Наталья Николаевна лично просила Машу снизойти до старика и ответить на его ухаживания. Осипова снизошла, но теперь принялась решительно действовать и Екатерина Керн. Сергей Львович, над которым еще вчера обе барышни посмеивались, вдруг оказался перед нелегким выбором: обе молоды, очаровательны, хотя и не красавицы.

На счастье Натальи Николаевны, Сергей Львович, подобно буриданову ослу, так и не смог выбрать меж

двумя, посвящая мадригалы то одной, то другой до самой своей смерти в 1848 году. Но поволноваться и Пушкиных, и Осиповых, и даже Керн заставил.

Маша не вышла замуж, зато со временем стала настоящей хозяйкой имения, взяв его в свои крепкие ручки и собственными трудами выведя из грозившего разорения.

Но тогда до этого было еще очень далеко, влюбленный Сергей Львович ежедневно ходил в Тригорское, подолгу сидел в гостиной, слушая игру на рояле и пение барышень, восхищался цветниками, умением Осиповых вести хозяйство, но сам у них ничему не учился... Если бы не приезд снохи с детьми, клумбы в Михайловском заросли бы сорняками так, что и дома не найти.

Он и после приезда Натальи Николаевны с внуками жил так, словно находился у них в гостях. Теперь это так и было, имение принадлежало детям Пушкина, но ведь это его внуки, к тому же запустил имение сам Сергей Львович, и запустил основательно.

Когда стихали детские голоса, когда все бывали вымыты после дневной беготни, накормлены и уложены спать, когда уходила спать Александрина, отправлялась к себе горничная, Наталья Николаевна садилась к столу и бралась за счета.

Цифры... цифры... цифры... их так не любил Пушкин... Она знала, почему не любил. Потому что в последние годы они всегда выводили в минус, расходы превышали доходы. Даже перед смертью Пушкин попросил лист и посчитал свои долги. Их оказалось очень много даже по его подсчетам. Набралось более 120 000 рублей. Но после заплатить пришлось много больше, видно, поэт кое-какие долги забыл, в том числе и долг Юрьеву, который сделала она в самом конце декабря. А в действительности еще больше, государь

распорядился оплатить все долги поэта, которые так или иначе были подтверждены.

Тогда же император приказал за счет казны очистить от долгов болдинское имение Пушкиных, которое приносило вполне приличный доход. Но дело оказалось в том, что село Кистенево из болдинского имения Сергей Львович Пушкин сыну не подарил, а передал в пожизненное пользование. Никто не мог ожидать, что сын умрет раньше отца. После смерти Александра Сергеевича Кистенево вернулось к Сергею Львовичу и, освобожденное от долгов, давало ему весьма неплохие деньги. Однако Сергею Львовичу почему-то и в голову не приходило хотя бы поделиться с вдовой и детьми этими доходами, хотя он щедро оплачивал из них карточные долги своего младшего сына Левушки.

Так своей гибелью Пушкин невольно помог благосостоянию отца и брата. А вот свою долю Михайловского Сергей Львович внукам через Опекунство... продал! И снова от полученных денег дети не получили и копейки. Дед не желал заботиться о внуках, взвалив все на плечи их молодой матери... В двадцать пять лет Наталья Николаевна осталась с четырьмя детьми с небольшой пенсией от государя и теперь вот полуразоренным Михайловским. И помочь ей было некому...

Наталья Николаевна подсчеты тоже не любила. Страшно было видеть, что, как бы ни экономила, жить все равно не на что. Брат Дмитрий обещал прислать положенные деньги прямо в деревню, а еще лошадей, но ни того ни другого не было. Она понимала, что Дмитрию не до сестры с племянниками, но тогда бы уж не обещал... Тысяча за май осталась невыплаченной, уже шел июль, а денег все не было. Не было и лошадей, которые так нужны летом в деревне, без них только пешком. По округе для прогулок еще куда ни шло, но

для поездки в Святые Горы всякий раз приходилось просить экипаж у соседей. Это вызывало недоумение, и сколько бы Наталья Николаевна ни объясняла, что выезд в Петербурге не держит, потому что в свете не бывает, в Тригорском, видно, решили, что она не сообразила обеспечить лошадей, надеясь, что за нее все сделают. Вот она, столичная барынька, ни на что не способна.

Наталья Николаевна терпела, умоляла брата скорее прислать лошадей из Завода, ходила в Тригорское, снова кланялась, просила, но детей возила в Святые Горы часто. Отца помнила только Маша, да и то Наталья Николаевна казалось, что она больше делает вид, что помнит, остальные были совсем маленькими, Таша так вообще кроха. Поэтому Наталья Николаевна так старалась, чтобы дети поняли: Пушкин – это святое.

Часто читала пушкинские сказки и даже выборочно из «Евгения Онегина», о котором Таша говорила:

– Он негий...

Из «Он негия», конечно, любили «Зиму», но вопросов она вызывала множество.

Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетется рысью как-нибудь...

За этим следовало:

– А что такое «надровнях»?

У четверых детей было столько вопросов, что и десятку взрослых не ответить, а тут она почти одна... Считавшая себя почти взрослой Маша поучала Гришу:

– Ты неправильно говоришь, Пушкин не так писал, надо не «обручке», а «облучке»!

Наталья Николаевна переживала, чтобы они не стали воспринимать Пушкина, как просто первого поэта России, дети должны понять и запомнить с малых лет, что этот великий поэт их отец. Они произносили «рара» по-французски, это как-то невольно отдаляло их от Пушкина.

Вообще, в Михайловском совсем не хотелось говорить по-французски. Заметила это все та же Маша:

- Здесь французский не живет, он в Петербурге остался.

И мать поразились тому, насколько это верно.

Она, как могла, освобождала Азю от забот о детях, чтобы той не казалось, что ее используют в качестве няньки. Даже предложила, если не хочется ехать в далекое Михайловское, отправиться с теткой на дачу. Но Екатерина Ивановна и сама пристраивалась к приятельнице, к тому же Азе с двумя старыми девами было бы совсем тошно. Однако и в Михайловском женихи в очередь не стояли, если не считать таковым молодившегося Сергея Львовича.

Но кто бы саму Наталью Николаевну освободил хотя бы от части забот? Никто не желал этого делать, а Пушкина больше не было с ней. Все вопросы приходилось решать самой, а опыта не было никакого, разве что по ведению хозяйства в Полотняном Заводе.

В Полотняном Заводе жили постоянно, там было хорошо налажено усадебное хозяйство, из года в год сажались огороды, держали достаточно коров, вообще был большой скотный двор и остальные службы. В Михайловском не было ничего. Когда приехали Наталья Николаевна с детьми, сажать что-то было уже поздно, разве только цветы... Вот цветы и росли в изобилии, остальное приходилось покупать.

Нелепо - жить в своем имении и все возить с рынка. Конечно, это много дешевле, чем в Петербурге или той

же Черной Речке, но все равно требовало денег, которых не было.

Дом подновили, насколько смогли, но начальная мысль Натальи Николаевны остаться в Михайловском на зиму быстро испарилась; чтобы оставаться, дом нужно было не только подновлять, а основательно ремонтировать. Когда только приехали, все та же досужая Маша, пройдясь по комнатам, брезгливо поморщилась:

- Ой, как здесь давно ничего не ремонтировали...

Сергея Львовича такое замечание не смутило, он согласился:

- Давненько. Последний раз двенадцать лет назад.

Чтобы не расплакаться, Наталья Николаевна начинала придумывать, как она к следующему году подготовится и даже перестроит дом. Это будет прекрасный барский дом, пусть деревянный, но удобный, уютный, светлый и просторный. А пока приходилось жить в этом. И латать его. Смазали страшно скрипевшие двери, немного починили крыльцо и балкон, чтобы не опасно выходить, местами оборвали и заново поклеили обои.

Но Наталья Николаевна старалась, чтобы дети как можно больше времени проводили на свежем воздухе, подолгу гуляли, бегали, плавали... Наперегонки вон до того дерева... кто быстрее в горку... кто допрыгает на одной ножке до того камня или обежит вокруг огромной пушкинской ели... Каждый шаг превращался в игру и служил напоминанием о Пушкине.

Пушкин царил везде и во всем, и в ее вечерних тоскливых подсчетах тоже.

Сейчас Наталья Николаевна вполне осознала отчаянье и мучения мужа, когда он понимал, что не может обеспечить свою семью. Она тоже не могла, и помощи просить не у кого. Брат не присылал

положенных денег, видно обидевшись на отказ купить одно из гончаровских сел.

Село, может, и хорошее, оно даже прибыль какую-то приносило, но для покупки нужно было тронуть сумму в 50 000 рублей, которую Наталья Николаевна получила за издание собрания сочинений Пушкина и положила в банк. Сама она считала эту сумму неприкосновенной, «детской». Дмитрий Николаевич сердился: у него деньги то и дело просят, а 50 000 тронуть не хочет. Наталья Николаевна помнила стремление мужа во что бы то ни стало оставить детям имение, хоть маленькое, но свое, но истратить последнюю твердую сумму, которая у нее была, не решалась.

К тому же кто будет заниматься этим имением? Из нее, как выяснилось, помещица плохая. Это Маша Осипова могла твердым голосом командовать дворовыми девками и заставляла петь во время сбора ягод. Пушкина удивилась:

- Зачем?

- Когда поют, не едят. Им дозволь, так они больше барской ягоды съедят, чем соберут.

- Пусть бы ели, вон ее сколько, - повела рукой Наталья Николаевна, ей казалось, что в таких малинниках, какие были в Тригорском, не то что девкам, всему уезду хватило бы.

Молоденькая Маша посмотрела на старшую соседку, как на полную недотепу, дернула плечиком:

- Дворовых жалеть - самой в разоре быть!

Позже она доказала, что действительно умеет управлять имением твердой рукой, а сестре, жаловавшейся на скуку, советовала от этой скуки лекарство: встать в пять утра и, помолясь, работать на грядках до полного изнеможения. Тогда и скука отстанет.

Наталье Николаевне тоже было не до скуки, ее снедало беспокойство. Чтобы уехать в Михайловское, она была вынуждена занять у Вяземского деньги, к тому же ему поручено подыскать квартиру на зиму и заплатить задаток, а на это тоже нужны деньги. Дмитрий Николаевич 2000 рублей, которые должен был прислать давным-давно и обещал переправить сразу в деревню, так и не выслал. Он и Александре не высылал. Сестра объявила, что знает почему!

Наталья Николаевна пожалала плечами: что тут знать, у Дмитрия тоже нет денег, отправлять сестрам значит отрывать от себя. Азя фыркнула:

- Екатерине все отправляет как положено и вовремя!

О Екатерине они не говорили никогда, словно вычеркнув ее из своей жизни, а вот брат даже переписывался. Потому Наталья Николаевна поморщилась, отношения Дмитрия и Екатерины обсуждать не хотелось совсем. Но сестра договорила то, что хотела:

- Дантес не Пушкин и не ты, он положенное вытребует, даже если Дмитрию придется с протянутой рукой на паперти стоять!

Это была правда, Дантес во Франции быстро сделал карьеру заново, кроме того, оказалось, что он вовсе не сирота, усыновленный Геккерном, у Жоржа был богатый отец. Да и Геккерн приемного сына не обидел. Но все равно Дантес действительно вытребовал все положенное, ему Дмитрий Николаевич содержание супруги - теперь уже 5000 рублей в год - высылал вовремя. Когда умерла Наталья Ивановна, Дантес потребовал свою долю в дележе ее небольшого наследства, причем потребовал в резкой форме, пришлось высылать, не считаясь с тем, что наследство это в виде имения доходов тоже почти не давало.

Наталья Николаевна не стала обсуждать поведение ненавистного ей человека, а за себя и своих детей умела только просить. Но брат, словно и не получал писем или не читал их, денег не присылал.

Через полмесяца после первого отчаянного письма полетело второе:

«...если ты не придешь мне на помощь, я, право, не знаю, что делать. Касса моя совершенно пуста, для того, чтобы хоть как-то существовать, я занимаю целковый у Виссариона, другой – у горничной, но и эти ресурсы скоро иссякнут. Занять здесь невозможно, так как я никого тут не знаю. Ради Бога, любезный и дражайший братец, прости меня, если я тебе так часто надоедаю по поводу этих 2000 рублей... эта сумма – единственная, на что я могу рассчитывать для расплаты с долгами и на жизнь до сентября...»

Занимать у слуги и горничной уж совсем тяжело, но, когда тебе нечем кормить детей, пойдешь и на это. Брат денег так и не прислал и сам не приехал. А ведь она просила то, что полагалось от доходов имения! То ли у Дмитрия Николаевича совсем не было денег, то ли он решил, что, находясь рядом со свекром, Наталья Николаевна возьмет у него. Но свекор не торопился помогать снохе ни в чем, даже в установке памятника на могиле Пушкина, а ведь переделка захоронения Пушкина и Надежды Осиповны потребовала немалых денег. Пришлось брать в долг...

В долг Сергей Львович дал, но потребовал гарантийное письмо на имя Опеки в том, что деньги будут выданы ему из полагающейся на содержание детей Пушкина суммы, определенной государем. При этом Сергей Львович просто забыл, что деньги Наталье Николаевне нужны для переделки могилы его жены и сына, а взяты будут из содержания его внуков. Но старший Пушкин вообще мало задумывался над тем, как живет его сноха с детьми.

После смерти Надежды Осиповны он отказался от своей доли в наследстве не в пользу уже многодетного Александра, а в пользу вполне обеспеченной дочери Ольги, за младшего сына Льва постоянно выплачивал его карточные долги, а вот в обеспечение денег, данных в долг на обустройство могилы старшего сына и жены, потребовал расписку в адрес Опеки. А ведь государь именно ради помощи детям Пушкина распорядился очистить от долгов болдинские имения Пушкиных, только пользоваться доходами от них после смерти мужа вдова не имела права, а свекор не делился. Получалось, что император помог не ей с детьми, а Сергею Львовичу...

Конечно, Наталье Николаевне было обидно до слез, но плакать она не могла себе позволить, разве что наедине, когда никто не видел.

Письма брату полны мольбы о помощи, потому что кругом долги и жить не на что. Но это вечером за письменным столом, когда никто не видит, и слезы тоже беззвучно и в подушку, а с утра улыбка, радостный смех – дети должны запомнить Михайловское как приют сказок и место, где на неведомых дорожках бродят невиданные звери. И ради этого она готова была тихо выть в подушку по ночам и улыбаться днем. Помочь некому, четверо детей – это ее и только ее забота.

Стоило чуть разобраться с житьем в Михайловском, договориться о молоке, яйцах, привезти муку, чай, сахар и еще много-много чего, как нагрянули первые гости.

Сначала в конце июля по пути на воды за границу заехал младший из Гончаровых Иван Николаевич с супругой Марией. Эта пара прожила недолго, а следующими приехали уже на три недели Фризенгофы. Наталья Ивановна была воспитанницей тетки Натальи Николаевны Софьи Ивановны Загряжской и Ксавье де

Местра. Она долго не могла выйти замуж, а потому, когда состоялся ее брак с бароном Фризенгофом, радовались все. Брак был счастливым, супруги любили и уважали друг дружку.

Теперь они уезжали в Вену на постоянное жительство и решили по пути заглянуть в Михайловское. Прожили долго – больше трех недель, эти недели были веселыми, большая выдумщица и прекрасная рисовальщица Наталья Ивановна стала заводилой детских игр и занятий. Вся компания, включая взрослых, с увлечением собирала гербарий, высушивая растения и наклеивая на альбомные листы...

Казалось, что с Фризенгофами прощаются уж навсегда. Но судьба распорядилась иначе, они вернулись в Петербург, Наталья Ивановна Фризенгоф прожила недолго, а после ее смерти барон нашел утешение в общении с Александрой. Азя стала следующей баронессой Фризенгоф... Именно в их замке через много лет будет прятаться от своего бешеного первого мужа Наталья Александровна Дубельт – во время жизни в Михайловском еще пятилетняя Таша, решившая быть в сказках своего отца Царевной-Лебедь.

Фризенгофы прожили в Михайловском весь август, было весело, по окрестностям Михайловского и Тригорского носилась шумная компания, по вечерам долго пили чай, играли в разные игры, рассказывали веселые истории...

И только у бедной Натальи Николаевны голова шла кругом. Гости, пусть и очень желанные, это всегда расходы, причем расходы немалые. Будь в Михайловском свое хозяйство, это не составило бы больших трат, но его как раз и не было. Не было и денег на то, чтобы покупать еду для большой компании, а в Михайловском ежедневно обедало восемь-десять человек.

Осознав, что выхода нет, и уловив час, когда компания гуляла где-то по окрестностям, она отправилась к Прасковье Александровне.

Начинать этот разговор было мучительно трудно. Как объяснить пожилой уже даме, крепкой помещице, которая содержала большую семью на доходы от Тригорского и умудрилась дать многочисленным дочерям приданое, что нет денег на покупку даже провизии к столу? Но объяснять пришлось.

На ее счастье, Прасковья Александровна достаточно хорошо знала всех Пушкиных и понимала, что Сергей Львович хозяин никудышный. Денег она дала, правда, много не могла, у самой негусто. И болтать об этом не стала даже с дочерьми, прекрасно понимая, как для Пушкиной трудно будет с ними после того общаться. Но о Сергее Львовиче все же спросила:

– А он что ж, не помогает?

И Наталья Николаевна не смогла сдержать слез:

– Никто не помогает. Брат и тот денег не шлет... Вы не думайте, Сергей Львович денег дал... займы... Да только я их на переделку могилы потратила, там работы много, зимой хоронили, все непрочно, веса памятника не выдержит...

Прасковья Александровна поняла, как трудно живет молодой женщине. Но чем она могла помочь? Сама Осипова уже была сухонькой маленькой старушкой, передавшей бразды правления Тригорским детям, а потому деньги вынула из заветной шкатулочки, попросив и Наталью Николаевну никому не говорить об этом долге.

– А вы, милая, почаще свою компанию к нам присылайте, пусть у нас обедают да чай пьют, все полегче будет.

Наталья Николаевна ушла из Тригорского в слезах. Когда служанка Прасковьи Александровны попыталась

спросить, не случилось ли чего, только слабо улыбнулась:

- Мы Пушкина вспоминали...

Это было уважительной причиной, к слезам все отнеслись с пониманием, то есть утешать никто не стал.

В конце августа работы по оборудованию склепа и установке памятника были завершены. Пушкина хоронили второй раз...

Отслужили торжественный молебен... потом Наталья Николаевна собрала крестьян и проникновенно просила их не забывать Пушкина, помнить его и как поэта, и просто как хорошего человека. Мужики, видно, не ожидавшие такого разговора от столичной барыни, даже опешили. Потом один из них, постарше, смущенно крикнул:

- Да что ж... кто же забудет Александра Сергеевича-то? Невозможно забыть... Веселый был барин, добрый... Не, не забудем...

Остальные тоже закивали, соглашаясь:

- Не забудем, нет.

И действительно не забыли; приезжая позже в Святогорский монастырь, Наталья Николаевна каждый раз заставляла там кого-то из мужиков с женами и детьми, люди приходили на могилу Пушкина, словно к кому-то родному, подолгу сидели, разговаривая о нем. И не раз же были слышны строчки тех самым пушкинских сказок, которые так любила сама Наталья Николаевна: о колдуне, несущем богатыря на своей бороде, о спящей царевне, о Царевне-Лебедь...

Во время торжественных мероприятий она стойко держалась, а вот на следующий день, приехав на могилу одна, долго и навзрыд плакала, обняв теперь уже памятник. В стороне, тихонько переговариваясь, стояли два монаха:

- Как убивается, сердешная...
- Без мужа-то с четырьмя детишками одной... И такая молодая...

Наконец отправились в свою Вену Фризенгофы, Наталья Ивановна прощалась с Натальей Николаевной и Александрой со слезами, словно предчувствуя, что больше их не увидит... Провожали Фризенгофов всей семьей далеко, насколько возможно пешком. Обрато шли тихо, молча... Скоро и самим пора уезжать, да как, если Дмитрий Николаевич денег так и не прислал, зато теперь обещал прислать лошадей.

Это сообщение повергло Наталью Николаевну в ужас, лошади были нужны летом, а оставлять их в Михайловском в зиму значило основательно отремонтировать конюшню, закупать овес, спешно косить сено, а пора сенокоса давно прошла, брать конюха... Это все расходы и расходы.

Брату полетело письмо с просьбой теперь уже не присылать лошадей, оставив их в Заводе...

Следом за Фризенгофами уехал и Сергей Львович. Удивительно, он не задумался, что будет делать в деревне в обветшалом, продуваемом всеми ветрами доме, совершенно без денег и припасов, его сноха с внуками. Сергей Львович был занят своими душевными переживаниями, ведь Машенька Осипова посмеялась над его предложением руки и сердца.

Он увез расписку Натальи Николаевны и обещал приехать на следующий год снова....

Она смотрела вслед свекру с тоской, самим уезжать было не на что, долг отдавать Прасковье Александровне тоже. Не на что было и самим жить до сентября... Мало того, в сентябре собирался приехать Вяземский, а ему должны более 2000 рублей. Безденежье и долги не желали отпускать семью Пушкина даже после его смерти.

Вяземский действительно приехал в конце сентября, прожил неделю, посетив могилу Пушкина и поухаживав за его вдовой. Долг ему, конечно, не вернули... Он на немедленный возврат, вероятно, и не надеялся, но помочь вдове уже больше не мог.

А она оказалась в совершенно бедственном положении.

За дверью в передней переговаривались горничная с дядькой Никитой.

- Да нету, дал, кабы были! Сама же знаешь, что для деток Александра Сергеевича ничего бы не пожалел.

- И у меня больше ничего нет. Что же делать?

Наталья Николаевна поняла, что речь идет о деньгах, слуги обсуждали свою невозможность ей помочь. Толкнула дверь, вышла в переднюю, плотно прикрыла дверь за собой, ни к чему слушать остальным.

- Я больше ни у кого денег занимать не стану, отдавать нечем. Будем жить скромно.

- Да мы, барыня, и так скромно живем. Только вон Марьяна говорит, что на завтра и чаю больше нет, нечего на стол подавать. И свечи сегодня последние в канделябры поставили.

Наталья Николаевна в растерянности замерла. Нет чая и свечей... но Вяземский пробудет еще день, отправится только послезавтра, так собирался.

- Барыня, можно листики смородиновые заварить... И еще кое-какие травки... даже полезней.

Она нервно рассмеялась: конечно, можно, самим так и придется делать, но Вяземскому на стол отвар из смородинового куста не поставишь и лучину в углу не зажжешь. И вдруг решила:

- Никита, отправь кого-нибудь со мной в Тригорское, я одна боюсь.

- Да куда же, барыня, скажите, что надо, мы сами сходим.

Хотелось сказать, что надо денег, но Наталья Николаевна усмехнулась:

- Много что надо, только просить через кого-то негоже. Сама схожу.

Наталья Николаевна принесла из Тригорского чаю и свечей. Евпраксия Николаевна, увидев так поздно на пороге соседку, ахнула:

- Что случилось?!

- Нет, нет, ничего. Я к вам с просьбой... По недогляду у нас не оказалось ни чаю, ни свечей, а дома гость. Вы знаете: Вяземский приехал. Не дадите ли несколько... Право, неловко просить, очень неловко, да только где сейчас возьмешь?

- Прислали бы кого из слуг, что же самой бегать?

И вдруг Евпраксия Николаевна поняла:

- Вам, может, деньги нужны? Немного дать могу...

- Нет, нет! - быстро отказалась Пушкина. Она не могла сказать, что еще не отдала и неизвестно когда отдаст прежний долг Прасковье Александровне. В глазах стояли слезы...

Она несла домой чай и свечи и тихо плакала. Азя встретила сестру на крыльце:

- Что случилось, куда ты ходила почти ночью?

- Азя, еще одни гости заставят меня побираться по деревням у мужиков...

Она сунула сестре в руки пакет с чаем и свечами, села на ступеньки крыльца и расплакалась окончательно.

Дмитрий денег не слал, занимать больше не у кого и не подо что, возвращаться в Петербург тоже не на что. Но и в Михайловском оставаться тоже невозможно, дом непригоден для жизни зимой.

Просить помощи у Вяземского невозможно, даже если и были бы у него свободные деньги, от самого Вяземского Наталье Николаевне хотелось держаться подальше. Не будь у нее так мало настоящих друзей,

как та же Вера Федоровна Вяземская, несмотря на дружбу ее мужа с Пушкиным, а вернее, прежде всего из-за нее, Наталья Николаевна порвала бы с князем все отношения.

Дело в том, что Петр Андреевич, и при жизни Пушкина весьма волочившийся за его женой, теперь объяснялся в любви почти открыто. Пока эти объяснения в письмах и на словах облечены в шутку, но ненадолго. «Целую след ножки вашей на шелковой мураве, когда вы идете считать гусей своих...» «Любовь и преданность мои к вам неизменны и никогда во мне не угаснут, потому что они не зависят ни от обстоятельств, ни от вас...» «Прошу поверить тому, во что вы не верите, то есть, тому, что я вам душевно предан...» И наконец: «Вы мое солнце, вы мой воздух, моя музыка, моя поэзия... я вас обожаю! Я вас по-прежнему обожаю!».

Конечно, это можно бы принять за выражение простой дружбы и преданности, если бы не блестели так глаза князя, если бы не был он в остальном столь навязчив: в своих посещениях, советах, ревности, в конце концов. Его супруга Вера Федоровна, считая Наталью Николаевну виновницей трагедии, относилась к ней после гибели Пушкина прохладно, недолюбливая заодно и Александру. Она каким-то образом оказалась осведомлена о взаимоотношениях Пушкина со свояченицей, но если остальные молчали, то именно Вяземская сделала это всеобщим достоянием.

Муж волочился, жена сплетничала, но Наталье Николаевне приходилось с ними общаться, потому что и таких друзей оказалось не слишком много. Но она дала себе слово ни при каких обстоятельствах больше не просить денег у Вяземского, чтобы не быть обязанной после выслушивать его заверения в нежной дружбе.

Наконец пришло письмо от брата, но оно скорее огорчило, чем обрадовало. Он переслал заемное письмо якобы своему должнику, чтобы тот выдал деньги Наталье Николаевне и Александре Николаевне, но Носков долг признавать отказался. Едва ли Дмитрий Николаевич не понимал, что это произойдет, скорее всего, это просто способ на время оттянуть выплату денег сестрам. Добрый брат тоже не понимал или не желал понимать, в каком положении оказалась сестра. Даже пешком уйти в Петербург было невозможно – в Михайловском держали долги.

Наступил октябрь, чай действительно заваривали из сушеных листиков, свечи экономили до неприличия, стараясь вставать с рассветом и ложиться с закатом, но в доме было холодно, печи дымили, грозя единожды удушить жильцов вовсе, дети начали болеть... А денег все не было, никакие униженные мольбы и жалобы на откровенную нужду не подвигали брата на присылку необходимой для возвращения в Петербург суммы. Не было, или он все же злился на нежелание потратить последние лежавшие в банке 50 000 рублей на покупку гончаровской деревни? Но Наталья Николаевна раз за разом объясняла:

«...дорогой брат, этот несчастный маленький капитал приносит нам дохода всего 3000 рублей, которые помогали нам жить до настоящего времени. 3000 рублей это не пустяки для того, кто имеет всего лишь 14 000, чтобы содержать и давать какое-то воспитание четверым детям. Клянусь всем, что у меня есть святого, что без твоих денег мне неоткуда их ждать до января и, следовательно, если *ты* не сжалишься над нами, мне не на что будет выехать из деревни. Я рискую здоровьем своих детей, они не выдержат холода, мы замерзнем в нашей убогой лачуге.

Милый, дорогой, добрый мой брат, пусть тебя тронут мои мольбы, не думаешь же ты, что я решаюсь

без всякой необходимости надоедать тебе и что, не испытывая никакой нужды, я доставляю себе жестокое удовольствие тебя мучить. Если бы ты знал, что мне стоит обращаться к кому бы то ни было с просьбой о деньгах, и я думаю, право, что Бог, чтобы наказать меня за мою гордость и самолюбие, как хочешь это назови, ставит меня в такое положение, что я вынуждена делать это.

...я вынуждена тебе писать в один из таких моментов, когда мужество меня покидает и когда я лью слезы от отчаянья, не зная, кому протянуть руку и просить сжалиться надо мной и помочь».

Полетели желтые и красные листья, красота в Михайловском парке и окрестностях неопишная, но у семейства Натальи Николаевны не было возможности этой красотой любоваться – ни у сестер, ни у детей попросту не было теплой одежды, чтобы выйти на улицу! Они мерзли, болели, и изменения положения не предвиделось, брат помогать не собирался...

Конец октября... Еще чуть, и полетит снег... Первые заморозки, утром на траве даже иней... Положение стало совершенно отчаянным и беспросветным, сродни тому, что сложилось перед гибелью Пушкина. Но в Петербурге хоть рядом друзья, уж чая и свечей-то дали бы, а в Михайловском никого. Дочери Прасковьи Александровны разъехались, она осталась почти одна. Жить не на что, помочь некому, а впереди зима...

И вдруг посыльный.

– От Дмитрия Николаевича из Завода?! – обрадовались сестры.

– Нет, от графа Строганова из Петербурга.

Наталья Николаевна сразу сникла. Граф Строганов занимался ее делами в Опеке, что хорошего можно ожидать от срочного послания из Опекы? Купили имение, предложенное Дмитрием, и теперь вовсе не

будут выплачивать пенсии ей и детям? Или отказали в выплате денег, взятых в займы у Сергея Львовича?

Посыльный подал конверт и сказал, что его нужно вскрыть и расписаться, что все содержимое в нем получено.

Наталья Николаевна совершенно потерянно кивнула, пригласила в единственную теплую комнату, распорядилась, чтобы приготовили чай.

Пакет вскрывала, как смертный приговор. А открыв, обомлела - граф Строганов, узнав о ее крайне бедственном положении, прислал 500 рублей на обратную дорогу!

Она расписалась в получении, попросила Азю напоить гостя чаем, а сама убежала в комнату и в рыданиях бросилась ничком на постель. Сестра устроила посыльного и прибежала к Наталье Николаевне:

- Что, Таша?! Что еще случилось?!

Та, не в силах ответить, только протянула ей письмо.

Теперь плакали уже обе. Конечно, Наталья Николаевна не могла вернуть долг Прасковье Александровне, но хотя бы могла увезти детей из промерзшего дома в квартиру, которую им снял Вяземский.

- Завтра едем! Графу Строганову не только руки, но и ноги целовать буду...

Тетушка Екатерина Ивановна жила во фрейлинском флигеле дворца, неподалеку от квартиры, которую теперь снимали Пушкины, а потому бывала у них часто, практически ежедневно, если только не болела сама. А уж если болела, то требовала ежедневных визитов к себе!

Нахлынули воспоминания о счастливых днях в Михайловском, так захотелось туда вернуться снова...

Наталья Николаевна приезжала еще раз в Михайловское в следующем году, но теперь заранее подготовилась и теплые вещи с собой на всякий случай взяла.

Однако долго там пребывать не удалось, в августе умерла Екатерина Ивановна Загряжская – последняя опора Натальи Николаевны в Петербурге, да и вообще в жизни.

Последние месяцы Екатерина Ивановна уже не ходила сама, ее возили в коляске. Но тетушка согласилась, чтобы ее любимые Таша с детишками уехали в Михайловское и вернулись только поздней осенью, потому что понимала – для Натальи Николаевны это единственная возможность хоть как-то сэкономить. Обещала дождаться их, но не получилось.

В Михайловское о смерти тетушки сообщил граф Строганов Григорий Александрович, заодно выслал вдове 500 рублей на немедленный приезд, потому что прекрасно понимал, что денег у Натальи Николаевны, как всегда, нет.

В гостиной де Местров собрались сам Ксавье, его супруга, сестра умершей Софья Ивановна, и двоюродный брат Екатерины и Софьи Ивановны граф Григорий Александрович Строганов. Предстояло решить, как быть с завещанием покойной.

– Я отправил уведомление госпоже Пушкиной и деньги на возвращение в Петербург. У нее небось, как и в прошлом году, нет денег.

Софья Ивановна досадливо поморщилась:

– У Пушкиных никогда не было денег. И у Гончаровых тоже. Сергей Львович запустил Болдино и Михайловское, Афанасий Николаевич разорил Полотняный Завод. Теперь Натали добавит и Степанково.

Граф вздохнул с прискорбием. Село Степанково принадлежало Екатерине Ивановне и приносило немалый доход.

Еще при жизни тетушка твердила, что после ее смерти племянница не будет знать нужды. Она намеревалась завещать свое село Степанково Московской губернии с 500 душами крепостных Наталье Николаевне, исключив его из общего завещания, ранее сделанного в пользу своей сестры Софьи Ивановны де Местр, но так ничего и не оформила; даже уже будучи совершенно больной, не раз высказывая свою волю вслух, Екатерина Ивановна не оговорила точно, что село должно принадлежать именно Наталье Николаевне.

– Вот об этом я и хотел поговорить. Опека выкупила для детей Пушкина Михайловское, хотя, вы знаете, это стоило трудов. Но Наталья Николаевна молодая неопытная женщина, не сумела там сделать ничего, даже управляющего наняла первого попавшегося. Ее брат Дмитрий Николаевич Гончаров пытался навязать Опеке покупку в пользу детей еще и одного из гончаровских сел. Этого удалось избежать, ни к чему плодить разоренные деревни. Сама Наталья Николаевна использовала даже часть той суммы, что положена в банк за издание собрания сочинений Пушкина. Средств не останется скоро совсем.

Ксавье де Местр тоже вздохнул:

– Бедная девочка! С четырьмя детьми и безо всякой поддержки...

– Пожалеть Наталью Николаевну, конечно, следует, вы знаете, что и я жалею, а вот отдавать ей имение, полагаю, нет.

– Но как же...

– Екатерина Ивановна оставила свою волю только на словах. Она завещала племяннице свой гардероб, драгоценности и меха... Это можно отдать, даже если драгоценности и будут растрacены, невелика беда, а

вот поручать молодой женщине 500 душ и немалое хозяйство – почти преступление. Найдется немало тех, кто захочет просто пожить.

– Так что же делать, граф? – Софья Ивановна беспокойно оглянулась на мужа. Нарушать волю покойной ей вовсе не хотелось, как ни ссорились сестры, но на такое она пойти не могла.

Ксавье де Местр сидел в задумчивости. В словах графа Строганова был резон. Управлять имением самостоятельно Наталья Николаевна, действительно, не сможет, и действительно, немедленно найдутся желающие пожить. Можно почти не сомневаться, что имение довольно быстро будет разорено и заложено.

– Я полагаю, что при вашей жизни Степанково должно оставаться у вас, с тем что вы станете выплачивать из его доходов некоторые суммы племяннице. А уж после завещайте его госпоже Пушкиной. К тому времени она станет взрослой серьезной женщиной, возможно, выйдет замуж, тогда ей можно будет доверить имение.

– Но что же скажут в свете?

– В свете отнесутся с такому поступку с пониманием. Об этом я позабочусь. Для детей Пушкина, о которых прежде всего и заботилась Екатерина Ивановна, это много лучше, чем если имение будет заложено или погрязнет в долгах.

Вечером в беседе с супругом Софья Ивановна снова коснулась этого вопроса:

– Нехорошо получается. Я не выполняю завещание Катрин.

– Думаю, граф прав, взвалить на Наталью Николаевну еще и заботы о Степанкове... Но ты должна давать ей денег, и еще пусть ездит в Степанково на лето, если захочет... Я слышал, что в Михайловском дом совсем непригоден для жилья. Возможно, пожив там,

она вникнет в хозяйство и станет им интересоваться; если увидишь интерес к имению, отдашь его.

- Граф Григорий Александрович верно подметил: вокруг Натали начнут увиваться недостойные люди. Пусть и впрямь ездит на лето в Степанково, а пока будем просто давать ей денег. - Чуть подумав, Софья Ивановна покачала головой: - И денег давать не стану. У нее в руках не держатся. Сколько ни давай, все мало. Лучше я буду, как Катрин, покупать ткани на наряды да делать подарки.

- Ну, как знаешь...

Софья Ивановна не Екатерина Ивановна, ей не приходило в голову, что жить в Петербурге с четырьмя детьми и сестрой на 14 000 рублей в год, пытаться дать детям образование, невозможно. Самим де Местрам едва хватало на двоих 40 000 рублей...

- Но как я скажу об этом Натали?! - вдруг вспомнила Софья Ивановна.

Выручил все тот же Григорий Александрович Строганов. Он пригласил Наталью Николаевну для беседы и в присутствии Софьи Ивановны изложил суть дела.

Возражать было просто нечего, Михайловское дохода не приносило, и Наталья Николаевна не представляла, как сделать, чтобы оно стало доходным, брат Дмитрий помогать не собирался, советовать некому. Село Степанково оставалось у Софьи Ивановны с обещанием помогать племяннице... по возможности...

Это был полный крах, Наталья Николаевна потеряла последнюю точку опоры, потому что Екатерина Ивановна все то время, что племянница жила в Петербурге, практически одевала ее, а потом и помогала с одеждой ее детям и Александрине. Софья Ивановна, во-первых, не была столь щедра, а во-вторых, за каждую малость требовала изъявления благодарности, видимо, ей доставляло удовольствие

унижать красавицу Натали. За каждый присланный отрез ткани на платье нужно было долго выслушивать рассуждения о благодеяниях и благодарить, благодарить, благодарить...

Неужели это ее судьба – все время быть стесненной в деньгах, все время выпрашивать их, благодарить... Наталья Николаевна согласна жить тихо и скромно, но ведь есть еще дети. Государь распорядился учить сыновей Пушкина в казенных учреждениях за счет казны, но дети Пушкина крепким здоровьем не отличались, а потому отдавать их в казенное заведение Наталья Николаевна и не мыслила.

Справилась бы она со Степанковым? Едва ли. Честные управляющие всегда были на вес золота, большинство из них не обворовывало хозяев до нитки только потому, что чувствовали спрос и контроль со стороны хозяев. На это Наталья Николаевна была неспособна, она не умела требовать или строго надзирать, ее действительно разорили бы очень быстро.

Возможно, к управлению Степанковым Пушкина и не рвалась, но она предпочла хотя бы какие-то деньги от имени подаркам Софьи Ивановны.

Степанково перешло к ней только после смерти Софьи Ивановны в 1851 году, когда сама Наталья Николаевна уже давно была замужем за Ланским. Софья Ивановна поделила наследство между племянницей и племянником – Ланской и Сергеем Григорьевичем Строгановым, сыном графа Строганова. Племяннику досталась львиная доля, а вот долги по наследству пришлось выплачивать поровну...

Но это произошло много позже, когда уже не было в живых воспитанницы де Местров Натальи Ивановны Фризенгоф... Тогда умерли сразу Наталья Ивановна, Софья Ивановна и в следующем году старый Ксавье де

Местр. Последний год он жил под крылом у Натальи Николаевны и умер у нее на даче.

В том же году Азя вышла замуж за барона Фризенгофа и уехала в его Бродзяны воспитывать сына Натальи Ивановны Григория.

После смерти Екатерины Ивановны ее мебель и столовое серебро забрала себе Софья Ивановна, но свой гардероб, меха и драгоценности тетушка безоговорочно завещала отдать племяннице, и ее сестра не рискнула не выполнить этот наказ.

Когда, освобождая фрейлинские комнаты Загряжской, все это, изрядно пропахшее нафталином, притащили в скромную квартиру Пушкиных, Наталья Николаевна долго чихала и не позволяла закрывать окна несколько дней.

- Смотри, Азя, из вот этого возможно сделать тебе платье...

- Тетушку небось в этом платье видели при дворе раз двадцать, сразу скажут, что я в ее обносках хожу!

- Но мы же его переделаем! Главное - красивая ткань. Тетушка тебя много толще, будет из чего выкроить.

Александрине очень хотелось возразить, что ходить в нарядах умершей Екатерины Ивановны не слишком приятно, но отказываться тоже глупо, так можно остаться в костюме Евы. Шить наряды им было откровенно не из чего. К счастью, Наталья Николаевна хорошо шила, а потому домашние платья изготавливались собственноручно, как и платьица девочкам. Но фрейлине Александре Николаевне требовались наряды не домашнего изготовления.

- Смотри, у тетушки было платье такого же бархата, как и у тебя!

Азя вспомнила, как на представление ко двору Екатерина Ивановна подарила ей отрез бархата, но его

требовалось вышить, чтобы после сделать платье. Вышивка и шитье стоили не менее дорого, потому Азе пришлось буквально требовать от брата денег, которые тот привычно не присылал.

Александрина задумалась, опустив руки с бархатным платьем на колени...

Это было счастливое время, конечно, менее счастливое, чем когда они только приехали с сестрой Катей в дом Пушкиных по решению Таши и Александра Сергеевича.

Убедив Ташу, что сидеть в Полотняном Заводе для соблюдения траура вовсе необязательно, они вернулись в Петербург. Наталья Николаевна никуда не только не выезжала, но и не выходила. Квартиру сняли очень скромную в том районе, где не могли встретить никого из знакомых.

Но саму Александрину Екатерина Ивановна все же представила ко двору, добившись для нее места фрейлины. Кроме того, над девушкой взяла шефство графиня Юлия Павловна Строганова. Она вывозила Азю в свет, приглашала в свою ложу в театре, привечала на вечерах.

Вот тогда-то и понадобилось придворное платье. В свое время тетушка сшила такое Екатерине Николаевне за 2000 рублей. Теперь обошлось несколько дешевле. Вернее, Екатерина Ивановна купила два отреза бархата, себе и племяннице, а уж вышивать и шить из него наряд предстояло самой Александрине.

Платье получилось красивым, просто замечательным. Но немолодая бесприданница не смогла привлечь ничьих взоров из тех, кто мог сделать предложение. Мало того, вслед снова слышалось:

- Сестра госпожи Пушкиной...

- Какой?

- Да той, первой красавицы... из-за которой Пушкин стрелялся с Дантесом...

Вот и все. Первая красавица госпожа Пушкина... Дантес... а она снова никто.

Но куда больше Азю беспокоило другое. До гибели Пушкина и их отъезда в Полотняный Завод у Александры был нешуточный роман с Аркадием Россетом, братом прекрасной Александры Осиповны, с которой так дружил Пушкин. Красавец и умница Россет разглядел в Александре не ее косоглазие, а то, что позже увидел барон Фризенгоф, – душевность. Конечно, долгое девичество, неустроенность и откровенная бедность наложили на характер Ази не лучший отпечаток, она была нервной, временами просто невыносимой, могла беспричинно веселиться, а могла и по несколько дней ни с кем не разговаривать. Но в Аркадия была влюблена, а потому вела себя с ним ровно и нрав не выказывала.

Россет отвечал взаимностью, однако с ним случилось то, о чем твердит пословица: с глаз долой – из сердца вон. За те полтора года, что Александра отсутствовала в Петербурге, его сердце заметно поостыло, и нового романа никак не получалось, Аркадий относился к Гончаровой приветливо, но не более.

Эта трагедия заметно испортила Азе жизнь, а Наталье Николаевне стоила немало нервов, потому что сглаживать углы и успокаивать расстроенную сестру приходилось ей, больше никому.

Теперь Азя совсем потеряла надежду когда-либо выйти замуж. Ее уделом мог стать только вдовец с такими же детьми, как вон у Натальи Николаевны. Радости воспитывать чужих детей Александре не хотелось... А тут еще постоянное безденежье, потому что жить на 4500 рублей в год можно было в семье у Пушкиных, добавляя к их расходам лишь малую толику собственных средств, а сидеть на шее у Натальи Николаевны, которая и без того едва сводила концы с

концами, невозможно. Как и жить отдельно во фрейлинском флигеле, где за все нужно платить самой. Замкнутый круг, который невозможно разорвать...

Каждая из сестер задумалась о своем – Азя о своей несчастливой судьбе, Таша о том, как жить без поддержки доброй тетушки. Екатерина Ивановна хоть и имела весьма тяжелый командный характер, но помогала хорошо. Как-то без нее будет?

Тетушка Екатерина Ивановна очень любила маленьких Пушкиных, каждый вечер проводила с детьми, даже если сестры уезжали куда-то – в гости, в театр... Она часто делала подарки, даже в Михайловское присылала детские книжки и игрушки. Каково будет детям без доброй бабушки, своих собственных они и не знали. Софья Ивановна не заменит свою сестру, хотя бы уже потому, что вовсе не так уж любит всех Пушкиных.

Екатерина Ивановна много помогала, но своим тяжелым характером сильно осложняла жизнь Пушкиных. Она часто капризничала и если уж кого невлюбила, то не давала покоя. Тетушки часто ссорились между собой и требовали, чтобы племянницы их навещали, причем, если они бывали у одной, то непременно требовалось посетить и вторую. Иногда не выдерживала даже спокойная Наталья Николаевна, но она не возражала Екатерине Ивановне, только жаловалась Натали Фризенгоф...

И все-таки, не видевшие материнской ласки, в качестве заботы слышавшие только ежедневные выговоры и окрики, сестры были привязаны к Екатерине Ивановне, не говоря уже о потере такой поддержки. Наталья Николаевна чувствовала себя осиротевшей.

Перед сном она долго сидела, держа в руках небольшой портрет мужа. Было темно, экономили свечи, стараясь все делать при дневном свете, а

вечерами собирались все в одной комнате, где сестры рукодельничали, мальчики рисовали или читали, Маша, как старшая, тоже старалась заняться рукоделием, а маленькая Таша играла. С наступлением темноты, чтобы не жечь лишних свечей, уходили спать. Поэтому Наталья Николаевна не видела изображения, она разговаривала с мужем скорее душой.

- Я не сдамся. Я все равно выращу детей и дам мальчикам образование, даже если для этого придется есть один хлеб и пить воду, а вместо свечи зажигать лучину.

Теперь Наталья Николаевна реже вспоминала стихи своего мужа, мысли заняты другим, даже детям вслух читала его сказки реже, их время тоже было занято другим.

Мальчикам скоро поступать в гимназию, их требовалось подготовить, значит, прошло то время, когда хватало их с Азей занятий, нужны учителя. Утро, как и прежде, начиналось с уроков, но теперь Наталья Николаевна занималась только с девочками, сыновей обучали специально приглашенные учителя. Каждый урок стоил дорого, - 3-5 рублей, это были значительные траты для семьи, но от них никуда не деться. С девочками продолжала заниматься сама Наталья Николаевна.

Дни тянулись скучные, похожие один на другой. Но Наталья Николаевна стала вынуждена выезжать в свет, и не только в салон Карамзиных.

В сочельник она проходила мимо магазина и невольно залюбовалась елочными игрушками. Вспомнилась собственная елка в Полотняном Заводе, которую устраивал ей дед. Украшенная множеством дорогих игрушек, лесная красавица притягивала к себе взор, заставляя подолгу стоять, разглядывая эти

игрушки. Таша очень любила именно вот это – разглядывать елочные игрушки.

Вот и теперь взрослая женщина сначала застыла возле огромной витрины со множеством шаров, самых занятных фигурок и всякой всячины, а потом вошла в магазин. К празднику удалось скопить немного денег на подарки детям, и она вдруг решила, что чем покупать что-то бедненькое, лучше поярче нарядить елку, добавив к сделанным собственными руками украшениям еще и фабричных, а детям купить сласти, которых они обычно не видели.

Очарованная блеском и обилием красивых игрушек, она даже не сразу заметила немного странное поведение посетителей и продавцов. Все внимание было почему-то отвлечено от прилавков и витрин и приковано к той, у которой стояли всего двое. Там не было праздничной толчеи, и Наталья Николаевна направилась именно туда. Глаза заблестели от прелести, выставленной в витрине! Маше понравится вон та кукла в розовом платье, а Таша с удовольствием повесит на елку эту обезьянку...

– Госпожа Пушкина? Вы вернулись в Петербург?

От голоса она заметно вздрогнула. У прилавка стоял государь. Хотелось спрятаться, исчезнуть, но вежливость требовала присесть в легком реверансе.

– Да, Ваше величество.

– А почему я не вижу вас на балах? Мне было бы приятно. Ее величеству, я думаю, тоже.

– Да, Ваше величество...

– Как ваши дети, как их здоровье?

– Благодарю, Ваше величество, хорошо.

– Не буду подробно расспрашивать, надеюсь увидеть вас достаточно скоро и поговорить подольше. Желаю вам и вашим детям счастливого Рождества.

– Благодарю, Ваше величество. Желаю такого же Вам и Ее величеству.

Николай I ушел, а она осталась стоять, оглушенная. Вокруг оглядывались, шепотом пытаюсь узнать, кто же это. Кто-то догадался:

- Пушкина! Царь сказал «госпожа Пушкина»!

По залу прошелестело: «Пушкина!»

Не желая быть объектом чужого внимания, Наталья Николаевна заторопилась домой, подальше от любопытных глаз. Ее уже не прельщал блеск игрушечных карет, милые личики кукол, мерцание огней... Даже в праздничной толпе Пушкиной не было покоя.

Ближе к дому она все же зашла в кондитерскую и накупила угощения, но внутри росло беспокойство... Государь напомнил, почти приказал, не желая слушать никаких возражений. Она не имеет права прятаться от света, она обязана посещать придворные балы...

Хотелось крикнуть: а кто мне даст денег на платья для этих балов?

Еще когда был жив Пушкин, она выходила из положения довольно простым, но эффективным способом. Придумала его домашняя портниха. У первой красавицы Петербурга на весь сезон бывало сшито не более двух лифов, правда, очень качественных, отлично сидевших. Перед каждым балом на этот лиф нашивались новые оборки, а после бала срезались и нашивались другие. Портниха была мастерицей, к ней часто присоединялись и горничные, потому что пришивать бантики и воланчики не требовало большого мастерства, а иногда бывало нужно за день переделать платье к следующему балу. Это стоило совсем немного, менялись только перчатки и туфельки.

Наталья Николаевна вздохнула: видно, придется снова браться за иглу не только ради домашних или детских платьев, но и для бальных тоже. Беда, что ныне портнихи нет, значит, все надо самой. Азя, конечно,

будет рада, потому что ждуть, когда же ее возьмет с собой Строганова, тоже тоскливо.

Она постаралась избавиться от мыслей о царе и балах, не стоило об этом думать в сочельник. Праздновали шумно и весело, хотя не слишком богато.

Но от сестры озабоченность Натальи Николаевны не ускользнула, она прекрасно знала, что если Таша так задумывается временами, значит, что-то произошло. Когда детей уже уложили спать, Пушкина поведала о своей встрече с царем и его почти приказании бывать в свете.

- Ташенька, но это же хорошо! Сколько тебе можно хоронить себя в четырех стенах?

- Я выезжаю.

- Куда? Разве что к Карамзиным? И это свет?

- В чем выезжать, Азя? И на чем?

Александра задумалась, но ненадолго, потом потрянула головой:

- Теткино перешивать будем! У нее много.

К счастью, у Екатерины Ивановны и впрямь оказался богатый гардероб, он не соответствовал новой моде, не говоря уж о размерах, но у горничной были золотые руки. Такие же у самих сестер. В доме без конца что-то шилось, перешивалось, перекраивалось, на балах снова блистала Наталья Николаевна Пушкина, повзрослевшая, но от этого ставшая еще более красивой. Легкая красота милой девочки уступила царственной красоте взрослой женщины.

Мужчины снова были без ума, а Александра снова оказывалась на вторых ролях некрасивой сестры первой красавицы.

Вокруг Натальи Николаевны зароились желающие жениться. Но для нее первым условием были дети: «Кому мои дети в тягость, тот мне не нужен». Брать на себя ответственность за четверых детей даже ради безумно красивой женщины не решался никто, а те, кто

все же рискнул, пытались выяснить, нельзя ли детей отдать на воспитание в казенный дом. В таком случае Наталья Николаевна не разговаривала вообще.

Но она никого не поощряла в поисках своей руки. Было заметно, что все светские визиты, балы, рауты, несмотря на очевидный большой успех даже в перешитых платьях, ее тяготили, что ей откровенно хочется поскорей вернуться домой...

Это заметил и император, во время танца попенял. Она смущенно вскинула глаза:

- Мне действительно больше нравится с моими детьми...

- Не знай я вас, счел бы кокеткой. Вы не намерены выйти замуж во второй раз? Трудно одной...

- Трудно, но... не за кого...

Человек, за которого стоило выйти замуж, появился неожиданно. Вернее, они вращались в свете, Наталья Николаевна видела его и раньше, но познакомиться не довелось.

Все плохое в этой жизни происходит вдруг. Впрочем, хорошее тоже...

- Петр Петрович Ланской просит принять.

- Ланской? Что-то я не помню такого. - Наталья Николаевна обернулась к сестре. Та тоже пожала плечами. У Ази было дурное настроение, впрочем, таковым оно теперь бывало очень часто. - Но все равно зови.

Горничная, кивнув, открыла дверь. В гостиную вошел рослый красивый военный.

- Позвольте представиться, Петр Петрович Ланской. Я привез посылку от Ивана Николаевича. Зная, что я еду в Петербург, он попросил завезти.

- От Ивана? Вот спасибо! Проходите, Петр Петрович, присаживайтесь. Расскажите, как там Ваня... Иван

Николаевич. Азя, распорядись, пожалуйста, чтобы подали чай...

- Благодарю, но я не хотел бы вас стеснять...

- Вы торопитесь? А я надеялась, что вы расскажете нам об Иване Николаевиче... Наши братья лентяи, пишут крайне редко и нерегулярно.

В гостиную зашел Саша, что-то тихонько спросил у матери, та кивнула. Мальчик бочком направился к выходу, но душа не выдержала:

- У вас такой же мундир, как у моего дяди Ивана Николаевича.

- Верно, - рассмеялся Ланской, - потому что мы сослуживцы. Были сослуживцы, когда Иван Николаевич служил.

- А вот это что за знак?

- Как тебя зовут?

- Саша. Александр Александрович Пушкин.

В двери уже показалась вторая любопытная мальчишечья физиономия.

- А тебя?

- Гриша.

Наталья Николаевна не знала, что сказать сыновьям, но Ланской подозвал их к себе и принялся объяснять знаки отличия на своей форме. Вопросы, которые задавал старший, ему очень понравились:

- Намерен стать военным?

Тот важно и коротко кивнул:

- Да.

- А ты?

- И я, - так же важно подтвердил Гриша.

Снова пошел «мужской» разговор о военной службе, о преимуществах одного полка перед другим. Саша, как старший и почти взрослый, снисходительно смотрел на младшего, прощая, что тот пока не уразумел, насколько конный полк лучше любого другого.

Подали чай, Ланской попросил разрешения мальчишкам остаться за столом. Наталья Николаевна с улыбкой разрешила. Так с ее детьми еще никто не разговаривал, Ланской держался с ними точно со взрослыми, которые просто не все знают и понимают. Мальчишки смотрели ему в рот блестящими, почти влюбленными глазами и старались не пропустить ни слова.

Но теперь возмутилась Маша:

- А мы?!

- Идите сюда и вы...

Девочки сели рядом с матерью, тоже внимательно слушали, хотя разговор о предстоящих маневрах был им совершенно неинтересен. Просто в доме, где гости бывали крайне редко, появился новый человек, и он разговаривал с Сашей и Гришей, а не просто гладил их по головке, как делали другие. Это был необычный гость.

- Петр Петрович, а у вас есть дети?

Почему-то этот вопрос смутил гостя.

- Нет, я даже не женат...

- Извините за бестактный вопрос...

- Ну почему же бестактный? Откуда вы могли знать о моем семейном положении?

- Мальчишки совсем вас замучили?

- Нет, мне интересно с ними общаться.

Потом еще долго говорили об Иване Николаевиче, о том, как служит в полку, как часто приходится уезжать в разные командировки...

Когда пришло время уходить, Ланской почувствовал, что ему очень хочется вернуться в этот скромный дом еще, чтобы вот так посидеть за небогатым столом, рассказывая любопытным мальчишкам о службе, слышать мягкий смех их матери, ощущать теплоту домашнего очага...

Вернувшись в казарму, он, пожалуй, впервые по-настоящему ощутил разницу между ней и домом.

- Ты где был? Откуда вернулся такой мечтательный? Небось красотка попалась загляденье? - приятель заметил странное состояние Ланского.

Тот усмехнулся:

- Был у вдовы Пушкина.

Приятель даже присвистнул:

- Эк тебя занесло... А правда говорят, что она первая красавица Петербурга? Ну, была?

- Красавица? - Петр Петрович даже задумался. А ведь и правда, он побывал у самой красивой женщины Петербурга, Наталья Николаевна повзрослела, но красоты не растеряла, а он и не подумал об этом. - Красавица, только больше душевная...

- Что, некрасивая, что ли?

- Да нет же! Красива, очень красива! Только когда с ней говоришь, то про красоту забываешь.

- А ты о чем говорил?

- Я больше с ее сыновьями, любопытные мальчишки, все спрашивали о знаках отличия и про маневры... Надо позвать их, чтобы посмотрели сами.

- Это не сыновья Пушкина ли?

- Чьи сыновья могут быть у вдовы Пушкина?

- Так ты для чего к ней ходил?

- Ее брат передал подарок, просил занести, я занес.

- Вот повезло! Кто бы меня попросил передать поцелуй красавице?

Ланской рассмеялся:

- Поцелуя как раз и не передавали. Зато чаем напоили и разговорами развлекли тоже. А еще приглашали заходить почаще.

Ланской стал заходить и подолгу общаться с детьми, вдовой и ей сестрой. Наталья Николаевна заметила, как чуть розовеют щеки Александрины.

Неужели... Сестра была влюблена в Аркадия Россета, брата Александры Осиповны. Эта любовь была взаимной, но, не имея средств на содержание семьи, Россет не рискнул и сделать предложение.

Теперь Александрине шел тридцать третий год, и для сорокапятилетнего Ланского она вполне подходила как невеста. Красавец генерал-майор Ланской состоял в свите Николая I, но больших доходов не имел, однако жениться он мог себе позволить. Возможно, это была бы и неплохая партия, но Петр Петровича больше внимания уделял Наталье Николаевне. Они подолгу беседовали об общих знакомых, старательно обходя несколько имен: Дантеса, барона Геккерна и Екатерины, а еще, конечно, Идалии Полетики, хотя встречаться с ней в свете Наталье Николаевне приходилось. Ланской же прежде был влюблен в прекрасную Идалию, и влюблен не на шутку...

В доме Пушкиной Ланской забывал и о своей несчастной любви, и о Полетике вообще, и даже о том, что перед ним первая красавица Петербурга. Он общался с душевной женщиной, любящей своих детей и ради них готовой на многие жертвы. Ланской видел, сколь экономно приходится жить Наталье Николаевне, как скромно вести себя, чтобы не подвергаться бесконечным нападкам досужих кумушек... Пришло время, когда он задумался о возможности женитьбы на вдове, но...

- А Петр Петрович сегодня придет?

- Он вам обещал? Значит, придет. Если не задержат какие-то дела на службе, обязательно придет.

- Я ему новый рисунок приготовил. Он обещал посмотреть и сказать, если что не так.

У Саши с Ланским не просто взаимопонимание, Петр Петрович для старшего из сыновей Пушкина словно наставник и строгий судья, все ему на показ, все под отчет. И Ланской эту роль принял, он старался

поддерживать Сашу, как мог. Мальчик уже учился в гимназии и очень этим гордился, Петр Петрович знал обо всех успехах и трудностях своего подопечного. Ревнивый Гриша постоянно крутился рядом:

- А я тоже на следующий год в гимназию пойду!

- Конечно. И у тебя все получится.

Детям было хорошо с Ланским, ему очень хорошо в этом небогатом, но душевном доме, а Наталье Николаевне очень хорошо оттого, что хорошо им. Азя привычно переходила от одного состояния к другому, на ее горизонте снова появился Аркадий Россет и надежда на восстановление былых отношений, следовательно, настроение менялось в зависимости от встреч с любимым человеком и от его благосклонности.

Но у Аркадия не было средств содержать семью. Не было их и у Ланского...

Размышлял ли он о такой возможности? Наверное, но, как честный человек, вынужден был отказаться от мысли сделать предложение Пушкиной. Содержать четверых детей и жену в Петербурге он не мог, а получив должность вдали от столицы, должен был увезти с собой и семью. Это означало бы крах всех надежд Натальи Николаевны на образование сыновей.

Думала ли о такой возможности сама Наталья Николаевна? Наверное, тоже. Когда человек довольно долго и часто ходит в дом, когда его с радостью встречают дети, поневоле задумаешься о возможности связать с ним свою судьбу. Но она не хуже самого Ланского понимала невозможность этого. Как жаль, что у их с Пушкиным детей нет вот такого внимательного и мудрого отца!

Почему-то ей казалось, что и сам Пушкин не был бы против такого отчима своим Машке, Сашке, Гришке, Наташке.

И снова вмешался Его величество случай.

- Наталья Николаевна, вам нужны воды. Это не прихоть и не дань моде. Нужно ехать, иначе вы снова всю зиму будете болеть. Хотя бы в Гельсингфорс.

Доктор Спасский говорил убедительно, да она и сама понимала, что рисковать здоровьем просто не может: случись с ней что-нибудь, кому будут нужны ее дети?

Общими усилиями убедили, Азя согласилась побыть с детьми одна, графиня Строганова обещала заходить ежедневно, тетушка Софья Ивановна заботиться... А Вяземские просто брали с собой в тот самый Гельсингфорс на две недели. Это тоже выгодно, потому что позволило бы экономить на мелочах.

Уже взяты билеты, через два дня отправляться, потому сотню раз пересказаны указания, оговорено все, что только можно оговорить, тысячу раз повторены строгие инструкции, как вести себя и что делать в каком случае...

Она вставала с кушетки, на которой привычно пристроилась с книгой, и даже не поняла, как именно подвернулась нога, только раздался хруст и... на ногу не наступить!

- Ай!

Первой прибежала Маша:

- Что, мама?

- Нога...

- Что нога?

- Я, кажется, подвернула ногу. И сильно. Скажи Лизе, чтобы сбегала за доктором Спасским.

Доктор Спасский, ощупывая щиколотку, укоризненно качал головой:

- Нарочно постарались, чтобы не ехать?

Таша завопила:

- Мама не поедет на воды!

Это вызвало неподдельную бурю восторга у детей. Наталья Николаевна грустно улыбнулась:

- Ну куда же от них денешься?

Ногу туго забинтовали и заставили лежать, потому что вывих оказался нешуточным.

- Петр Петрович, Петр Петрович, а у нас мама без ноги!

- Что?!

- Да, она с кушетки не встает!

В голосе Гриши радость. Пока Ланской в прихожей раздевался, он успел огорошить наставника новостью.

- Да, мама ногу вывихнула.

- Тогда чему ты радуешься?

Гриша смутился, но ненадолго:

- Она никуда не поедет.

- Петр Петрович, я действительно не могу встать, потому простите, что приходится принимать вас вот так - полулежа.

- Пустяки. Что с вами случилось?

Наталья Николаевна рассказала, как и о том, что пришлось отменить поездку на воды.

Теперь Ланской приходил почти каждый день и проводил больше времени подле матери, дети, понимая ситуацию, не возражали. Они демонстрировали чудеса послушания и без напоминаний делали положенные уроки.

Беседы становились все продолжительней и душевней. Ланского еще в первый день поразило, насколько дети осознают себя детьми именно Пушкина; разговаривая с Натальей Николаевной, он понял, что и вдова тоже ни на минуту не забывает о том, чья она вдова. Это было удивительно и волнующе. Первое впечатление подтвердилось: Пушкина очень красива внешне, но душа ее еще лучше. Нет, она не блистала умом, как та же Идалия Полетика. Она смущалась в беседе, и требовалось разговорить, чтобы слова лились свободно. Она не была прекрасно образованна, всего

лишь на уровне приличного домашнего образования, не более. Видимо, многое вынесла из общения с друзьями Пушкина, из салонов Карамзиных, Вяземских и других...

Но она не была болтлива или завистлива, пусть этот язычок не был остер, но он и не был злословен. А искрометность ума вполне компенсировалась спокойной глубиной мысли, только не всем она приоткрывалась. Отсутствие блеска в разговоре заменяла душевность... Это была домашняя женщина, прекрасная мать и жена, которую нужно было оберегать и любить. Только кому?

Чем больше времени проводил Петр Петрович у Пушкиных, тем больше поражался тому, как эта хрупкая женщина умудряется выстаивать в тех условиях, в которых оказалась. У хрупкого прекрасного цветка обнаружился внутри стальной несгибаемый стержень. Вот вам и первая красавица, у которой, казалось, кроме мыслей о светском успехе, ничего не должно быть в голове.

Однажды зашел разговор о Лермонтове. Наталья Николаевна вспомнила, как сама познакомилась с поэтом и как долго беседовала с ним в салоне у Карамзиных.

В первый год после возвращения она вообще никуда не выезжала, бывала только у Вяземских и Карамзиных. Там и увидела Лермонтова, стихами которого восхищалась. Очень хотелось познакомиться поближе, поблагодарить за «Смерть поэта», но Лермонтов слова благодарности воспринял несколько отстраненно, отвечал сухо и вообще старался держаться от Пушкиной подальше. Наталья Николаевна поняла, что он тоже винит именно ее в трагедии с мужем, замкнулась, на общении не настаивала. Так и прошел почти весь сезон – Лермонтов старательно сводил все беседы к обмену дежурными фразами, она отвечала тем же либо вообще молчала.

Но в последний день перед своим отъездом на Кавказ, словно предчувствуя, что не вернется, Лермонтов весь день провел у Карамзиных. Ко всеобщему удивлению, он вдруг подсел к вдове и начал с ней разговор. Наталья Николаевна тоже удивилась, но разговор поддержала. В речи Лермонтова чувствовался надрыв, он был полон мрачных мыслей и предчувствий. Пушкина принялась успокаивать его, но не обычными уверениями в том, что не произойдет ничего страшного, а рассказывая о себе, о том, что судьба порой поворачивает так, что за ее подарки приходится бороться...

Видно, это было столь неожиданно для Лермонтова, что Михаил Юрьевич уже никого больше в тот вечер не замечал. А когда пришло время расставаться, с горечью посетовал, что столько времени по его вине они провели в разных углах гостиной! Поэт очень жалел, что не воспользовался возможностью общения с вдовой Пушкина. Она пыталась утешить, мол, вернется, и пообщаются. Лермонтов только грустно покачал головой. Наталья Николаевна почувствовала, что и правда не вернется.

- С вами действительно нужно разговаривать не в танце или в шумной компании многих людей, а вот так - наедине или среди друзей.

- Знаете, а ведь Пушкин тоже был совсем разный в свете и среди друзей.

Сказала и вдруг смутилась своей откровенности, но Ланской поддержал:

- Расскажите, я почти не знал Александра Сергеевича. Только поверхностное знакомство.

И Наталья Николаевна, почувствовав живой интерес, принялась рассказывать. Немного погодя она даже забыла, что перед ней сидит, по сути, чужой человек, с которым едва знакомы, она вспоминала больше для себя, чем для Ланского, а он слушал.

Говорила о том, что среди друзей Пушкин был разговорчив, неизменно весел, искрометен, а попадая в светское многолюдное общество, превращался в почти желчного насмешника. Его злила пустота разговоров ни о чем, светская болтовня, сплетни, злословие. Зато беседа с умным человеком, неважно, кто он и какого звания, для Пушкина превращалась в истинное удовольствие. Так, он обожал разговоры с няней, с собственным дядькой Никитой, с крестьянами, обожал цыган, мог задержаться, не отпуская извозчика, потому что услышал от него новую байку...

Наталья Николаевна говорила, и перед ней снова вставал живой Пушкин, звучал его задорный смех, его голос, декламирующий стихи...

А Ланской молча слушал.

Вдруг она опомнилась:

- Простите, я вас совсем заговорила своими воспоминаниями...

Ланской вздрогнул:

- Нет, что вы!

И она поняла, что перед его мысленным взором тоже стоял Пушкин. Горячая волна благодарности захлестнула Наталью Николаевну:

- Спасибо вам, Петр Петрович.

- За что?

- Вы так... вкусно слушали...

Домой Ланской возвращался в растерянных чувствах. Ему очень хотелось еще и еще слушать эту женщину, о чем бы или о ком она ни говорила... Но Петр Петрович прекрасно понимал ответственность за четверых детей. Он был бы готов их воспитывать, но не имел возможности делать это. Наталья Николаевна не уедет из Петербурга, а ему не заработать столько денег, чтобы содержать семью. По своему положению он мог бы рассчитывать на бригаду или в лучшем

случае дивизию, но только в провинции, а для Пушкиной это невозможно. И дело не в том, что первую красавицу, а она такой и оставалась, грешно увозить в глушь, дело в детях, сыновьях, которым нужно образование, дочерях, которых надо вывести в свет и выдать замуж.

Ланской в очередной раз пришел проведать Наталью Николаевну. Доктор Спасский все еще запрещал ей ходить, но Наталья Николаевна была занята делом, для которого резвые ножки не требовались.

- Что это вы делаете?

Она спокойно подняла на Ланского глаза:

- Шью.

- Шьете? Но почему вы?

- Потому что у меня нет возможности купить дочери пальто. Я переделываю свое, иначе ей не в чем выйти на улицу.

Он был смущен. Пушкина улыбнулась:

- Петр Петрович, не смущайтесь, меня вот нисколько не смущает необходимость делать это своими руками. Если нет возможности заказать портнихе, нужно сделать самой.

Наталья Николаевна рассмеялась, но смех вышел грустным.

- Это я только в деревне ничего не умею, а рукодельничать нас маменька научила. Вернее, не она, но заставила научиться.

Ланской в тот день не мог долго сидеть, только отдал принесенное Саше, пожелал скорейшего выздоровления и откланялся - дела в полку.

Когда через некоторое время к дому снова подъехал экипаж, Наталья Николаевна решила, что это вернулся Ланской, и продолжала как ни в чем не бывало шить. Но почти сразу в комнату вбежала Азя:

- Государь!

- Кто?!

Ответить сестра не успела, как и сама Наталья Николаевна спрятать работу.

Николай Павлович действительно заехал узнать о здоровье Пушкиной.

- Лежите, лежите, не вставайте. Я заехал, чтобы пожелать вам скорейшего выздоровления, без вас на балу было скучно. - И тут же с изумлением: - Что это вы делаете?

Она ответила так же спокойно, как и Ланскому:

- Шью.

Император чуть нервно усмехнулся:

- В Петербурге перевелись модистки и портнихи?

- Нет, Ваше величество, но им нужно платить...

Он что-то еще спрашивал, она отвечала. Николай Павлович был чуть растерян, разглядывая весьма скромное жилище первой красавицы.

- Как же вы живете?

Наталья Николаевна обвела рукой вокруг себя:

- Как видите...

- А как ваши болдинские имения, они не дают доход?

- Болдино не принадлежало моему мужу, оно было всего лишь передано в пожизненное пользование и после смерти вернулось к его отцу.

Несколько мгновений царь задумчиво смотрел в стену, потом осторожно поинтересовался:

- Я видел генерала Ланского, он у вас бывает?

- Да, Петр Петрович сослуживец моего брата. Он много внимания уделяет моим детям. Я благодарна генералу Ланскому.

- Почему бы вам не выйти за него замуж?

Наталья Николаевна вскинула на царя глаза, возразила почти с укоризной:

- У меня четверо детей...

Николай Павлович поднялся, усмехаясь:

- Но от этого вы не стали менее прекрасной. Я рад, мадам, что вы выздоравливаете. Старайтесь не работать так много, нежные пальчики не должны испытывать уколы иглой. Я подумаю, как вам помочь.

Визит был окончен, откланявшись, царь уехал.

Проводив нежданного гостя, Азя вернулась в комнату и застала сестру всю в слезах:

- Что ты, Таша? Государь же обещал помочь.

- Помочь... а чем я должна буду платить за эту помощь? - Она снова залилась слезами. - Раньше у меня был муж, а теперь заступиться некому. Нужно было оставаться в Заводе или вообще в Михайловском...

- Ташенька, может, тебе замуж выйти? Я понимаю, что ты Пушкина помнишь и любишь, но ведь семь лет уже и дети... И Пушкин говорил, чтобы через два года замуж выходила...

- Вот то-то и оно, что дети. Всем нужна я, но без детей. Как Граффео просил: нельзя ли детей определить в казенные заведения? Кому мои дети в тягость, тот мне самой не нужен. Неужели, чтобы женой стать, нужно от Машки, Сашки, Гришки и Наташки отказаться? Нет, ни за что!

- А вон Петр Петрович, такой не заставит отказываться.

- Но у Петра Петровича доход чуть больше нашего, куда же ему на шею четверых-то?

Александре хотелось закричать, мол, что же теперь, навсегда одной остаться? Но не сказала, знала, что сестра ответит: если нельзя с детьми, значит, одной.

Она глубоко вздохнула:

- Может, в Завод вернуться? Жили же мы там как-то. Или вон Софья Ивановна говорила, что в Степанково ездить можно.

- Нет, Азенька, там мы не хозяева. Мы с тобой только в Михайловском хозяева.

- Поехали в Михайловское. Будем, как Прасковья Александровна, помещицами, растолстеем, станем важничать и ругаться со старостой... Поехали, а?

- Я уж тоже думаю, что мы зря в этот год в Михайловское не уехали.

- Поехали, еще не поздно.

Но договорить не удалось, вернулись с прогулки дети, загалдели, что-то рассказывая... Однако мысль, что нужно уезжать в деревню или вообще переезжать туда жить, осталась.

Ночью Наталья Николаевна долго лежала без сна и беззвучно рыдала:

- Где ты, Пушкин? Если бы ты знал, как мне без тебя плохо, как трудно одной с четырьмя детьми, как трудно при дворе. Царь милостив, но он и требователен. Ни отказаться от помощи, ни избежать ловушки, если ее примешь, нельзя. Что мне делать, Саша?

Единственным выходом действительно стал казаться переезд в Михайловское надолго.

Она постаралась болеть подольше, чтобы не выезжать на балы. Шли неделя за неделей... И вдруг...

- Генерал Ланской.

Петр Петрович пришел при параде, был заметно взволнован, попросил разговора наедине.

Азя схватилась за сердце: ну ясно же, зачем! Неужели сделает предложение? Это хорошо, только Ланской не Строганов, у него имений по России нет, на что жить? И все равно, лучше бедно, но с мужем, чем одной...

- Наталья Николаевна, я получил новое назначение...

Вот и все, он пришел, чтобы сообщить о том, что получил новое назначение, что уезжает, что рад был знакомству и будет писать, если позволят... Наталья Николаевна почувствовала, как тоскливо сжало сердце,

рядом оказался человек, с которым хорошо даже просто помолчать, который принял ее детей, принял ее память о муже, и вот он тоже ее покидает.

Попыталась улыбнуться:

- Я рада за вас, Петр Петрович, вы достойны повышения по службе.

- Это не просто повышение, государь изволил назначить меня командиром лейб-гвардии Конного полка в Стрельне.

Это было не просто повышение, это умопомрачительное повышение...

- Теперь у меня есть возможность сделать то, чего я страстно желал бы давно. Я прошу вашей руки, Наталья Николаевна. Знаю, что первое ваше требование - хорошее отношение к детям. Ваши дети будут моими...

- Петр Петрович... они останутся детьми Пушкина, достаточно просто хорошо к ним относиться. Но...я попросила бы дать мне подумать, я не могу ответить сразу. Простите меня.

- Да, конечно. Я не тороплю. Вы сами определите, когда дать ответ.

- Петр Петрович, вам это посоветовал... государь?

- Государь? Нет, но его поставить в известность будет необходимо. Я обязан буду спросить у него разрешение на женитьбу. Надеюсь, не откажет. Если, конечно, согласитесь вы.

В этот вечер они с Азей снова долго плакали. К матери подошел Саша и серьезно спросил:

- Петр Петрович будет нашим отцом?

- Вашим отцом был, есть и будет Пушкин. А Петр Петрович может стать вашим отчимом. Если хотите, конечно.

- Хотим!

Сашу поддержал брат, а потом и пришедшие в комнату девочки.

Александра развела руками:

- Таша, придется тебе выходить замуж за Ланского, дети так решили...

Наталья Николаевна вздохнула:

- Они дети, Азя.... Я подумаю...

- Что тебя беспокоит? То, что государь вдруг сделал Ланского командиром полка после обещания помочь тебе?

- Да. Если Петр Петрович делает это по императорской указке, то мне трудно будет жить...

- Но ведь он сказал, что еще даже не спрашивал разрешения на женитьбу...

Ночью она снова лежала без сна и советовалась с Пушкиным. Долго стояла на коленях перед образами... К утру на душе стало совершенно спокойно.

На следующий день Ланской пришел как обычно, чтобы Наталья Николаевна не подумала, что он требует немедленный ответ, сразу объяснил:

- Я к мальчикам, принес рисунок формы...

- Да, конечно, Петр Петрович, только позвольте сначала мне.

- Я не тороплю вас, Наталья Николаевна.

- Я приняла решение. Я приму ваше предложение, если вы согласитесь на несколько условий.

- На любые.

- Нет, выслушайте и подумайте. Эти четверо детей навсегда останутся детьми Пушкина и никогда не будут звать вас отцом, только Петром Петровичем. Я не хочу, чтобы они забыли, кто их отец.

- Согласен.

- Не нужно стараться заменить им отца, достаточно быть хорошим отчимом. Это первое. Второе, и главное, - я тоже всегда буду помнить, что я вдова Пушкина, даже когда стану вашей супругой. Но вы не должны ревновать меня к прошлому. Оно свято и

неприкосновенно. Если вы согласны на такие условия, я буду вам верной и доброй женой.

Несколько мгновений Ланской потрясенно смотрел на ту, которую собрался назвать своей супругой. Ни единого требования для себя, все только о детях и памяти Пушкина.

Эти мгновения показались Наталье Николаевне вечностью...

Ланской вдруг опустился на одно колено и прижал ее руку к своим губам:

- Я согласен на ваши условия.

Когда он поднял голову, то увидел, что по лицу невесты текут крупные тихие слезы.

- Почему вы плачете, страшитесь чего-то?

- Я так устала бороться со всем одна...

Он прижал ее к себе, Наталья Николаевна плакала, обильно смачивая его мундир слезами, давая выход накопившимся за семь лет чувствам. Ланской гладил мягкие шелковистые волосы и мысленно давал слово, что сделает все, чтобы эта женщина была защищена и счастлива. Невольно вырвалось:

- Девочка моя...

Она на мгновение затихла и... разрыдалась окончательно.

Когда Наталья Николаевна наконец успокоилась, Ланской поинтересовался:

- Я могу спрашивать у государя разрешение на женитьбу?

- Он действительно ничего не знает?

- Конечно, нет, но, думаю, догадывается.

Когда Ланской вывел Наталью Николаевну в гостиную, дети замерли в ожидании.

- Я сделал предложение вашей маменьке и получил от нее согласие.

- Вы будете нашим отцом?

- Я буду вашим отчимом, так мы договорились с вашей маменькой. Ваш отец Александр Сергеевич Пушкин. Звать меня достаточно, как и прежде, Петром Петровичем. Думаю, это не испортит наших отношений? Вы согласны принять меня в свою семью?

Это была замечательная фраза! В ответ раздался вопль в четыре детских голоса, даже Маша забыла, что она уже взрослая, а Саша, что он гимназист:

- Да!

Дети окружили Ланского, а Наталья Николаевна и Александра Николаевна стояли, обнявшись, и снова ревели. Неужели прошли те времена, когда они были вынуждены биться как рыба об лед, неужели появился защитник, тот, кто сможет взять заботу о них на себя?

Когда всеобщая вакханалия закончилась, провожая Ланского, Наталья Николаевна вдруг тихонько добавила:

- Петр Петрович, я забыла еще об одном условии. Моя сестра, если пожелает, должна иметь возможность жить с нами. Слишком много мы перенесли вместе, чтобы теперь отталкивать ее.

Бровь Ланского удивленно приподнялась:

- Конечно, а почему вы об этом спрашиваете?

Когда Ланской попросил у государя, как это полагалось по правилам, разрешения жениться на вдове Пушкина, Николай I согласился:

- Ты сделал прекрасный выбор! Что она красавица, видит всякий, но ты сумел разглядеть в ней прямую и честную женщину и не испугался детей. Вы достойны счастья, и Бог пошлет вам его. Передай своей невесте мои поздравления, а также что я хочу быть у нее посаженным отцом!

Невеста оказалась весьма твердой:

- Петр Петрович, наша свадьба должна быть очень и очень скромной, только самые близкие люди. Ни о

каком государе в роли посаженного отца не может быть и речи. Попробуйте объяснить это царю.

Такое объяснение могло стоить Ланскому только начавшейся карьеры, все же шефом Конного полка был сам император... Но то ли хорошо объяснил, то ли сам царь понял, что Наталья Николаевна не допустит, чтобы по ее поводу снова злословили, Николай I не обиделся, только потребовал, что если не пускают на свадьбу, то крестным отцом первенца чтобы сделали обязательно.

Так и случилось, он стал крестным отцом первой из трех дочерей Ланских – Александры.

Петр Петрович выполнил все условия Натальи Николаевны.

16 июля 1844 года Наталья Николаевна стала Ланской. Она прожила во втором браке 19 лет, родила трех дочерей и воспитала четырех детей Пушкина.

Умерла Наталья Николаевна в 51 год от воспаления легких, окруженная детьми и внуками...

Наталья Николаевна была удивительно красива, это признавали все, видевшие ее.

Она не обладала ни энциклопедическими знаниями, ни блистательным умом, ни искрометным чувством юмора. Была кокетлива и ревнива.

Но обладала бесценным даром, помимо внешней красоты, – была чиста душой. Недаром Поэт твердил, что любит ее душу.

А еще была прекрасной матерью, что доказали долгие годы жизни после Пушкина. Сумела не только сама сохранить память о нем, но и детей воспитать в глубочайшем уважении к имени отца. Это дорогого стоит.

Письма Натальи Николаевны к Пушкину были либо сознательно уничтожены, либо спрятаны так, что найдутся не скоро.

А вот ее письма к родным, прежде всего к брату Дмитрию, от которого она получала содержание (то есть свою законную часть доходов от гончаровских имений), сохранились. Выдержки, приведенные в тексте, взяты из ПОДЛИННЫХ писем. Согласитесь, в них нет и намек на холодную светскую красотку, у которой на уме балы и удовольствия. Нет, скорее забота одна – на что кормить своих детей.

Можно возразить, что красавицу, мол, прижало после смерти мужа, вот и сменила тон и заботы. Но и при жизни Пушкина Наталья Николаевна писала брату о том же: мужу не на что содержать семью, я тоже должна вносить свою лепту, пришли, пожалуйста, положенные мне деньги... Причем всегда сначала идут долгие извинения и уверения, что без крайней нужды не просила бы, и лишь потом сама просьба прислать положенные средства.

Как-то не очень похоже на бездумную кокетку, способную свести мужа в могилу...

Когда изучаешь последние месяцы жизни Пушкина, нет, не поэта, не ревнивого мужа, а издателя, главы большой семьи, становится страшно.

У него ничего не получалось, ничего. Были заложены имения, «не пошел» «Современник», если первый номер еще удалось продать, то второй почти весь остался нераскупленным, третий, много более удачный, положения не спас... Положенный по должности доход – 5000 рублей в год – полностью вычитали в счет взятой им некогда из казны суммы в долг, и конца этому не предвиделось. Именно потому, а не из-за капризов императора, не мог оставить службу Пушкин – он был должен. Должен всем и за все: казне, многочисленным кредиторам, хозяйке квартиры, друзьям, даже собственному камердинеру. Были заложены не только Болдино или Михайловское,

заложены и семейные ценности, даже шали Натальи Николаевны и ценности Екатерины Николаевны, было заложено отданное для этого столовое серебро его приятеля Соболевского... И надежды выкупить заклады никакой, совсем никакой.

А векселя могли быть предъявлены в любой момент. Почему не предъявляли, почему не требовали не только хозяева жилья или лавок, где отоваривались Пушкины, друзья, слуги, но и далекие от него люди вроде тех, кто уже седьмой год держал вексель, выданный на два года за московский карточный долг? Наверное, понимали, что взять нечего, разве его изгрызенные перья или обрывки черновиков...

А еще жалели. И вот эта жалость, пусть и из лучших побуждений, иногда куда тяжелее требований или оскорблений. Он, глава семейства, некогда обещавший будущей теще сделать Наташу не просто счастливой, но и содержать так, чтобы у нее не возникло сожаления по поводу замужества, не смог не только обеспечить жену, но и поставил семью на грань полного краха. Он был банкрот.

Почему-то исследователи, столь подробно изучающие каждое слово, каждый вздох Пушкина в этот последний роковой год, забывают, что, помимо литературных проблем (не слишком восторженно, а то и плохо приняли прозаические произведения, ругали журнал, твердили, что исписался...), были проблемы денежные. И вот они-то оказались куда страшнее литературной критики или ухаживаний Дантеса за Натальей Николаевной! А его оскорбительные выходки и даже диплом рогоносца оказались только последней каплей, той, которая перевернула чашу жизни Поэта. Не было бы Дантеса, нашлось бы что-то другое.

Предвижу крики пушкинистов и предание анафеме, но все же скажу: вторая половина 1836 года для Пушкина прошла не под знаком приставаний

противного Дантеса к Наталье Николаевне, а под вопросом: «Где взять денег?!» Даже страшнее: «Где?! Немедленно! Достать! ДЕНЕГ!!!»

Потому что поэт был должен столько, что уже никакой «Современник» окупить не мог. Он был полным банкротом с невозможностью как-то выпутаться из этого кошмарного положения. Осознать состояние Пушкина может лишь тот, кто испытал нечто подобное, когда завтра поутру нужно платить, а сегодня вечером ты не знаешь, как это сделать. А если еще жена-красавица и четверо маленьких детей? Если признать, что все потеряно, нет никаких сил, а встать перед всем миром или перед тем же императором на колени не позволяет гордость?

Подо что просить? Даже если бы засел за письменный стол и писал день и ночь, если бы печатали все написанное и, что важнее, раскупали, даже если бы стал паинькой и рифмоплетом в угоду императору и двору, при большой семье и скромном образе жизни понадобились бы многие годы, чтобы выпутаться из долговых обязательств. Но это был бы уже не Пушкин, не тот Пушкин, которого все знали и знаем мы, не тот Пушкин, что остался в веках.

Немыслимые долги, полное отсутствие надежды из них выпутаться, фактическое банкротство, угроза вскоре оказаться вместе с семьей попросту на улице и без средств к существованию (конечно, их приняли бы в Полотняном Заводе, но ведь и там требовались деньги на жизнь), неуспех издательской деятельности... Наложите все это на взрывной характер Пушкина, и станет понятно, что не до Дантеса ему было, тот со своими ужимками просто подвернулся под руку.

Оскорбленная честь из-за увиваний за супругой? Но сам Пушкин писал Геккерну, что ухаживания его сына не выходили за пределы приличий... Правда, в конце концов вышли, и это стало поводом.

Он искал смерти... сам искал. Выхода другого просто не видел. Три попытки вызвать кого-нибудь на дуэль – никто не согласился, все принесли извинения, объяснились. Ни у кого из русских не поднялась бы рука стрелять в Пушкина.

А у француза? Пушкин просто не оставил Дантесу возможности отказаться.

Но разве Пушкин не понимал, что последует за дуэлью? В лучшем случае это была бы ссылка, ведь дуэли запрещены. А как же семья, как же дети?

Когда он вызвал на дуэль Дантеса в первый раз, Жуковский попенял: а как же дети в случае гибели? Был ответ, мол, царь их не оставит. Откуда такая уверенность, не было ли подобного разговора у поэта с императором? Если да, то он просто сам лез под пули, жертвуя собой, чтобы у его семьи было хоть какое-то будущее. Страшно...

Не отсюда ли его слова к жене, что она ни в чем не виновата? Может, не только амурные глупости Дантеса были причиной гибели поэта, а страшнейшая яма, в которую он попал в последний год, – провалы во всех областях? Потом оценили, потом снова назвали первым, гениальным, самым-самым... а тогда, всеми если не отвергнутый, то непонятый, без средств к существованию и возможности найти выход из создавшегося положения, он все же его нашел – самый страшный – избавление ценой собственной жизни.

Поэт погиб, а Наталья Николаевна осталась жить. И нести несправедливое проклятье. Но она никогда ни одним словом не укорила мужа, оставившего ее с четверьмя детьми без средств к существованию на милость императора и родственников. Она вынесла все, в том числе достойно пронесла и обвинения, и память супруга через всю оставшуюся жизнь.

Наталья Николаевна была женой ГЕНИЯ всего шесть лет, после того семь вдовой и двадцать лет супругой

другого человека. Но осталась вдовой Пушкина, хотя называют все же Натальей Николаевной Гончаровой. На ее могиле написано иначе: Ланская. Слышны голоса с требованием добавить: Пушкина.

Но мне кажется, не стоит. Однажды Пушкин написал жене: «... я все еще люблю Наташу Гончарову...» Пусть она останется для нас Наташей Гончаровой, тоненькой красивой девочкой на московском балу, у которой все было еще впереди, в том числе и большая любовь ПОЭТА. Была и осталась навсегда.

Не надо искать пятен на Солнце, ослепнуть можно.
Пусть она и для нас останется ЕГО МАДОННОЙ.